

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1951

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,
С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

І. СООБЩЕНИЯ

ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

ИНФОРМАЦИЯ

Археологическое исследование древнерусских городов, особенно широко развернувшееся после Великой Отечественной войны, является одной из важнейших тем советской археологической науки. Накопленный материал, освещающий вопросы происхождения города и развитие его культуры, позволяет подвести некоторые итоги в разработке этой проблемы. С этой целью Институт и организовал специальный Пленум, посвященный данной теме.

Пленум продолжался с 8 по 11 января 1951 г. На Пленуме была освещена часть объектов, подвергавшихся исследованию за последние годы, в следующих заслушанных докладах:

Н. Н. Воронин, К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города;

М. К. Каргер, Основные итоги и проблемы археологического исследования древнего Киева;

Б. А. Рыбаков, Древний Вщиж (к истории русского удельного города);

В. А. Богусевич, Раскопки на Подоле в Киве;

В. К. Гончаров, Древний Колодяжин;

М. Ю. Брайчевский, К происхождению древнерусских городов;

М. И. Артамонов, Белая Вежа — русская колония в донских степях;

С. А. Тараканова, К вопросу о происхождении города в Псковской земле;

Л. А. Голубева. Древнее Белоозеро;

В. И. Равдоникас, Древнейшая Ладога в свете археологических исследований;

А. Л. Монгайт, Старая Рязань;

М. Г. Рабинович, Основные итоги археологического изучения Москвы;

Б. А. Колчин, Металлообрабатывающее ремесло древней Руси.

В докладах, прочитанных на Пленуме, были отражены основные достижения советских археологов в области археологического изучения древнерусских городов, освещены новые археологические материалы, характеризующие различные стороны высокой материальной и духовной культуры русского народа в период Киевского государства, развитие производительных сил и

рост ремесленно-торгового населения городов и экономических связей их с сельской округой и другими городами в удельный период истории Руси.

В работах Пленума приняли участие представители Института археологии Академии Наук УССР, Института истории Академии Наук БССР, Казанского филиала Академии Наук СССР, Государственного исторического музея и крупнейших областных музеев Российской Федерации, Украинской и Белорусской республик. Пленум привлек большое внимание советской общественности и прошел в обстановке оживленной дискуссии по важнейшим вопросам истории древнерусского города.

Ниже публикуются обзорный доклад Н. Н. Воронина, тезисы заслушанных докладов и резолюция Пленума.

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНУМЕ

Н. Н. ВОРОНИН

К ИТОГАМ И ЗАДАЧАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА

1

11—15 марта 1941 г. в Ленинграде состоялся первый Пленум Института истории материальной культуры, посвященный итогам исследования древнерусских городов. В докладах были поставлены на обсуждение результаты первых археологических работ, почти «разведок», и отдельные частные вопросы, а также освещены наиболее интересные памятники¹. С тех пор прошло почти 10 лет, и советские археологи снова собрались, чтобы поделиться результатами проделанной работы и опытом исследования древнерусских городов.

Подводя эти итоги, нужно помнить, что за прошедшее десятилетие наша Родина пережила тяжкое испытание Великой Отечественной войны, завершившееся блистательной победой нашей социалистической державы. Нашествие фашистских варваров нанесло не малый ущерб культурным ценностям древнейших городов страны,— были уничтожены выдающиеся памятники древнерусской культуры и искусства в Киеве, Новгороде, Чернигове, Смоленске, Пскове и других городах. В уничтоженных и расхищенных захватчиками музеях погибли и замечательные коллекции, созданные раскопками древнерусских городов в предвоенные годы.

Созванное в 1945 г. Всесоюзное археологическое совещание поставило перед советскими археологами задачу учесть утерянные сокровища², а затем широким развитием новых исследований воссоздать коллекции музеев, которые являются базой для разработки проблемы происхождения и развития русского города, вопросов истории древнерусской культуры. Эта работа протекала в условиях первой послевоенной пятилетки и явилась немаловажной частью восстановительных работ, развернувшихся в нашей стране.

Всесоюзное археологическое совещание, подводя итоги сделанному³,

¹ См. материалы Пленума, опубликованные в вып. XI КСИИМК, М.—Л., 1945 г.

² Об обследовании древнерусских городов (Киева, Новгорода, Чернигова, Смоленска, Калинина, Можайска, Волоколамска, Истры, Дмитрова, Яхромы и Серпухова) см. КСИИМК, вып. XIV, стр. 162 и карту—КСИИМК, вып. XXIII, а также: Великая Отечественная война и задачи советских археологов (о плане восстановления археологических памятников, разрушенных фашистскими варварами). Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945, стр. 143.

³ См. Н. Н. Воронин. Древнерусский город (итоги и задачи изучения). Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945, стр. 127—134.

наметило также конкретную программу развития исследований в области древней истории русского города¹, которая включала следующие задачи:

1) продолжение исследований крупнейших центров древней Руси: Киева, Новгорода, Старой Рязани, Чернигова и других; особо были выделены темы о русских поселениях на юго-востоке — в Подонье и Приазовье и о древностях западных областей Руси;

2) начало исследований среднерусских городов XIII—XIV вв. с общей задачей изучения материальной культуры этой археологически мало известной поры;

3) изучение памятников военно-инженерного искусства древней Руси;

4) была особо подчеркнута необходимость возобновления исследований в области русской нумизматики.

На основе материалов совещания были разработаны перспективные планы археологических учреждений: Института истории материальной культуры АН СССР, Института археологии АН УССР, Института истории АН БССР, Государственного исторического музея в Москве и др.² Нужно подчеркнуть, что намеченные работы, итоги которых за послевоенное пятилетие весьма существенны, значительно превзошли по размерам довоенные исследования. Если на Пленуме 1941 г. преобладали частные вопросы, то теперь, как показывают заслушанные доклады, мы имеем возможность дать не только более полную характеристику крупнейших древнерусских городов, но и ставить общие вопросы их происхождения и истории.

Необходимо также отметить ряд крупных событий в разработке данной темы за отчетное время, как то: выход в свет удостоенного Сталинской премии 1 степени капитального труда Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» (М.—Л., 1948), I тома «Истории культуры древней Руси» (М.—Л., 1948) и монографий члена-корреспондента АН СССР М. Н. Тихомирова «Древнерусские города» (М., 1946) и «Древняя Москва» (1947).

В книге Б. А. Рыбакова обобщен огромный археологический материал по истории русского ремесла от истоков ремесленной культуры поднепровских славян в V—VI вв. и до середины XV столетия; нарисована детальная картина развития городского ремесла и показана его ведущая роль по отношению к ремеслу деревенскому; дан анализ состояния, технической основы и эволюции каждой отрасли ремесла. В исследовании многочисленных серий вещей Б. А. Рыбаков продвинул далеко вперед методику археологического анализа вещи, разработал и применил новые методические приемы, чрезвычайно расширившие возможности исторического познания археологического материала.

В I томе «Истории культуры древней Руси» подведены итоги нашего изучения древнерусской материальной культуры. Этот большой коллективный труд с полной отчетливостью выявил те вопросы и темы в истории культуры и древнерусского города, которые были недостаточно исследованы и требуют теперь первоочередного внимания.

М. Н. Тихомиров, обобщив в своем труде данные письменных источников о городах домонгольской поры и использовав важнейшие археологические материалы, дал первое в нашей литературе исследование древнейшей истории русского города. Был поставлен вопрос о времени и основных чертах процесса возникновения городов, о их численности, характере и географическом размещении; впервые дана обстоятельная характеристика состава городского населения и картина классовой борьбы в городах. Этот труд одного из лучших историков древней Руси, во многом перекликающийся с выводами археологов, является большим подспорьем в разработке нашей темы.

¹ См. Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию, стр. 163—164.

² Там же, стр. 163—174

Непрерывное движение вперед стало обычным законом развития советской археологии, которая не отстает от общего стремительного движения нашей Родины от социализма к коммунизму. Мы привыкли к неиссякаемому потоку интереснейших археологических открытий и как-то перестали ощущать их силу и весомость. Но все же нужно признать, что мы еще лишь в начале разработки большой проблемы древнерусского города, и это не потому, что мы мало или медленно работали, а потому, что сама проблема чрезвычайно велика, многосложна и ответственна, и чем глубже мы в нее вникаем, тем больше возникает новых интереснейших вопросов. Это тема не одной-двух пятилеток, но тема поколения, если не нескольких поколений археологов.

Сказанное определяет задачу настоящего общего доклада:

1) сравнить, в основном на материале ИИМК, сделанное за последние годы с той перспективной программой, которая выдвигалась нами в 1945 г. на I Всесоюзном археологическом совещании;

2) кратко охарактеризовать материалы, не представленные докладами на Пленуме, и, наконец,

3) поставить некоторые вопросы будущих работ, выявляющиеся в ходе наших исследований.

Конечно, в рамках короткого доклада все эти темы могут быть изложены лишь конспективно.

2

Первая тема — изучение крупнейших городов домонгольской Руси — была центральной в истекшем пятилетии; она остается главной задачей и наступившей пятилетки. Поэтому настоящее обзорное сообщение посвящено прежде всего этой теме. Результаты ее разработки с большой полнотой освещены в заслушанных докладах¹, которые, однако, не охватили всех объектов. К ним нужно прибавить огромные по объему и обильные новыми научными фактами работы А. В. Арциховского в Новгороде²; раскопки разведочного порядка Н. Н. Воронина в Муроме³, А. В. Никитина в Вологде, начинающиеся работы Д. А. Авдусина в Смоленске; значительные и весьма интересные работы в городах Украины: Б. А. Рыбакова и М. К. Каргера в Переяславле Хмельницком⁴ и в Зарубе⁵, новые

¹ См. ниже тезисы докладов, стр. 30—68.

² Довольно обширные исследования на Славне и Ярославском двореце обобщены в работах А. В. Арциховского: Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11; Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. Там же. Обзор новгородских раскопок за 1932—1940 гг. см.: М. К. Каргер. Основные итоги, археологического изучения Новгорода. СА, XI; А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода за 25 лет (по 1944 г.) см.: КСИИМК, вып. XIII, стр. 189. О работах в Новгороде 1947—1948 гг. см.: А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция (1947), КСИИМК, вып. XXVII, стр. 113; его же. Новгородские раскопки 1947 г. ВИ, 1948, № 1, стр. 156; его же. Новгород Великий по археологическим данным. ВАН, 1948 г., № 3, стр. 49; его же. Раскопки в Новгороде (1948). КСИИМК, вып. XXXIII; А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения древнего Новгорода. КСИИМК, вып. XL. Вопросы археологического изучения Новгорода затронуты в статье Г. Б. Федорова и А. Л. Монгайт. Вопросы истории Великого Новгорода. ВИ, 1950, № 9, стр. 105. О раскопках, связанных с изучением Софийского собора, см.: А. Л. Монгайт. Об археологических работах в Софийском соборе. КСИИМК, вып. XXI; его же. Раскопки в Мартириевской паперти Софийского собора. КСИИМК, вып. XXIV

³ Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI.

⁴ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Переяславле Хмельницком в 1945 г. АП, 1. Киев, 1949.

⁵ М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. СА, XIII.

раскопки В. К. Гончарова на знаменитом Райковецком городище¹, работы И. Д. Старчука в Плиснеске², И. И. Ляпушкина в Полтаве³, Б. А. Рыбакова и В. А. Богусевича в Чернигове⁴ и др.; раскопки в БССР: В. Р. Тарасенко в Минске⁵, Н. Н. Воронина в Гродно⁶.

Археологические исследования крупнейших городов дали возможность получить новые материалы для дальнейшего освещения в монографиях происхождения и времени появления этих городов, облика их материальной культуры и ее развития, значения города в жизни древней Руси.

Изучение древнерусских и западнославянских городов позволяет проследить становление феодального города в процессе разложения первобытно-общинного строя и формирование феодальных отношений⁷, не осложненное наличием античного римского наследия в виде городов, «перешедших из прошлой истории», как характеризовал К. Маркс города, возникшие в античную эпоху и вошедшие в историю западноевропейского феодализма⁸.

Вопрос о происхождении русского города привлек внимание еще в 30-х годах, когда в статьях В. И. Равдоникаса⁹ и А. В. Арциховского¹⁰ о генезисе феодализма была нарисована в самых общих чертах археологическая картина этого процесса. Основное положение, что возникновение городов явилось результатом отделения ремесла от земледелия и развития на другом полюсе общественного производства сельского поселения, деревни, также хорошо документировалось в общей форме археологическим материалом. Однако обрисовать конкретный исторический процесс происхождения того или иного города в специфических условиях отдельных районов Руси за отсутствием материала мы не могли. Еще в 1944 г. Б. Д. Греков писал, что «вопрос этот крайне запутан... Письменные источники не дают на него прямого ответа, а археология еще не успела собрать достаточного количества материала... Загадка происхождения русских городов не разрешена и сейчас»¹¹.

Теперь, когда вырос археологический материал, необходимый для ответа на этот вопрос, определяется и его решение. Стало очевидным, что менее всего состоятельна «торговая теория» происхождения древнерусских городов, представлявшая их продуктом энергичного развития обмена, и главным образом транзитного торгового, и совершенно не подозревавшая определяющего значения русского ремесла. Напротив, как рождение городов, так и расцвет торговли явились результатом быстрого развития производительных сил, и в первую очередь ремесленной промышленности, у восточнославянских племен.

¹ В. К. Гончаров. Посад и сельские поселения близ Райковецкого городища. АП, I, Киев, 1949; материалы довоенных раскопок и новых работ обобщены в монографии того же автора «Райковецкое городище», Киев, 1950.

² И. Д. Старчук. Раскопки на городище Плиснеске. АП, I, Киев, 1949.

³ И. И. Ляпушкин. Древнеславянское поселение VIII—XIII вв. на территории г. Полтавы. АП, I, Киев, 1949.

⁴ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Чернигове. КСИИМК, вып. XXI и АП, I, Киев, 1949; его же. Древности Чернигова. МИА, № 11, М., 1949.

⁵ В. Р. Тарасенко. Раскопки минского Замчища. КСИИМК, вып. XXXV.

⁶ Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 138; его же. Раскопки в Гродно (1949). КСИИМК, вып. XXXVIII.

⁷ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 4.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, 1948 г., стр. 41.

⁹ В. И. Равдоникас. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы. Сборник «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества». М.—Л., 1934.

¹⁰ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 11—12, стр. 35—60.

¹¹ Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси, М.—Л., 1944, стр. 20. Обзор и анализ существующих мнений историков см. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 30 и след.

Очевидно, что процесс возникновения городов как торгово-ремесленных центров протекал неодновременно в разных районах Руси; передовым районом было Поднепровье и Поднестровье.

Этот процесс развивался не по единой «социологической формуле», но имел несколько конкретных вариантов, и попытки подменить многосложность исторической действительности какой-либо одной схемой не помогут освещению вопроса. Так, например, были предложены две таких теории. Одна, которая может быть названа «замковой», — изложена в докладе М. Ю. Брайчевского¹. Другая предложена С. А. Таракановой в итоге изучения древнего Пскова — это теория происхождения торгово-ремесленных городов на базе «племенных городов»².

Нет сомнения, что одним из путей образования города был путь оседания ремесленников и торговцев под стенами, точнее валами, укрепленных усадеб господствующих княжеско-дружинных верхов раннефеодальной Руси. Нужно заметить, однако, что сравнительный материал по этому вопросу из истории западноевропейского средневековья показывает, что, например, во Франции и Германии замки еще в очень примитивной форме появляются лишь в X веке и становятся характерным явлением только в XI столетии. Скорее всего и в древней Руси этот вариант происхождения города связан не с VIII—IX, а с IX—XI веками и особенно с периодом феодальной раздробленности, когда в условиях феодальных войн стала насущной потребность в защите, когда на пограничных княжествах или во вновь колонизируемых землях возникали и новые княжеские крепости, около которых также вырастал посад. Но, конечно, не все древнерусские города выросли из замков.

Что касается второй гипотезы, то здесь прежде всего нужно отметить нечеткость понятия «племенного города», «племенного центра». По сути дела речь идет об укрепленных³ поселениях последнего этапа первобытно-общинного строя, и в этом смысле это — поселения «племенные», т. е. догосударственные⁴, но городами в научном смысле слова их назвать еще никак нельзя (об этом ниже). Заслуга С. А. Таракановой состоит в установлении факта непрерывности развития поселения на месте Пскова от II—III вв. н. э. до сложения феодального города. Едва ли есть основания для обобщающего заключения, что только «существование племенных городов восточных славян исторически обусловило возникновение и развитие древнерусских городов...»⁵; однако нет сомнений в том, что в основе многих древнерусских городов, и не только Пскова, лежат старые дофеодальные поселения, хотя не всегда глубокой древности, превратившиеся в процессе своего органического развития в подлинные города, и что никакой речи о роли варягов-норманнов в этом процессе быть не может⁶. Остановимся на нескольких примерах происхождения древнерусского города.

¹ См. тезисы доклада на стр. 30.

² С. А. Тараканова. О происхождении и времени возникновения Пскова. КСИИМК, вып. XXXV, стр. 18. Информации о раскопках в Пскове: Н. Н. Чернягин. Гребень из Псковского городища. СА, X; С. А. Тараканова. К вопросу о крепостных стенах Пскова. КСИИМК, вып. XIII; ее же. Раскопки в Псковском Кремле (1946). Там же, вып. XXI; ее же. Раскопки древнего Пскова (1945—1947). Там же, вып. XXVII; ее же. Новые материалы по археологии Пскова. Там же, вып. XXXIII; ее же. Старый Изборск. Там же, вып. XX.

³ Ср. «Сельское устройство является только устройством марки, самостоятельной сельской общины. Оно переходит в устройство города, как только село превращается в город, т. е. укрепляет себя рвом и стенами». Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Марка, 1940, стр. 90.

⁴ С. А. Тараканова. О происхождении и времени возникновения Пскова. КСИИМК, вып. XXXV, стр. 25.

⁵ Там же.

⁶ См. также Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, вып. XXX.

Естественно начать с «матери градов русских» — Киева¹. Установлено, что в VIII—IX вв. на его территории существовало три не связанных между собой городища — на Киевской горе, на Щекавице и Киселевке. Некрополи этих городищ содержат погребения ремесленников и воинов-дружинников IX—X вв. Городище на Киевской горе, территория которого теперь определена, занимало до конца X в. очень небольшой участок (примерно одну пятую плато горы), было ограждено рвом и валом, за которым лежал могильник. При Владимире I ров засыпается, город охватывает уже все плато и ограждается новыми валами с каменными воротами. Последующее расширение города при Ярославе хорошо известно. Киев становится крупнейшим центром ремесла и торговли. Для нас важно отметить другое, что время до VIII—IX вв. пока остается для Киева неясным — есть следы поселений корчеватовского типа, т. е. III—IV вв., но промежуток между этим временем и VIII—IX вв. остается незаполненным, и мы пока не можем говорить о непрерывности развития здесь поселения с эпохи полей погребений и до IX—X вв.

В основе древлянского Искоростеня лежало 7 дофеодальных поселений. Последующие раскопки покажут их взаимоотношение и характер².

Иную картину дает Великий Новгород³; поиски древнейших культурных напластований на его территории до последнего времени не давали находок раньше X в. В связи с этим была высказана гипотеза, что более ранним «старым городом» была либо Старая Ладога, либо Рюриково городище под Новгородом. Раскопки 1948 г. обнаружили на Ярославовом дворище следы слоя IX в., но его характер позволяет предполагать на территории города этого времени лишь наличие отдельных маленьких поселков. Интересно, что на Перьни обнаружено синхронное им поселение, также существовавшее до образования Новгорода и, вероятно, являвшееся языческим мольбищем с храмом Перуна. Великий Новгород как город ведет свою историю лишь с X в.

Выдающийся по своему научному значению памятник Старая Ладога⁴ старше Новгорода на три столетия. Древнейшие отложения здесь датируются VII—VIII вв. Это поселение колонистов, пришедших сюда из более южных районов. Социальный облик поселка, в расположении которого наблюдается тенденция к круговой планировке, с исключительной яркостью

¹ М. К. Каргер. Дофеодальный период в истории Киева по археологическим данным. КСИИМК, вып. 1, стр. 9; его же. К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. Там же, вып. VI; его же. К вопросу о древнейшей истории Киева. СА, X; Л. А. Голубева. Топография домонгольского Киева (тезисы диссертации). КСИИМК, вып. XVI; ее же. Киевский некрополь. МИА, № 11; Раскопки в Киеве на горе Киселевке в 1940 г. А, I, Киев, 1947; П. М. Самойловский. Славянский могильник в Киеве над Днепром. А, III, Киев, 1950. Обзор археологических исследований Киева по 1944 г. см.: М. К. Каргер. Итоги археологических раскопок в Киеве за 25 лет. КСИИМК, вып. XIII, стр. 188; его же. Киевская экспедиция (1946). КСИИМК, вып. XXI; его же. Раскопки в Киеве в 1946 г. АП, 1, Киев, 1949; его же. Киев и монгольское завоевание. СА, XI; его же. Новые данные к истории русского жилища. КСИИМК, вып. XXXVIII. Отчеты об археологических исследованиях Киева за 1938—1947 гг. опубликованы в книге М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, 1950; Д. Блицфельд. К вопросу о Боричевом взвозе древнего Киева. А, II, Киев, 1948.

² П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. X, стр. 123.

³ См. литературу выше, стр. 7, прим. 2.

⁴ Материалы дореволюционных раскопок Н. И. Репникова в Старой Ладоге изданы в книге «Старая Ладога», Л., 1948. Общий популярный очерк см.: С. Н. Орлов. Старая Ладога, Л., 1949. Основное исследование новых материалов: В. И. Равдоникас. Старая Ладога, (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.), ч. I и II. СА, XI и XII; см. также: Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА, XIV; Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги, СА, XIV; Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV; Д. В. Найдич. О некоторых археологических находках в Старой Ладоге. СЭ, 1942, № 2, стр. 142.

характеризует большие срубные избы — жилища большесемейных общин, связанных единством хозяйственных интересов. Эти большесемейные дома характерны и для Ладоги IX в. Основой хозяйственной жизни Старой Ладоги раннего этапа являлось скотоводство и земледелие, дополнением к ним была охота и, особенно, рыбная ловля. Из развитой домашней промышленности ремесло (обработка железа) только начинает выделяться¹. X век является и здесь переломным в процессе развития поселения. Большесемейные жилища сменяются избами малых семей. Именно в это время ремесло выделяется из домашней промышленности, появляются следы торговой деятельности, уплотняется население, что ведет к скученности застройки и известной регулярности планировки. Однако и в это время «процесс отделения города от деревни выражен не резко... „Лицо города“ в целом... все еще остается далеко не ясным»². Собственно о городе можно говорить лишь с конца X в., когда мы видим уже порядовую уличную застройку, элементы городского благоустройства (мостовые), особые ремесленные постройки и т. п.

Раскопки древнего Белоозера, повидимому, открывают весьма интересный вариант образования города — возникновение торгово-ремесленного поселка (типа позднейших новгородских «рядков») на новом месте; любопытно, что пока не прослежено никаких признаков кремля-детинца или городских монументальных укреплений (может быть, здесь не было валов, а была какая-либо легкая ограда); интересна и рядовая застройка поселка вдоль берега Шексны³.

Иную картину возникновения города дает Муром — один из трех древнейших центров северо-восточной окраины Киевской державы. Как известно, летопись называет первыми насельниками города мордовское племя мурому. Действительно, в основе городской территории лежит несколько муромских селищ IX—XI вв. Археологическая разведка района установила в округе города необычайную сгущенность подобных муромских и славянских селищ⁴. Раскопка одного из них показала, что этот поселок, как и другие муромские деревни, имел весьма развитое ремесло: здесь занимались плавкой железа на базе местного рудного сырья. Литейщиками-ювелирами использовалась также привозная медь. Весьма вероятно, что развитию ремесел способствовала окская торговля.

Преобразование Мурома в центр русской колонизации и крупную крепость на Оке ускорило концентрацию ремесла на посаде и стягивание сюда ремесленных элементов из окружающих селений. В силу этого в XI в. селения хиреют и исчезают, в то время как, судя по стратиграфии Мурома и соотношению мощности слоя первичного племенного поселка и русского города, последний переживает в XI—XIII вв. период бурного роста⁵.

В условиях колонизации и освоения новых земель, в период Киевской Руси и особенно в период феодальной раздробленности, начальным ядром многих городов является княжеская крепость или замок феодала, причём, в зависимости от конкретных условий, ремесленное население либо не выходит за пределы крепости, либо образует посад под ее стенами. Таковы многие города Поднепровья (Райка, Колодяжин и др.), Вщиж на Десне⁶, Гродно⁷, Сурож⁸ и, возможно, некоторые другие города Принеманья;

¹ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XII, стр. 39—40 и тезисы доклада, см. стр. 34; Г. П. Гроздилов. Указ. соч., стр. 161—162, 166.

² В. И. Равдоникас. Указ. соч., СА, XI, стр. 53—54.

³ См. ниже, стр. 37.

⁴ Разведка была осуществлена директором Муромского музея И. П. Богатовым.

⁵ Е. И. Горюнова. Муромская экспедиция (1947). КСИИМК, вып. XXVII; е же. Итоги работ Муромской экспедиции. Там же, вып. XXXIII; Н. Н. Воронин. Муромская экспедиция (1946). Там же, вып. XXI.

⁶ Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже (1948—1949). КСИИМК, вып. XXXVIII.

⁷ Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, вып. XXXVIII.

⁸ Материалы раскопок в Гродненском историко-археологическом музее.

таковы, повидимому, Минск¹ и «новые города» Суздальщины: Переславль², Юрьев, Дмитров³, действительно «основываемые» княжеской властью. Существенно отметить, что во Вщиже X—XI вв. прослеживается два слоя населения — один дружинный, обладающий богатым инвентарем, другой — сельского облика, родственной населению сельской округи, стянувшегося к новому феодальному городку из окрестностей и оставившему радимичские курганы. Все названные города не имеют культурных отложений раннефеодальной поры, преемственно связанных со слоями XI—XIII вв.; они, как правило, вырастают заново, а их население искони обладает сложившейся городской культурой. В этом смысле чрезвычайно показательны материалы Белой Вежи — русского поселения, возникшего на месте разрушенной Святославом в 965 г. хазарской крепости Саркела. Здесь сразу же возникает крупный торгово-ремесленный город со своими мастерскими, ремесленным населением и широкими торговыми связями, живущий чрезвычайно интенсивной жизнью на протяжении полутора столетий до 1117 г.⁴

Таковы намечающиеся конкретные пути возникновения и развития русских городов, связанных с особенностями предшествующей истории данного района, с развитием местных производительных сил или с осложнением и ускорением этого процесса русской колонизацией феодальной поры. Это пока общие контуры, которые необходимо детализировать, исправлять и уточнять. Но и сейчас ясно, что процесс зарождения русских городов весьма сложен и многообразен.

Накопление новых материалов показывает также, что вполне назрела необходимость внести в начальную историю древнерусского города определенную периодизацию, строго различая последовательные этапы процесса возникновения города, который охватывает две ступени в развитии общества — конец патриархально-общинного строя и начало классового общества. На первом этапе в связи с усиленным развитием разделения труда и производства для обмена возникают поселки с наличием ремесленного населения, зарождается и противоположность между возникающим городом и деревней. И. В. Сталин подчеркивает постепенность этого процесса: «...дальнейшее улучшение металлических орудий обработки материалов, переход к кузнечному меху, переход к гончарному производству и, соответственно с этим, развитие ремесла, отделение ремесла от земледелия, развитие самостоятельного ремесленного и потом мануфактурного производства...»⁵. Эти зарождающиеся города отличны от городов, вполне сложившихся, степенью развития ремесла, которое в первых еще почти слито с домашним производством, еще не приобрело здесь «самостоятельности». К. Маркс отмечал также, что «город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, потребностей и способов их удовлетворения...»⁶. Следовательно мы должны учитывать и количественный момент — не всякое городище с наличием ремесла является городом: только концентрация значительного населения и ремесленного производства сообщает поселению новое качество — городского поселения. Концентрация в городе ремесленного населения происходит в значительной мере вследствие стягивания ремесленных элементов, рождающихся внутри сельской общины. Наконец, весьма существенно, что одновременно с отделением ремесла от земледелия

¹ В. Р. Тарасенко. Раскопки Минского Замчища. КСИИМК, вып. XXXV, стр. 124—125.

² Н. Н. Воронин. Раскопки в Переславле Залесском. МИА, № 11.

³ Н. П. Милонов. Дмитровское городище. СА, IV.

⁴ М. И. Артамонов. Новые раскопки Саркела — Белой Вежи. ВИ, 1949, № 10; см. также тезисы, стр. 41.

⁵ История ВКП(б). Краткий курс, 1938, стр. 118. [Разрядка моя.— Н. Б.].

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, 1948, стр. 40—41. [Разрядка моя.— Н. В.].

появляется третья «решающей важности» форма разделения труда, свойственная классовому обществу, — выделяются специалисты по обмену продуктов — купцы¹. Следовательно, для сложившегося города будет характерна не просто торговля, но наличие весьма развитой специализированной торговли. Наконец, на втором этапе противоположность между городом и деревней «обостряется» — город резко отделяется от деревни².

Учитывая все эти положения и оценивая в их свете наш материал, приходим к следующим выводам.

В VIII—IX столетиях появляются поселения, которые мы можем назвать зародышами городов. Они, как правило, укреплены, в них наблюдаются известное развитие ремесленной деятельности, еще тесно связанной с домашним производством, и признаки торговых связей. Однако в подобных поселках еще значительно развито сельское хозяйство и налицо разнообразные пережитки прошлого. Вместе с тем эти поселки, как правило, еще невелики, сравнительно немногочисленны, и далеко не каждый из них перерастает в настоящий город. В этом смысле показательна, например, судьба Сарского городища, смененного Ростовом, и городища Камно, явно уступившего быстро растущему Пскову³. Повидимому, подобную же картину мы наблюдаем на Десне, где Кветунское городище уступает быстро превращающемуся в город Трубчевску⁴. Зарождение и начальное развитие поселений городского типа связаны целиком с раннефеодальным периодом, со временем образования древнерусского государства; именно благодаря наличию этих мелких укрепленных поселков, превращавшихся иногда в города, Русь казалась сторонним наблюдателям «страной городов».

Процесс перерастания поселений в настоящие города есть в то же время процесс отделения города от деревни. Он занимает довольно длительный отрезок времени. Применительно к истории Германии К. Маркс писал: «Целых три столетия понадобилось Германии для того, чтобы установить первое крупное разделение труда: отделить город от деревни»⁵. Этот процесс происходил «в IX—XII столетиях»⁶. В России он начал примерно в это же время и протекал весьма энергично. Уже для конца X в. и несомненно для XI в. мы можем с полной уверенностью констатировать сложение подлинных городов, концентрирующих большое население и являющихся крупными средоточиями самостоятельного ремесла и развитой торговли⁷, городов, резко противоположных деревне, за счет ремесленных элементов которой они и развивались⁸. Понятно, что с полным развитием феодализма, с закрепощением деревни должен был резко усилиться уход подвижных, не связанных с землей ремесленных элементов в города. Как отмечал К. Маркс, многие средневековые города «образовались заново освободившимися крепостными»⁹. Таков, видимо, Владимир на Клязьме с его «мизинными людьми», бывшими «холопами орачами и древоделами» ростовской знати¹⁰. Характерно, что именно в XI—XII вв. русское ремесло достигает своего расцвета, и мы знаем его по материалам преимущественно этого времени. В XI в. существенно меняется и внешний облик города, вырастают посады; старый укрепленный поселок становится феодальным

¹ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 297—298.

² Там же.

³ См. тезисы С. А. Таракановой, стр. 30.

⁴ В. А. Падин. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска. КСИИМК, вып. XXIII.

⁵ К. Маркс. Нищета философии. Партиздат, 1937, стр. 90.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Письмо к Анненкову, т. II, стр. 425.

⁷ Б. А. Рыбаков. Торговля. «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1951.

⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 27.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IV, 1948, стр. 41—42.

¹⁰ Лавр. лет. под 1177 г.

кремлем, аристократическим ядром города и административным центром. Напомним, что, например, Псков с X по XIII в. распространяется на территорию Окольного города. В XI—XII вв. развертывается и острая классовая борьба, вспыхивают первые восстания горожан против растущего феодального гнета. Эта переломная для истории городов дата (X—XI вв.) прекрасно согласуется с данными письменных источников¹. Иначе говоря, окончательное сложение древнерусского города в основном совпадает по времени с повсеместной победой феодального строя на Руси, с периодом феодальной раздробленности.

3

В кратком обзоре нет возможности достаточно полно охарактеризовать полученный раскопками за истекшее пятилетие разнообразнейший вещевой материал, освещающий жизнь древнерусского города и отдельные стороны его культуры. К тому же этот материал в большей своей части еще не обобщен самими исследователями. Поэтому отметим лишь важнейшие группы новых фактов и в заключение рассмотрим один общий исторический вопрос об оценке русского города и русской культуры периода феодальной раздробленности XI—XIII вв.

Прежде всего получены обильные новые данные по истории городского жилища; Старая Ладога, Новгород, Белоозеро, Гродно, Москва снова дали серии срубных построек. Особо следует отметить древнейшие староладожские большесемейные дома VII—IX вв. и полученные материалы для изучения в массовом масштабе позднейших срубных жилищ X—XII вв.² Исследование их позволило установить связь древних построек с этнографическим русским жилищем и характер планировки поселка в целом с уличными рядами изб. Интересны типы жилищ в Белоозере: трехчленная изба, большие спаренные избы с обширными сенями и др. На Ярославовом дворе в Новгороде раскоп подошел вплотную к стене большого, видимо дворцового, сооружения XI в.; его открытая деревянная часть имеет длину 17 м и, вероятно, трехчленную композицию. Есть основание думать, что дворцовый ансамбль имел и каменные части³. Во Вщижских жилищах установлено наличие весьма совершенных для той поры печей с кирпичными на глине дымоходами. Большой боярский дом в детинце был трехчленным, двухэтажным, «златоверхим», т. е. имел медную кровлю терема⁴. Драгоценны новые подробности устройства и обстановки жилищ: в Новгороде впервые найдены деревянные оконные жалюзи, наличники окон, балясины крылец, деревянные резные локотники кресел; установлено, что слюдяные оконницы уже делались в домонгольское время. В Старой Ладоге интересны шахматные настилы полов из квадратных листов бересты.

Киев вновь дал типичные дерево-глинобитные полуземляночные жилища (число изученных жилищ этого типа достигает 50)⁵. По всей вероятности, наличием южных колонистов на Волхове объясняется открытие подобных жилищ на Перьни в Новгороде; очевидно, различным происхождением населения хазарского и русского определяется также наличие двух типов жилищ в Белой Веже⁶.

Накопление нового массового материала по городскому жилищу позволило подойти к ряду интересных исторических обобщений о сложении уже

¹ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 27.

² В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI—XII, также тезисы (см. ниже, стр. 34).

³ А. В. Арциховский, КСИИМК, вып. XXXIII, стр. 7.

⁴ Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже. КСИИМК, вып. XXXVIII и тезисы см. ниже, стр. 56.

⁵ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950; его же. Новые данные к истории русского жилища. КСИИМК, вып. XXXVIII.

⁶ М. И. Артамонов. Указ. соч.

в XI—XIII вв. двух основных типов жилища — северного и южного, примерной границе их распространения, развитии жилища на основе местной славянской традиции и притти к выводу о вздорности космополитических утверждений о каких-либо влияниях — норманнском, германском или греческом — на этот процесс¹.

Обогатились наши сведения и о городском благоустройстве. Кроме уличных мостовых, в Новгороде открыто сплошное замощение вечевой площади; судя по отсутствию отложений на этих мостовых, они содержались в чистоте. Деревянные мостовые X в., перекрывавшие болотистые участки, обнаружены в Пскове; деревянный уличный настил XI—XII вв. открыт в Минске. Старая Ладога IX—X вв. располагала мостовыми особого устройства из длинных бревен, уложенных вдоль оси улицы; от мостовой к задворкам вели пешеходные узкие мостки. Специальное исследование «подземного хозяйства» Великого Новгорода показало, что система деревянных труб является не водопроводной, как полагали ранее, а дренажной осушительной системой с весьма тонко рассчитанным уклоном водоотводных труб по направлению к Волхову², причем эти дренажи не были привилегией одного княжеского дворища, но применялись и в других районах города, например на Чудинцевой улице.

Те же северные сокровищницы древностей — Новгород и Старая Ладога — дали впервые коллекции вещей, характеризующих средства передвижения, известные нам до сих пор лишь по письменным источникам и косвенным данным. Найдены целые полозья грузовых саней с копылами и вязами, гнутые из брусков дуба. Замечательны превосходно сохранившиеся лыжи — узкие беговые, с хорошо выструганным ходовым желобком, и более широкие охотничьи, подбивавшиеся мехом, устранявшим обратное скольжение³. Особенно важны для науки находки остатков речных ладей и судов. В Новгороде раскоп захватил, видимо, окраину волховской «верфи» XII—XIII вв., где были найдены лодочные весла, скамьи и шпангоуты; драгоценна хорошо сохранившаяся носовая подводная часть довольно крупного судна; ее крепления позволят с достаточной полнотой установить его тип и размеры. Для упомянутых выше пешеходных мостков в Старой Ладоге оказались использованными части крупного плоскодонного судна. Можно не сомневаться, что специальное инженерно-техническое изучение этих находок позволит сравнительно точно реконструировать ряд типов древнерусских судов.

Фонд памятников древнерусского ремесла возрос необычайно. Раскопки послевоенных лет принесли небывало обильный и разнообразный материал для характеристики деревянных орудий и различных отраслей деревообделочного ремесла. Основные находки дали Великий Новгород, Старая Ладога, частично Москва и Гродно. Это различные сельскохозяйственные орудия: грабли, вилы, лопаты, долбленные колоды для кормежки скота, мутовки для сбивания масла; остатки орудий прядения и ткачества — веретена, трепалки кудели, детали ткацкого стана — челноки, берда, боковые бруски с крюками, «пральники» — колотушки для обивания головок льна и стирки одежды; предметы бытового обихода: берестяные туесы, пестери и коробы, посуда различного назначения — чашки, ковши, блюда; разные по величине ушаты, шайки, долбленные и сборные из клепок бочки; игрушки — детские мечи, стрелы и т. п.

История металлургии XI—XIII вв. обогатилась находками новых производственных сооружений — горнов; установлено, что русские металлисты

---

¹ А. Л. Монгайт. Древнерусские жилища XI—XIII веков. СЭ, 1948, № 4, стр. 54—69.

² А. Ф. Медведев. Указ. соч.

³ См. также А. В. Арциховский. Лыжи на Руси. Труды Института этнографии АН СССР, т. I, 1947, стр. 55.

уже в это время освоили технику массивного литья, в частности колоколов (Киев, Гродно).

Для характеристики гончарного дела, кроме вновь найденных горнов и богатейшего ассортимента посуды, в том числе поливной и расписной, особенно важны сотни разновидностей клейм мастеров. Лишь один Вщиж дал богатейшую коллекцию клейм различных типов и их вариантов; также обильны находки клейм в Старой Рязани, что при относительной ограниченности подвергнутых раскопке участков (во Вщиже $\frac{1}{25}$ площади городка, в Старой Рязани — $\frac{1}{160}$) вновь ставит вопрос: были ли они знаками мастеров или же знаками заказчиков — владельцев посуды.

Для костерезного дела интересен своеобразный «несессер» мелких инструментов, найденный в Новгороде; в Старой Рязани открыта целая мастерская костереза с обрезками и кусками кости на разных стадиях обработки; интересно, что мастер имел и токарный станок — найдены различных размеров резцы с наварным из качественной стали лезвием.

Костерезное дело стоит на грани прикладного искусства, о котором до сих пор судили главным образом по ювелирным изделиям или мелкому литью из металла. Из новых памятников прикладного искусства отметим замечательный клад ювелирных изделий старорязанских мастеров, медные и каменные иконки из Новгорода, литейные формочки для украшений из Киева, Гродно и других городов. Мы располагаем теперь подлинными памятниками резьбы по дереву — важнейшей отрасли славянского и древнерусского искусства. Таковы ковши, берестяные туесы, чаши, ложки и другие вещи, украшенные прочерченным или резным геометрическим орнаментом или чаще плетенкой; среди этих изделий особое место занимает новгородская деревянная чаша X в., покрытая прекрасным ленточным плетением. Старая Ладога дала интересные образцы плоской и круглой изобразительной резьбы. Это начерченная на дереве человеческая личина с бритой головой и длинными усами, фигурка бородатого мужчины, может быть скотьего бога, напоминающая описанных Ибн Фадланом идольчиков, наборы которых русы возили с собой; наконец, превосходные ковши с ручками в виде утиной или звериной головы, являющиеся звеном между деревянной скульптурой далекой первобытности типа Горбуновского торфяника и позднейшим народным искусством русской деревни.

Нельзя не отметить отдельных вещей, драгоценных для характеристики культуры древнерусского города. Таковы предметы со следами применения большого раздвижного циркуля, многочисленные счетные бирки с зарубками — «резами», таков, наконец, замечательный памятник древнерусской метрологии — найденный в Новгороде «Иваньский локоть», снабженный к тому же надписью.

Сельскохозяйственные занятия древнерусских горожан, отражавшиеся и раньше в разнообразных находках, получают новое углубленное освещение: теперь можно говорить не только о наличии, но и о качестве этих занятий. Здесь прежде всего должны быть отмечены находки древнейших железных сошников в Старой Ладоге (VII в.) и Пскове.

Многочисленные находки зерен злаков дали возможность полнее осветить земледелие горожан и жителей пригородной зоны. Новая методика анализа зерна позволяет говорить не только о составе, сортах и качестве злаков, но и о технике земледелия и его системах, что представляет огромный интерес для характеристики культуры города и для истории земледелия.

Точно так же уточнение методики анализа костных остатков и возможность применения статистического метода к этому накопленному в массовом масштабе материалу четко характеризуют состав городского стада и охотничьей добычи горожан. Отметим, в качестве любопытного примера, результаты подобного анализа костных материалов из раскопок в Гродно.

Оказалось, что в пищевом балансе обитателей княжеского замка XII—XIII вв. решительно преобладала охотничья добыча, в которой значительное место занимают крупные звери гродненских пущ: благородный олень, зубр, кабан, косуля¹. Накопленные материалы позволяют поставить задачу их исторического обобщения, которое представит большой интерес не только для истории русской культуры, но и для истории развития видов и пород домашнего скота, т. е. для практики животноводства.

Обособляясь от деревни, но во многом сохраняя деревенские черты, город оказывал сильное влияние на сельскую округу. Городское ремесло вело за собой деревенское. Культурное взаимодействие города и деревни сказывается и в мелких подробностях быта. Так, например, городской могильник Старой Рязани XII—XIII вв. по многим деталям инвентаря сходен с сельскими курганами вятичей²; напротив, в Подмосковных деревенских курганах появляются городские стеклянные браслеты, а на височных кольцах — орнаментика книжного характера³.

В этой связи можно перейти к рассмотрению весьма острого исторического вопроса об оценке русского города периода феодальной раздробленности и вопроса об уровне русской культуры XI—XIII вв.

Для дореволюционной буржуазной науки было характерно представление, что с падением Киева наступил определенный период упадка культуры, ее обеднения и измельчания. Так, глава украинских националистов М. Грушевский писал, что историческая жизнь, «разбившись на атомы, ушла в глубь областей, в низы общества, замыкаясь во все более узком, тесном пространстве, и вместе с тем мельчала, серела и вырождалась, потому что при такой децентрализации и партикуляризме не могли уже возникать центры достаточно мощные⁴, для того чтобы оплодотворять новыми запасами энергии, новыми течениями идей и творческих сил этот процесс раздробления, рассеяния всего, что было добыто политической и культурной эволюцией Киевского государства...»

Очень похожий по существу тезис выдвигал М. Н. Покровский, считавший, что с распадом Киевской державы и, в частности, с усилением северо-восточной Владимирской Руси продолжался «медленный процесс переживания старой хищническо-городской культуры в деревенскую. Ничего иного, кроме распада города, здесь не требовалось: ибо ...город ничего не внес нового в деревню!»⁵.

В несостоятельности подобных утверждений убеждает прежде всего быстрый и энергичный рост новых городов на периферии и в глубинных районах Киевской державы. Это прекрасно иллюстрируют примеры Старой Рязани, Москвы, Мурома. При этом характерно, что начало их расцвета падает именно на XI столетие — первый век феодального дробления.

Старая Рязань⁶, возникнув в процессе русской колонизации на месте, пови-

¹ Анализ В. И. Цалкина.

² А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. ИОИФ, 1949, № 5, стр. 461.

³ А. В. Арциховский. Царицынские курганы. МИА, № 7, стр. 81.

⁴ Разрядка моя.—Н. В.

⁵ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Соцэкгиз, 1933, т. I, стр. 91. [Разрядка моя.—Н. В.]

⁶ Основные публикации по Старой Рязани: А. Л. Монгайт. Старая Рязань. ВИ, 1947, № 4; его же. Старая Рязань (тезисы диссертации). КСИИМК, вып. XVI; его же. К вопросу о трех центрах древней Руси. Там же; его же. Раскопки в Старой Рязани (1946). КСИИМК, вып. XXI; его же. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г., ИОИФ, 1949, № 5; его же. Раскопки в Старой Рязани (1949). КСИИМК, вып. XXXVIII. Отдельные стороны материальной культуры Старой Рязани освещены в статьях: А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИИМК, вып. XVII; его же. Древнерусские жилища XI—XIII вв. СЭ, 1948, № 4; его же. Рязанские гирьки. КСИИМК, вып. XV; его же. Рязанская скульптура. КСИИМК, вып. XVIII; Л. И. Якунина. Фрагменты

димому, эрзянского поселка, за короткий срок к XI—XII вв. вырастает из маленького ядра на северной оконечности своего треугольного плато в огромный город площадью более 48 га с населением около 20 000 человек, густой застройкой, вплотную подходившей к монументальным земляным валам, опоясывавшим город. В жилищном строительстве северная бревенчатая изба сочетается с южным полуземляночным дерево-глинобитным жилищем. Как и для Киева, здесь характерно разнообразие ремесел, продукция которых не уступает киевской. Если многие достижения культуры Рязани раньше приписывались импорту из Чернигова и Киева или поднепровским мастерам, то теперь совершенно очевидна их оригинальность. Находка нового клада серебряных ювелирных изделий — семилучевых зерненных колтов, бус, трехбусинных колец с зернью и сканью, блях с черным изображением богоматери и др. — свидетельствует о местном рязанском художественном ремесле. Открытие третьего кирпичного собора позволяет говорить о наличии местной архитектурной школы, в которой своеобразно сочетаются черты черниговского и владимирского строительного искусства. Город имел широкие торговые связи — с Киевом и Черниговом, с Болгарской державой, Херсонесом, Византией, со странами Востока и Западной Европы. Таким образом, в краю наиболее отсталого и консервативного славянского племени — вятичей с чрезвычайной быстротой вырастает один из крупнейших древнерусских городов со своими ремеслами и монументальной архитектурой. Это отнюдь не захолустный город, его культура не дает никаких оснований говорить о регрессе по сравнению с X—XI вв.

На границе вятичской и кривичской территории возникает Москва¹.

Общеизвестны первое письменное упоминание о ней — 1147 год и письменная история — от боярской, а затем княжеской усадьбы до маленькой крепости с оседающим позже под ней посадом. Эта картина могла бы подкрепить мнение о медленности и «провинциальности» культурного развития Руси в XII—XIII вв. Раскопки в Зарядье, в юго-западном углу Китай-города, принесли иное решение вопроса. Оказывается, приблизительно еще за полтора столетия до летописной даты рождения Москвы, в XI в. здесь был ремесленный поселок, вытянувшийся узкой полосой

тканей из Старой Рязани. КСИИМК, вып. XXI; В. И. Цалкин. Палеофауна Старой Рязани. КСИИМК, вып. XXI; Р. Л. Розенфельдт. Старорязанский врезной замок. КСИИМК, вып. XXXV; его же. Новая конструкция древнерусских врезных замков. Там же, вып. XXXIX.

¹ Важнейшее значение для изучения прошлого Москвы имеет монография М. Н. Тихомирова. Древняя Москва, М. 1947 г. Основные археологические публикации по Москве: А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7; О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. Там же; М. В. Фехнер. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. МИА, № 12; Н. Д. Виноградов. Застройка и планировка от пл. Революции до Старой площади. МИА, № 7; Е. И. Горюнова. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского метрополитена. Там же; М. Г. Рабинович. Археологические раскопки в Москве (1946). КСИИМК, вып. XXI; его же. Московская экспедиция (1946). ВАН, 1946, № 11—12; его же. Работа Московской экспедиции (1947). КСИИМК, вып. XXVII; его же. Археологические находки в Москве. «Наука и жизнь», 1947, № 5; его же. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. МИА, № 12; его же. Раскопки в Китай-городе в Москве. КСИИМК, вып. XXXVIII; его же. К вопросу о начале Москвы. ВАН, 1947, № 4; его же. Древнейшее прошлое территории Москвы. «Наука и жизнь», 1947, № 7; его же. Великий посад Москвы. ВАН, 1950, № 9; его же. Археологические исследования московского посада. «Вопросы истории», 1951, № 6; Б. А. Колчин. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. МИА, № 12; М. Г. Рабинович. О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой. ИОИФ, 1948, № 4; его же. Гончарная слобода в Москве XVI—XVII вв. МИА, № 7; его же. Московские гончары в XVI—XVII вв. КСИЭ, 1946, № 1; В. А. Мальм, Горны московских гончаров в XV—XVII вв. МИА, № 12; М. В. Фехнер. Глиняные игрушки московских гончаров. Там же; М. Г. Рабинович. Московская керамика. Там же; Н. Д. Мед. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ. КСИИМК, вып. XXIV.

вдоль берега Москвы-реки. Здесь обнаружены древнейшие производственные сооружения Москвы — железоплавильная и кузнечная мастерские, следы производства литых украшений из цветных металлов и пр. О границах торговых связей этой долетописной Москвы дает представление находка торговой пломбы XI в. с печатью кельнского епископа.

Выше мы говорили о быстром развитии в XI—XIII вв. города Мурома, возникшего в иноплеменном окружении в результате русской колонизации и ставшего несомненно важнейшим фактором в процессе появления здесь русского населения и нивелировки архаических муромских культурных особенностей.

Таким образом, ни о каком «распадении города» или упадке культуры речи быть не может. Напротив, период победы феодального строя был одновременно периодом быстрого развития городов, увеличения их числа, а следовательно, распространения киевского культурного наследия с узкой полосы Киев — Новгород на восток, север и запад до крайних пределов Киевской державы. Это было прогрессом и крупнейшим достижением периода феодальной раздробленности. Само развитие городской культуры, беглый обзор новых археологических аргументов которого мы дали выше, показывает, что этот процесс был не поверхностным, но глубинным, что в новых городах ремесла развивались среди местного населения энергично и быстро.

В этой связи остановимся на судьбах сложнейшей отрасли материальной культуры — строительного дела, монументальной архитектуры¹. Археологические и историко-архитектурные исследования истекшего пятилетия ознаменовались выдающимися открытиями в этой области. Само количество вновь открытых или заново изученных и вернувших свой древний облик памятников зодчества XI—XIII веков дает достаточно внушительную цифру — около 20 объектов. На первом месте стоит исследование памятников Киева и Чернигова.

Киево-Софийский собор был, как выяснилось, окружен мощными каменными стенами митрополичьего замка, отрезавшими храм от города². Строительство Ярославичей в Киеве, еще отражающее черты архитектурного стиля Киевской державы, представлено теперь новым памятником второй половины XI в. — это сравнительно небольшой 6-столпный собор, являющийся как бы переходным звеном к стилю периода феодальной раздробленности³. К этому памятнику близок собор Зарубского монастыря конца XI в.⁴ При исследовании Выдубицкого собора Всеволода Ярославича выявился его необычайно вытянутый план, несколько напоминающий композицию церкви Благовещения в Витебске⁵. Выдающимися памятниками рубежа XI—XII вв. являются большой собор в Переяславле-Южном, сооруженный митрополитом Ефремом, интересный наличием притворов, и Борисоглебские храмы в Вышгороде и на Альте⁶. Изучение храмов середины XII в. — Кирилловского монастыря в Киеве и Георгия (Успения) в Каневе, — показали, что эти, связанные с Черниговской династией, памятники отразили черты черниговской архитектурной школы⁷. Для Киева

¹ Обзор исследований в этой области до 1945 г. см. Н. Н. Воронин. Памятники древнерусского зодчества X—XV вв. (итоги исследований за советский период). Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945, стр. 135.

² Раскопки М. К. Каргера. Обзор исследований собора см. С. Я. Грабовский и Ю. С. Асеев, Дослідження Софії Київської. АП, Киев, 1950, стр. 27.

³ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 209.

⁴ Его же. Зарубский монастырь. СА, вып. XIII.

⁵ Его же. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 141.

⁶ Исследования М. К. Каргера. См. также В. И. Довженок. Обзор археологического изучения древнего Вышгорода за 1934—1937 гг. А, III, стр. 88—90.

⁷ Ю. С. Асеев. Архитектура Кирилівського заповідника. АП, Киев, 1950, стр. 73; П. Г. Юрченко и Ю. С. Асеев. Канівський собор. Там же, стр. 86.

конца XII в. характерно определенное влияние смоленского зодчества, а возможно, и участие в строительстве самих смоленских мастеров. Об этом свидетельствуют церковь на Вознесенском спуске в Киеве и малый храм Зарубского монастыря¹. Выясняющиеся, благодаря новым исследованиям, пути развития киевского зодчества — сначала долгое (до начала XII в.) переживание торжественного стиля эпохи Владимира и Ярослава, а во второй половине XII в. ослабление самобытных киевских черт и влияние черниговской и смоленской школ — прекрасно отражают падение ведущей роли Киева и расцвет культуры и искусства растущих феодальных княжеств.

Последнее положение нашло в открытиях этих лет бесспорные доказательства: среди архитектурных памятников Поднепровья определенно выделась яркая черниговская школа. Неузнаваемо искаженный позднейшими переделками храм Бориса и Глеба (первой половины XII в.) в Чернигове оказался, в итоге исследований, великолепным сооружением с широкими галереями, пышными майоликовыми и инкрустированными полами и замечательной белокаменной резьбой деталей². Столь же торжественной и величавой постройкой оказался открытый раскопками Святославов Благовещенский собор 1186 г., грандиозный, опоясанный галереями, воскресивший сложную технику мозаичных полов и также сочетавший кирпичную кладку с белокаменной резьбой³. Возможно, под влиянием той же школы выстроен храм Вщижа с его открытыми галереями на 12 столбах. Для вкусов черниговской династии и ее зодчих характерен подчеркнутый интерес к ушедшему в прошлое пышному и представительному стилю эпохи Киевской Руси. В то же время в Чернигове на рубеже XIII в. создается памятник, поражающий смелостью и новизной башнеобразной динамической композиции — церковь Пятницы, произведение, как бы предвосхищающее многие черты русского национального стиля XIV—XVI вв.⁴

Весьма интересны новые памятники, характеризующие само строительное искусство. Подробно изучена строительная техника киевских зодчих X—XII вв. Около Софийского собора в Киеве впервые открыты остатки кирпичеобжигательных печей, в которых готовился кирпич для обстроек собора⁵. В Суздале, где в конце XI — начале XII в. Владимир Мономах строил первый на севере собор «по образу и подобию» собора Киево-Печерского монастыря, в крутом берегу над Каменкой также открыта печь большой производственной мощности и развитой конструкции, для изготовления тонкой плинфы⁶. В Новгороде был найден деревянный блок от крупного подъемного механизма, который, возможно, использовался и на строительстве каменных зданий. Из находок в Старой Рязани интересен кирпич, на котором строитель еще до обжига сделал эскизный чертеж плана одноапсидного храма, пользуясь циркулем и линейкой. Точные обмеры большинства древних зданий и их анализ позволили открыть своеобразную и классически ясную систему начертательных способов проектирования зданий, все размеры которых представляли цепь зависимых от одной исходной производных величин⁷. Храм Зарубского монастыря не-

¹ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950. стр. 192; его же. Зарубский монастырь. СА, вып. XIII, стр. 42—44.

² См. Дослідження Борисоглібського собору у Чернігові. АП, Киев, 1950, стр. 64.

³ Б. О. Рибак. Благовіщенська церква у Чернігові 1186 р. за даними розкопок. Там же, стр. 55; его же. Древности Чернигова. МИА, № 11, М., 1949.

⁴ П. Д. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М., 1948, стр. 13; Н. Н. Воронин. Слово о полку Игореве и русское искусство XII—XIII вв. «Слово о полку Игореве» (серия «Литературные памятники»). М.—Л., 1950, стр. 320.

⁵ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 246.

⁶ Раскопки А. Д. Варганова.

⁷ К. М. Афанасьев. Пропорціональність пам'ятоків древньоруської архітектури XI—XII ст. АП, Киев, 1950, стр. 49—54.

обычными перекосами своего плана обнаруживает, повидимому, какие-то ошибки зодчих при разбивке с помощью шнура плана здания на строительной площадке¹.

Ценно, что в периферийных городах Руси выявляются новые памятники архитектуры, о существовании которых ничего не сообщали летописи. Открыт третий храм в Старой Рязани, о котором говорилось выше; в далеком наднеманском Гродно обнаружены руины двух кирпичных крепостных башен XII в. и второй, после знаменитой Коложской церкви, храм в крепости. Все постройки Гродно отличаются красочным богатством фасадов, украшенных глыбами полированного камня и майоликой, прекрасными орнаментальными майоликовыми полами, своими техническими и композиционными особенностями. Все это свидетельствует о наличии своеобразной гродненской архитектурной школы². Каменное здание — возможно, храм — XII в. открыто в Минске³. Находки в Волковыске плинф со знаками, подобными гродненским, дают основание полагать, что и в этом городке, о котором летописи случайно упоминают лишь в XIII в., был каменный храм⁴. Находки тонкого кирпича на Кветунском городище на Десне указывают, что на нем или на Трубчевском городище было кирпичное строительство⁵. В Дрогичине Надбужском найдены майоликовые плитки пола, вероятно, храма⁶. Несомненно, что кирпичные храмы были и в Турове — центре древней епископии и в удельном Пинске.

Приведенные факты и предположительные данные показывают, что сложнейший вид материальной культуры — каменное строительство — не претерпел ущерба от феодального дробления Руси. Напротив, мы можем видеть, как успешно и широко оно распространилось по лицу Русской земли. При этом процесс его освоения в новых городах породил оригинальные художественные и технические варианты — архитектурные школы феодальных областей. Следовательно, распространение киевского наследия вызвало к жизни новые силы русских строителей, имена которых дает в XII в. и летопись. Таким образом, феодальное дробление привело к дальнейшему обогащению культуры, приблизив ее к более широким слоям русского народа.

Среди новых археологических материалов, которые проливают свет на состояние духовной культуры и просвещения в городах древней Руси, следует отметить знаменитую надпись начала X в. на сосуде из могильника древнего Смоленска, являющуюся свидетельством распространения письменности задолго до крещения Руси⁷.

Не меньший интерес представляют многочисленные эпиграфические памятники, говорящие о грамотности в новых городских центрах XI—XIII вв.

До сих пор считалось, что грамотность в это время была уделом узко ограниченного круга господствующего класса и церковников. Теперь почти каждый город дал убедительные доказательства ошибочности этого взгляда.

В Новгороде найдены предметы с надписями ремесленника или владельца: на сапожной колодке для женской обуви мастер написал имя заказчицы «Мнези»; на днище изящного деревянного кубка толяр написал имя владельца «Смова»; на деревянной измерительной линейке — «Иваньском локте» — оказалась процарапанная надпись «святого иеваноск...»; на

¹ М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. СА, вып. XIII, стр. 55.

² Н. Н. Воронин. Указ. соч. КСИИМК, вып. XXVII и XXXVIII.

³ В. Р. Тарасенко. Указ. соч. КСИИМК, вып. XXXV, стр. 127.

⁴ Разведки Г. И. Пех.

⁵ В. А. Падин. Указ. соч. КСИИМК, вып. XXIII, стр. 88.

⁶ Коллекции Гродненского историко-археологического музея.

⁷ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. ВАН, 1950, № 4. Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, вып. XXXVIII.

днище боченка прочтена подпись владельца «Юрищина»; надписи встречены также на берестяном туесе, шиферном пряслице, костяной стреле и т. п.¹ Какой-то Богунка, видимо, служилый человек рязанского князя, или кто-то по его поручению написал на посланной им князю амфоре вина: «новое вино Добрило послал князю Богунка»². Длинную вотивную надпись на шиферном пряслице сделала гродненская девушка XII в.; в Гродно же литейщики отлили колокол с крупной, также вотивной, надписью, от которой сохранилось лишь слово «рабу»³. Обломок колокола с русским уставным письмом XI—XII в. найден в Киеве. Киевские кирпичники делали славянские надписи на своей продукции. Киевский ювелир начала XIII в. Максим пометил принадлежавшую ему формочку собственным автографом: «Макосимов»⁴. Киевский гончар XI в. начертал на изготовленной им амфоре для вина поэтичную фразу: «благодатнеша плона корчага сия...»⁵. Надписи на посуде делали и гончары XI в. в Белой Веже. Многочисленные новые графитты XI—XII вв. открыты на стенах храмов⁶. Новые памятники русской эпиграфики свидетельствуют о том, что в XI—XIII вв. грамотность становится доступной широким слоям горожан-ремесленников, торговцам и др., а «сладость книжная», бывшая уделом избранных, могла проникать в народные массы города, о чем убедительно говорят также находки застежек книжных переплетов в рядовых жилищах Старой Рязани⁷. Это одно из важнейших прогрессивных явлений периода феодальной раздробленности.

Так обстоит дело с характером древнерусского города в XI—XII вв. и с развитием русской культуры. Следовательно, никакой речи о слабости городов быть не может. Также не имеют никакого основания те антиисторические представления о значении города и падении русской культуры, которые были характерны для буржуазной исторической науки и еще имеют хождение в «трудах» зарубежных фальсификаторов истории. Развитие городов XI—XIII вв. было основой прогрессивного развития русской культуры, которая в это время охватывает огромные территории старой Киевской державы и проникает в толщу народных масс, приобретая в их творчестве и труде общерусскую основу.

4

Гораздо меньше сделано для разработки второй темы, выдвинутой в 1945 г. Всесоюзным археологическим совещанием, — изучения городов северо-восточной Руси и русской культуры XIII—XV вв. Речь идет об археологическом освещении и конкретизации процесса развития русской культуры, протекавшего в борьбе за освобождение Руси от монгольского ига, в борьбе за образование единого Русского государства. Главной задачей этой работы является всестороннее освещение на базе нового городского материала картины возрождения русских городов после монгольского разгрома и восстановления русского ремесла, в общих чертах нарисованной в монографии Б. А. Рыбакова. Здесь необходимо отметить работу, проводимую Московской экспедицией, давшей значительное количе-

¹ А. В. Арциховский. Новгородские раскопки 1947 г. ВИ, 1948, № 1, стр. 156; также ВАН, 1948, № 3, стр. 54; его же. Раскопки в Новгороде (1948). КСИМК, вып. XXXIII, стр. 13.

² А. Л. Монгайт. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. ИОИФ, 1949, № 5, стр. 461.

³ L. Durgzewski. Stary zamek w Grodnie. Grodno, 1939, стр. 14.

⁴ Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, стр. 232.

⁵ Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI в. КСИМК, вып. XII.

⁶ Его же. Іменні надписи XII ст. в Київському Софійському соборі. А, I, Киев 1947; А. Л. Монгайт. Указ. соч. ИОИФ, 1949, № 5, стр. 462.

⁷ А. Л. Монгайт. Указ. соч. ИОИФ, 1949, № 5, стр. 459.

ство новых фактов для оценки и характеристики развития русского ремесла этой поры главным образом на материале раскопок Великого посада. Благодаря хорошей сохранности дерева удалось изучить деревянные мостовые Великой улицы, соединявшей Кремль с москворецкой торговой пристанью, и различные постройки жилого и хозяйственного назначения. Интересна открытая раскопками разветвленная система уложенных под землей деревянных дренажных труб, осушавших территорию посада. Это свидетельство о высоком уровне коммунального хозяйства древней Москвы: до сих пор мы знали только один пример такой дренажной системы — в Великом Новгороде. Среди построек посада выделяются литейная мастерская и мастерская кожевника с множеством полуфабрикатов обуви и других изделий из кожи; некоторые из них, например ножны кинжалов и переплеты книг, украшены затейливым тисненым орнаментом. В мастерской литейщика найдены литейные формы и маленькие тигельки для плавки металла. Ряд отдельных находок характеризует другие стороны культуры древней Москвы: деревянные бирки с зарубками, говорящие о счете по десятичной системе; костяная печать с резным изображением воина и надписью «печать Ивана Карови»; предметы вооружения и быта и многое другое¹.

Интересные материалы принесли раскопки в подмосковных городах — Звенигороде², Верее³, Рузе⁴. Но пока это начальная стадия работ, еще не дающая оснований делать значительные исторические выводы, для которых необходимы капитальные многолетние работы.

Предварительный характер носили исследования и по городам Тверского княжества. Раскопки в Старице были посвящены, главным образом, изучению руин монументальных памятников архитектуры XIV—XV вв.⁵ Разработан материал письменных и изобразительных источников по городам Тверской земли XIII—XV вв.⁶

Археологические и историко-архитектурные исследования пролили новый свет на историю зодчества ранней Москвы и городов XI—XV вв.⁷

Для разрешения третьей проблемы, поставленной в 1945 г. Всесоюзным археологическим совещанием, — истории русского военно-инженерного искусства, — сделано сравнительно много. В разработке ее участвовали не только археологи, но и архитекторы, работы которых привлечены для издания в трудах Института. Чтобы ознакомить с результатами этой работы, не представленной в докладах на пленуме, коротко изложим выводы проведенных исследований.

Раскопки в ряде городов дали новый материал для суждения о деревянно-земляных крепостных сооружениях домонгольской поры. Большой интерес представляют раскопки крепости Колодяжина, вскрывшие систему укреплений, тождественную райковецкой; наличие подобных укреплений также в Городске и Искоростени свидетельствует о высоком развитии военно-инженерного дела XI—XII вв. и о существовании определенных «типовых»

¹ Мы не говорим здесь об обильном и интересном материале, полученном раскопками по более поздним периодам жизни города XVI—XVII вв.

² Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде. МИА, № 12; Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. XIX.

³ Л. А. Голубева. Раскопки в Верейском Кремле. МИА, № 12.

⁴ Раскопки Л. А. Голубевой.

⁵ Н. Н. Воронин. Раскопки в Старице. КСИИМК, вып. XXXVIII.

⁶ Н. Н. Воронин. Тверской Кремль в XV в. КСИИМК, вып. XXIV; Э. А. Рикман. Топография Кашина в XIV—XV вв. Там же, вып. XXX; его же. Города Тверского княжества (автореферат кандидатской диссертации). М.—Л., 1949.

⁷ П. Н. Максимов. К характеристике московского зодчества XIV—XV вв. МИА, № 12; Н. Н. Воронин. К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. Там же; его же. Слово о полку Игореве и русское искусство XII—XIII вв. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950 (собор Коломны, стр. 348—349); М. А. Ильин. К изучению древних памятников каменного зодчества Переслава Рязанского. КСИИМК, вып. XL.

систем крепостей¹. Исследованы устройство деревянно-земляных сооружений Старой Рязани² и очень своеобразная конструкция стен Звенигорода³.

Изучение знаменитых волынских башен показало, что три сохранившиеся из них являются образцами когда-то многочисленной группы военно-оборонительных сооружений XIII в. Они дают возможность судить о технических и архитектурных особенностях русского зодчества второй половины XIII в. — времени, почти не освещенного в науке, — и о роли русской строительной традиции в архитектуре Литовско-Русского княжества. Результаты исследования позволяют в то же время высказать предположение, что до середины XIII в. башни не имели широкого распространения в системе древнерусских оборонительных сооружений⁴.

Предварительное исследование крепостей Старой Ладоги и Изборска приводит к выводу о коренной реконструкции этих крепостей в связи с появлением артиллерии, что произошло не в конце XIV в., как предполагалось ранее, а в конце XV — начале XVI в. Изучение Порховской крепости и уничтоженной фашистскими захватчиками крепости в Острове показывает, что оба памятника в силу ряда причин не были реконструированы в более позднее время и сохранили формы первой половины XV в., а в Порхове частично и конца XIV в. Этот вывод вносит существенные изменения в наши представления о развитии русского крепостного зодчества, так как названные крепости считались древнейшими памятниками XII—XIV вв.⁵

Археологическое и историко-архитектурное исследование оборонительных сооружений Великого Новгорода позволило заново пересмотреть историю их возникновения, дать целостную картину развития и реконструкции системы городской обороны от XII до XVI—XVII в. Наиболее интересной является характеристика впервые открытых монументальных каменных стен и башен Окольного города, сооруженных в XIV столетии⁶.

Детальное изучение замечательной русской крепости Ивангорода позволило раскрыть историю возникшего в борьбе за Балтику своеобразного комплекса укреплений, от постройки в 1492 г. псковскими зодчими первоначально маленькой квадратной крепости и последующего ее расширения в 1496 и 1507 гг. до строительных мероприятий XVII в.⁷

Исследования другого памятника военно-инженерного искусства Русского государства начала XVI в. — Нижегородского Кремля — подводят к интересным выводам: 1) в основе существующего комплекса сохранились части белокаменной крепости нижегородских князей XIV в. и 2) существующий Кремль был начат постройкой не в 1508 г., а в 1500 г. русскими зодчими, работа же итальянского зодчего Пьетро Франческо в 1508—1515 гг. свелась лишь к достройке крепости⁸.

Памятники крепостного строительства Ивана Грозного в Полоцкой земле были подвергнуты предварительному обследованию⁹.

¹ См. ниже тезисы доклада В. К. Гончарова, стр. 49.

² А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИИМК, вып. XVII.

³ Б. А. Рыбаков. Раскопки в Звенигороде. МИА, № 12.

⁴ П. А. Раппопорт. Волынские башни.

⁵ Его же. Из истории древнерусского военно-инженерного искусства.

⁶ А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Великого Новгорода. Предварительная информация. Его же. Каменная стена Окольного города Новгорода Великого. КСИИМК, вып. XXVII.

⁷ Архит. В. В. Косточкин. Крепость Ивангород.

⁸ Архит. И. В. Трофимов и И. А. Кирьянов. Материалы к изучению Нижегородского Кремля. (Исследование производилось в связи с реставрационными работами, проводившимися Республиканской мастерской по реставрации памятников архитектуры.)

⁹ М. Г. Рабинович. Археологическая разведка в Полоцкой земле. КСИИМК, вып. XXXIII.

Изучение топографии кремлевского холма в Можайске и письменных источников о строительстве Можайской крепости в 1624—1626 гг. дали возможность сделать реконструкцию важнейшего, не сохранившегося до нашего времени сооружения, построенного русскими зодчими И. В. Измайловым, Баженом Огурцовым и Федором Возоулиным. История постройки Кремля вскрывает поучительную картину провала проекта англичанина Джона Талера, которому первоначально было поручено строительство¹.

Наконец, проводившееся в течение трех лет изучение остатков оборонительных сооружений Засечной черты на участке Рязань — Жиздра и связанных с ними архивных материалов позволило впервые представить облик этой своеобразной оборонительной системы на южных рубежах Русского государства².

Перечисленные исследования несомненно явятся ценным вкладом в дело научной разработки большой и насущной проблемы о градостроительном искусстве древней Руси, его технических принципах, достижениях и своеобразии; вместе с тем эти работы решительно ограничивают роль иноземных зодчих в развитии русского военно-инженерного дела.

В области разработки вопросов древнерусской нумизматики — четвертой из намеченных Всесоюзным археологическим совещанием 1945 г. проблемой, — следует отметить несколько крупных исследований.

Изучение истории монетного дела и денежного обращения на Руси XIV — начала XVI в., в эпоху борьбы Москвы за создание единого государства, — раскрыло конкретную картину соперничества московской валюты с чеканом удельных княжеств, денежного кризиса середины XV в. и победы московской денежной системы; вместе с тем анализ топографий кладов показывает расширение и упрочение экономических связей Русского государства³.

Денежное обращение в Московском государстве XVI — начала XVII в. явилось темой углубленного и весьма детального исследования, которое заполняет крупнейший пробел в изучении русской нумизматики и впервые дает картину истории денежного чекана и обращения за этот период, основанную на анализе самого монетного материала и на всестороннем использовании письменных источников. В исследовании были применены новые очень точные и оригинальные приемы анализа монет, раскрывающие широкую картину истории «денежного дела» — денежного ремесла. Интересен вывод, основанный на изучении топографии кладов с монетами XV—XVI вв., что проникновение русских денег в смежные с Русью земли предопределяет пути расширения границ Русского государства. Денежная реформа правительства Елены Глинской освещена как важный этап на пути образования всероссийского рынка. Особое значение представляет часть исследования, посвященная денежному обращению накануне «Смуты» и в период интервенции, где показана порча монеты интервентами, временно располагавшими двумя монетными дворами, и установлен факт чекана монеты Народным ополчением в 1612 г. в Ярославле⁴.

Наконец, третьим сюжетом разработки явилась нумизматика Литовско-Русского государства. Изучена топография кладов с литовскими денежными

¹ Архит. Т. Н. Сергеева-Козина. Можайский Кремль (опыт реконструкции).

² А. В. Никитин. Оборонительные сооружения Засечной черты. КСИИМК, вып. XXXVIII.

³ Г. Б. Федоров. Русские монеты удельного периода (тезисы диссертации). КСИИМК, вып. XVII; его же. Происхождение московской монетной системы. Там же, вып. XVI; его же. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I. МИА, № 12; его же. Московские деньги времени Ивана III и Василия III. КСИИМК, вып. XXX.

⁴ И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве XVI — начала XVII в.; его же. Анализ технических данных в нумизматике. КСИИМК, вып. XXXIX.

знаками, определены ареал их распространения и датировка; установлены классификация типов слитков и монет, монетная стопа, техника чеканки, особенности литовских монет, дана история литовской денежной системы, выделен гривенно-рублевый и монетный периоды, установлены центры чеканки, показаны огромная роль русских земель в экономике Литовского великого княжества и тесная связь между литовской и русской денежной системами¹.

Надо подчеркнуть, что названные исследования принципиально отличаются своим историческим методом, связывающим развитие денежного обращения и чекана с историей страны, от старых нумизматических трудов.

Таковы в кратких чертах основные работы, проведенные в осуществление заданий, намеченных на Всесоюзном археологическом совещании 1945 г.

Как показывает далеко не исчерпывающий обзор, особенностью истекшего периода является обилие статей и книг, благодаря которым наши работы получают несравненно более широкую аудиторию — весь советский народ, горячо и живо интересующийся своим великим всемирноисторическим прошлым. Это должно воодушевить археологов на осуществление новых исследований и еще более повысить ответственность за их качество. В этой связи коснемся некоторых вопросов практики дальнейшего археологического изучения древнерусских городов.

5

Дальнейшие исследования должны строиться с таким расчетом, чтобы дать наиболее полный ответ на основные вопросы истории древнерусских городов. До сих пор мы изучали главным образом центральные районы, — нас привлекали и привлекают территории детинцев и кремлей как древнейшие участки, где скорее можно получить материал о возникновении города и его древнейших судьбах. Поэтому изучение ремесленных районов города оставалось до некоторой степени на втором плане. Теперь нужно уделить больше внимания посадам, дать более детальную картину ремесленных кварталов города, для чего необходимо изменить нашу археологическую тактику применительно к тому или иному городу. Если для Старой Ладogi — памятника с ограниченной территорией — совершенно правилен принцип раскопа большой площадью, который в итоге может охватить все городище, то для больших живых городов, например Киева или Великого Новгорода, должна быть применена иная глубоко продуманная система, соединяющая раскопы средней величины и разведку, которые должны дать выборочную характеристику различных ремесленных районов города. В этом смысле надо приветствовать начало изучения Киевского Подола, предпринятое ИА АН УССР². В Великом Новгороде по окончании раскопок Ярославова дворища (в части так называемого дворца Ярослава) предполагается в ближайшие годы исследовать периферийные участки, в ча-

¹ Г. Б. Федоров. История денежной системы Литовского великого княжества; опубликованы фрагменты монографии: его же. Топография кладов с литовскими слитками и монетами. КСИИМК, вып. XXIX; его же. Классификация литовских слитков и монет. Отметим отдельные публикации и статьи в области нумизматики, сфрагистики и геральдики: А. В. Арциховский. Изображения на новгородских монетах. ИОИФ. 1948, № 1; Н. М. Маслов. Львовский клад. КСИИМК, вып. XXIII; М. В. Сузин. Ожгибовский монетный клад XIV в. Там же, вып. XXIX; Б. А. Рыбаков. Печать Георгия и Софии. Там же, вып. XXIX; Л. А. Голубева. Новый образец свинцовой печати из Суздаля. Там же; Э. А. Володченко. Перстень-печать XII в. Там же, вып. XXXVI; Д. И. Блитель. Вислая печать из Белгородки. А. III. Киев, 1950; Б. А. Рыбаков. Печати черниговских князей. Там же; А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. Уч. зап. МГУ, вып. 93, 1946.

² См. ниже тезисы В. А. Богусевича, стр. 47.

стности Неревского конца. Можно надеяться, что намеченные работы дадут окончательный ответ и на спорный вопрос о времени и причинах возникновения Новгорода.

Как мы видели на примере Мурома и его округа IX—XI вв., сельская периферия города являлась не только поставщиком сельскохозяйственных продуктов и потребителем продукции городских ремесленников, но зачастую определяла возникновение города и темп его развития. Поэтому крайне желательно сочетать археологическое исследование города с разведкой и раскопкой синхронных поселений и могильников его ближайшей периферии. Переход от «монографического» исследования, замкнутого в пределах городской территории, к одновременному изучению сельской округи и ее судеб — чрезвычайно обогатит и расширит исторические выводы. Для городов, выросших в процессе колонизации, изучение их сельского окружения поможет осветить и этногонические проблемы, влияние русского города на формирование особенностей русской культуры в новых районах ее развития и на исчезновение племенных различий.

Наконец, третье необходимое направление. Мы располагаем материалом главным образом крупнейших древнерусских городов, на котором основываем суждения об их возникновении и развитии. Но вопрос в целом несравненно шире. Русь называли «страной городов», их перечень и количество установлены по письменным источникам М. П. Погодиным, К. Н. Неволлиным, а ныне М. Н. Тихомировым, и отражены на карте Б. А. Рыбакова к I тому «Истории культуры древней Руси», однако археологически все эти материалы в огромном большинстве почти никак не комментированы. Мы не можем, в частности, с уверенностью отделить среди «градов» города в собственном смысле этого понятия от городков-крепостей, и поэтому вопрос о действительном количестве и удельном весе торгово-ремесленных городов на Руси X—XIII вв. решается пока условно, частично и косвенными путями. Это вопрос насущный, и мы должны ускорить его реальное решение. Представляется необходимым развитие широкой систематической разведки городов и городищ, создание археологической карты русских городов и получение для каждого из них археологического паспорта. Это особенно важно, в частности, для городов периода феодальной раздробленности, возникавших на территории соседних северо-восточных народностей и северо-западных племен. Что такая задача разрешима и научно продуктивна, показывает хотя бы разведка Вологды, выяснившая здесь домонгольское поселение, очевидно, новгородских колонистов. Считавшееся легендарным указание жития Герасима вологодского на возникновение города в XI—XII в. содержит бесспорное зерно исторической истины. В докладе М. Ю. Брайчевского освещена часть подобной работы на Украине¹. Необходимо, чтобы разведка и составление археологической карты древнерусских городов стали постоянной частью производственных планов ведущих археологических учреждений страны.

Следует пересмотреть положения об обязательности раскопок «большой площадью» и осуждение «шурфа» в практике археологического исследования древнерусского города. Задача всесторонней разведки крупнейших городов на всей их территории требует признания законности широкого «разведочного маневра», дополняющего основные крупные раскопы.

Для разведки необходимо использовать намеченное второй послевоенной пятилеткой жилищное, промышленное и коммунальное строительство, извлечь из материалов археологического надзора за этими работами максимум научной пользы. Нанесение на археологические планы городов находок, фиксация стратиграфических разрезов, вскрываемых земляными

¹ См. тезисы ниже, стр. 32.

работами, должны стать повседневной обязанностью музеев в древнерусских городах.

В связи с растущим размахом исследований назрела необходимость обобщения опыта полевой археологической методики¹.

Особое значение приобретает также методика изучения полученных археологических материалов (в частности ремесленных изделий), которая должна обеспечить решение задачи хронологической детализации истории города и городского ремесла. В монографии Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» даны анализ и историческое обобщение огромного фонда памятников ремесла и прекрасные образцы оригинальных и плодотворных методических приемов изучения вещи. Развивая начатое Б. А. Рыбаковым, нужно идти дальше.

Перед нами два пути. Первый — монографическое историко-технологическое изучение отдельных ремесел, путь анатомии вещи, представленный докладом Б. А. Колчина². Его научное значение очевидно и не требует пояснений. Существенно, что он приводит не только к познанию технологии ремесла и ее развития, но позволяет ставить и общие вопросы, например, о производстве городскими ремесленниками сельскохозяйственных орудий и, следовательно, о наличии в XI—XII вв. значительного обмена между городом и деревней.

Второй путь — изучение отдельных категорий вещей с целью установления новых типо- и хронологических серий, позволяющих не только следить за развитием ремесла, но и дающих новые проверенные эталоны для более детальной датировки городских слоев, тем самым уточняя историю города. На основе нового материала и с новыми целями необходимо часть сил посвятить кропотливой «вещеведческой» работе и «типологическим» исследованиям, в корне отличным своей исторической конкретностью и направленностью³ от спекулятивных формально типологических построений прошлого. Это уточнение и развитие «сравнительно-исторического метода» в обработке древнерусского массового материала обязательно, для того чтобы археологическая наука, основываясь на марксистско-ленинской теории и точнейших фактических данных, смогла, по словам И. В. Сталина, «...стать такой же точной наукой, как, скажем, биология»⁴.

В наступившем пятилетии мы обязаны дать советскому читателю монографии, подводящие итоги первому этапу исторического исследования древнерусского города (в их числе «Древний Киев», «Древний Вщиж», «Старая Ладога», «Великий Новгород», «Древнее Гродно», «Старая Рязань», «Великий посад Москвы»), и исследования о строительном деле и архитектурном искусстве древней Руси.

Перед советскими археологами, как и перед всеми работниками советской науки, стоит ответственнейшая задача, поставленная нашим вождем И. В. Сталиным: «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Можно с гордостью сказать, что ни в одной стране мира археологическая наука не развивается

¹ Н. Н. Воронин. Некоторые вопросы методики раскопок древнерусского города. КСИИМК, вып. XXXVIII.

² См. тезисы ниже, стр. 67, а также Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (автореферат диссертации). М., 1950; его же. Опыт металлографического исследования древнерусских железных вещей. КСИИМК, вып. XXX; его же. Несколько замечаний к главе «О железе» минералогического трактата Бируни. Там же, вып. XXXIII.

³ См. напр. С. А. Изюмова. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси. КСИИМК, вып. XXX; Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси. Там же, вып. XIII; ее же. Из истории древнерусского оружия. СА, XIII; ее же. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV; также указанные выше работы Я. В. Станкевича и Ф. Д. Гуревича о керамике и бусах из раскопок Старой Ладоги.

⁴ История ВКП(б). Краткий курс. 1938, стр. 109.

столь планомерно и целеустремленно, как в нашей стране, и не случайно, что в истекшей пятилетке труды археологов не раз удостоивались высшей награды — Сталинской премии.

Нигде не разрабатывается столь настойчиво и углубленно крупнейшая историческая проблема возникновения и развития города. Для дальнейшего развития и улучшения этой работы мы располагаем новым острейшим оружием — гениальными трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания. Поднятые в этих трудах вопросы об отношении базиса и надстройки, об отношении языка и культуры, о сравнительно-историческом методе, о проблеме влияний и многие другие имеют прямое отношение к нашей работе.

Новое освещение И. В. Сталиным развития народности и нации делает особенно актуальной задачу изучения города, так как именно город с его ремесленной культурой и развитыми торговыми связями является сильнейшим фактором в процессе переработки и нивелировки племенных различий как в области языка, так и в области культуры, в формировании более широкой общности — народности и нации. Труды И. В. Сталина обязывают нас и в исследовании древнерусского города к высокой научной требовательности, к максимальной конкретности исторического исследования, к повышению точности нашей методики, предостерегают против рецидивов вульгаризации и социологического схематизма, являющихся неизбежным следствием теоретической слабости и стремления к обобщениям без глубокого изучения источников.

Сделанное в течение первой послевоенной пятилетки дает право утверждать, что и задачи, стоящие перед нами в наступившей второй пятилетке, мы выполним.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ НА ПЛЕНУМЕ

С. А. ТАРАКАНОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОРОДА
В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

1. Изучение древнерусского города за последние годы все больше и больше привлекает внимание историков и археологов. Однако накопленный археологический материал не дает еще возможности представить полную картину жизни древнерусских городов, в частности еще до сих пор остается нерешенным вопрос об их происхождении. Последнее обуславливается не только скудостью письменных источников, но и своеобразными условиями процесса возникновения городов в различное время в разных районах древней Руси. Разрешение этого вопроса во многом будет способствовать пониманию дофеодального периода Руси. С этой целью необходимо археологическое изучение древних городищ.

2. Для выяснения происхождения древнерусского города интересный материал дает Псковская земля. Здесь, кроме самого города Пскова, доступны изучению его пригороды, которые сохранились до нашего времени либо в виде действующих городских и сельских поселений, либо в виде городищ. В псковских летописях имеются сведения о времени возникновения некоторых из этих пригородов, бывших крупными, хорошо укрепленными поселениями.

3. Основной формой поселения славян-кривичей, населявших некогда территорию Псковской земли, являлись открытые поселки — селища. Древние городища здесь встречаются редко. Археологическое изучение двух городищ: Псковского (на территории Псковского кремля) и Камно, на реке Каменке — притоке Великой, показало, что в I тысячелетии н. э. они были ремесленными центрами среди окрестных открытых поселений.

4. Псковское городище возникло во II—III вв. н. э. К середине I тысячелетия н. э. оно превращается в крупный ремесленный поселок, о чем свидетельствуют находки высококачественных изделий из кости и металла. Удобное расположение на мысу рек Псковы и Великой — крупной водной магистрали — значительно способствовало территориальному росту самого поселка.

5. Городище Камно возникло на рубеже нашей эры. Находясь на высоком мысу реки Каменки, оно также занимало выгодное положение среди окрестных открытых поселений. Хозяйство городища, начиная с первых веков его существования, было многогранным; видное место принадлежало ремеслу.

6. На городище Камно открыты остатки литейных мастерских и мастерской по изготовлению каменных формочек для литья. Мастерские датиро-

ются первой половиной и серединой I тысячелетия н. э. Существовали они и позже. Большое количество (44 экземпляра) найденных здесь каменных литейных формочек и заготовок для них, при отсутствии в раскопках вещей, отлитых в этих формочках, заставляет предполагать, что они предназначались для использования не только на городище, но и в окрестных поселениях.

7. Хорошее качество изделий из кости, найденных при раскопках Камно, показывает высокую степень развития и этой отрасли ремесла.

8. Открытые на городище Камно в культурном слое второй половины I тысячелетия н. э. сыродутные горны свидетельствуют не только о значительном развитии кузнечного ремесла, но и о его городском характере.

9. Обменно-торговые связи городищ Камно и Псковского прослеживаются очень рано. Во второй половине I тысячелетия н. э. на обоих поселениях заметно развивается торговля (находки весов, монет, привозных вещей); этот процесс более заметен на Псковском городище, чем на Камно.

10. Оба городища — Камно и Псковское — имели предпосылки для превращения их в города. На том и другом поселении ремесло во второй половине I тысячелетия н. э. достигло очень высокого развития. В VII—VIII вв. на базе Псковского городища возникает город Псков. Удобное географическое положение на реке Великой — крупном водном пути — благоприятствовало тому, что Псковское городище первоначально стало племенным центром, а затем переросло в феодальный город. Камно же не развивается в город. В XII в. оно прекращает свое существование.

11. Специфической особенностью раннего периода существования древнерусских городов являлась комплексность их хозяйства. При ведущем значении ремесла и развитии торговли земледелие, скотоводство, охота и рыбная ловля играли немалую роль в экономике.

12. Уровень материальной культуры поселений Камно и Псковского был достаточно высоким. Это доказывается степенью развития ремесла, характером жилых построек и произведениями искусства (костяные изделия, рисунки на камнях). Все это с достаточной убедительностью опровергает взгляды некоторых исследователей об отсталости в культурном развитии северных групп восточного славянства по сравнению с южными. Общественно-экономическое развитие северных восточнославянских племен шло, начиная с первой половины I тысячелетия н. э., в основном теми же темпами, что и на юге (в Среднем Поднепровье).

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

(города Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья в VIII—IX вв. н. э.
по полевым данным последних лет)

1. Характерная черта культуры Киевской Руси — наличие городищ, которые вместе с прилегающими к ним посадом и приселками являются основным типом поселения древней Руси.

2. В эпоху, предшествующую сложению Киевской Руси, т. е. антскую (II век — половина VII в. н. э.), на территории Среднего Приднепровья, Поднестровья и Побужья укрепленных поселений (городищ) не существовало. Для культуры полей погребений характерны исключительно открытые, не защищенные поселения. Это объясняется исторической обстановкой того времени (существование Антского государства).

3. Древнейшие русские городища появляются в VIII—IX вв. Пример — неоднократно раскапывавшееся III Городское городище. Работы 1947 г. позволили достаточно точно определить его стратиграфию. Здесь были раскопаны 4 жилища, 3 зерновые ямы и сооружение неизвестного назначения, частично перерезавшие друг друга и относящиеся к четырем различным этапам истории городища. Древнейшие жилища и зерновая яма относятся к IX—X вв. и характеризуются архаическим материалом, резко отличным от обычного для времени Киевской Руси и перекликающимся с более древними находками Луки Райковецкой, датирующимися VIII—IX вв., а может быть, и более ранним временем.

4. Раскопки в 1945—1949 гг. древнего Плиснеска показали наличие на городище слоя VIII—IX вв., в котором обнаружены полуземляночные сооружения с печами-камечками и весьма характерными находками, имеющими аналогии с материалами Луки Райковецкой и еще более древними вещами культуры полей погребений.

5. Луцк, бывший племенным центром лучан уже в VIII в. н. э., не исследовался систематически, однако отмечен находками на территории древнего городища (Квятовская и Доминиканская улицы) керамики, чрезвычайно характерной по своему типу, близкой к керамике раннего Плиснеска и датируемой VIII—IX вв. н. э.

6. Во время работ экспедиции 1948 г. обнаружены следы архаического слоя на горе Боны в Кременце.

7. Археологическими раскопками установлено существование в VIII—IX вв. таких городищ, как Вышгородское, Коростеньское и другие.

8. Особо стоит вопрос о Княжей Горе, которую многие исследователи справедливо отождествляют с летописной Родней. Родня, по летописным сведениям, существовала еще до X в. На Княжей Горе известно довольно значительное число находок VIII—IX вв. и более древних.

9. Любопытный образец городища-убежища, повидимому весьма раннего, представляет собою Пироговское городище, раскапывавшееся в 1950 г.

10. Особый тип болотных (или, правильнее, поемных) городищ представлен в Среднем Приднепровье Бушевским и городищем у с. Сухолесы над Росью, обследованными в 1947 г. Материал, собранный здесь, — довольно архаичный, напоминающий материал Луки Райковецкой и культуры полей погребений.

11. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что около VIII—IX вв. в Среднем Поднепровье, Поднестровье и Побужье происходит трансформация основного типа поселений от расположенных в низких местах незащищенных селищ — к городищам на высоких, естественно защищенных местах, на каком-то этапе усиливаемых дополнительно искусственными укреплениями.

12. Не может быть сомнений, что эта трансформация не случайна и является отражением общественного развития древних славян в эпоху сложения Киевского государства.

13. Летописное слово «город», этимологически восходящее к слову «городить», т. е. «укреплять», первоначально обозначало укрепленный пункт. В дальнейшем значение термина изменилось и приобрело двойкий смысл: город-замок (Burg) и город — центр ремесла и торговли (Stadt). Большинство летописных городов и безымянных городищ, известных нам археологически, представляют собою города первого типа.

14. О том, что представляли собою древнейшие городища, может служить пример Киева (на основании данных М. К. Каргера), разросшегося из крошечного укрепленного городка, представлявшего собою в VIII—IX вв. типичный замок — местопребывание князя с его дружиной. Характерно, что история Городска, бывшего в период Киевской Руси крупным металлургическим центром, начинается именно на III городище — небольшом по размерам и наиболее сильно укрепленном естественно, в то время как на I и II городищах ранний слой не прощупывается. Характерным примером подобного же замка, не разросшегося в городской центр ремесла и торговли, может служить Китаевское городище под Киевом, которое, судя по данным раскопок могильника, существовало в X в.

15. По своему социальному содержанию древнерусские городища, возникновение которых в VIII—IX вв. связано с развитием у восточных славян феодальных отношений, принципиально отличны от городищ родового общества, известных в более древнее время (например, в скифское).

16. Городище-замок был одним полюсом феодального общества. Вторым полюсом были тяготеющие к городищу открытые поселения — приселки, где обитала основная часть производящего населения.

17. Возникновение городов — центров ремесла и торговли — процесс длительный; начало его уходит в антское время, когда ремесло отделяется от земледелия и создается внутренний рынок. Со сложением классового общества и появлением городов-замков ремесленное и торговое население, связанное в своей хозяйственной деятельности с наиболее легко отчуждаемой формой собственности, начинало сосредоточиваться у стен замков, обеспечивавших ему защиту в случае вражеского нашествия. Таким образом, города-замки превращались в города — центры ремесла и торговли.

В. И. РАВДОНИКАС

ДРЕВНЕЙШАЯ ЛАДОГА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1938—1950 гг.

1. Систематическими раскопками 1938—1950 гг. на городище Старой Ладоги вскрыта площадь свыше 2000 м² до глубины около 3 м., т. е. до материка. На всей этой площади залегает непрерывный культурный слой, четко расчленяющийся на горизонты от VII до XVII вв. Предметом доклада являются горизонты нижней толщи культурного слоя (VII—X вв.), проливающие яркий свет на период возникновения и древнейшей истории Ладоги, ввиду удивительной сохранности органических остатков, особенно дерева.

2. Нижние горизонты (e_1 , e_2 и e_3) относятся к VII—IX вв. Характеристика каждого из них и хронология находок показывают, что эти слои относятся к самому древнему периоду истории Ладоги.

3. Поселение возникает на луговой, заболоченной первой террасе левого берега Волхова в VII в. и сразу же (горизонт e_1) характеризуется высокой культурой, несомненно сложившейся ранее где-то в другом месте. Основные ее элементы — весьма развитая техника деревянного строительства (большие дома до 80 м²), сельское хозяйство (пашенное земледелие и скотоводство), начатки ремесла (литейные формы) и, видимо, торговые связи с отдаленными районами (монетные находки на территории Ладоги).

4. В дальнейшем (VIII—IX вв. горизонты e_2 и e_3) эта культура прогрессирует, сохраняя, однако, свои общие исторические черты. С очень большой степенью выразительности данная эпоха запечатлелась в остатках горизонта e_2 (приблизительно VIII в.), где хорошо сохранились следы общего пожара, охватившего Ладогу в это время. Здесь представлены три больших дома площадью 42, 70 и 110 м² с общими конструктивными признаками (преддверие, центральное расположение печи, трехчастное деление жилой площади столбами и пр.). К домам прилегают хозяйственные постройки: кладовые, постройки производственного назначения, скотные дворы. Наблюдается тенденция к расположению домов по кругу. Дома связаны мостками.

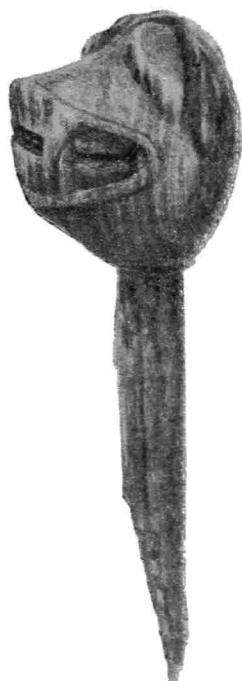
Горизонт e_3 (приблизительно IX в.) сохранился отдельными участками; его сильно нарушило интенсивное строительство X в. Однако в нем отчетливо представлены те же большие дома. Один из них имеет площадь около 100 м², другой уходит в западную стенку раскопа, но цельное, ненарощенное бревно нижнего венца его восточной стены имеет длину 17 м.

5. Чрезвычайно обильный вещевой материал (особенно дерево) и другие остатки в толще e позволяют дать довольно полную реконструкцию хозяйства и быта древнейшей Ладоги. Ведущая форма производства — сель-

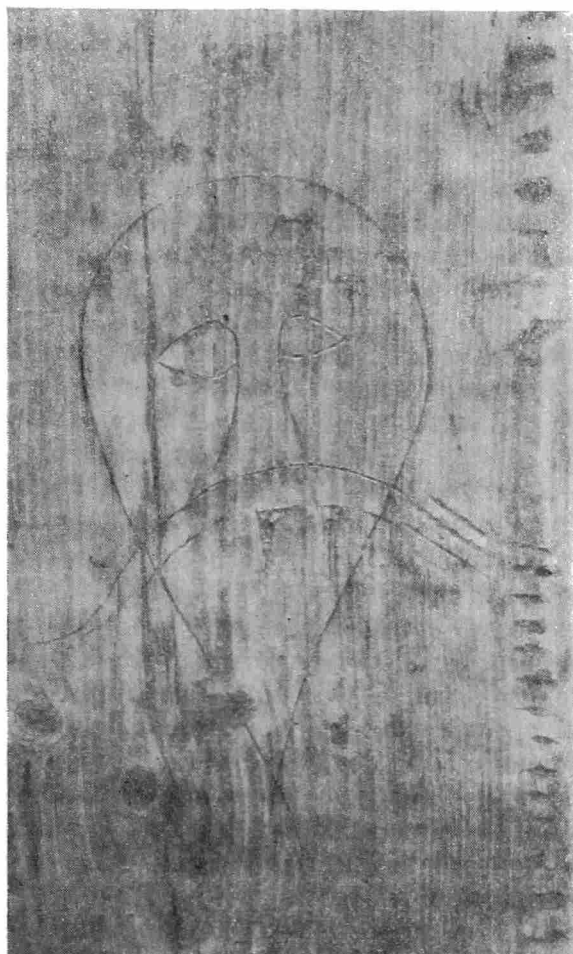
ское хозяйство — представлено сошниками, скоплениями зерен культурных растений (ячмень, просо, конопля) и костными остатками домашних животных; охота — деревянным луком (несколько экземпляров), стрелами, копьями, капканами, лыжами, легкими санями и костями диких животных;

1

2

3

Рис. 1. Старая Ладога. Изделия из дерева

1 — обломок рукоятки ковша в виде головы утки (VIII—IX вв.); 2 — изображение головы животного (VIII—IX вв.); 3 — процарапанное изображение мужской головы на корневом бруске, найденном в настиле мостовой IX—X вв.

рыбная ловля — грузилами, крючками, чешуей и костными остатками рыбы; домашняя промышленность — керамикой (исключительно лепной), многочисленными образцами обработки дерева (рис. 1—1, 2) и кости, горизонтальным ткацким станком и т. д.; ремесло — литейными формами, железными крицами; торговля — привозными изделиями; быт — весьма разно-

образными находками, в частности предметами изобразительного искусства (рис. 1—3).

6. Общественно-экономические основы жизни древнейшей Ладоги ясны. Это большесемейные общины, объединенные связями хозяйственной и политической жизни.

Перед нами не просто древнее поселение, а зарождающийся город с населением численностью в сотни человек, один из центров возникающей государственности.

Рис. 2. Остатки деревянной мостовой IX—X вв.

7. Этническая принадлежность населения древнейшей Ладоги к северной ветви восточного славянства несомненна. Сплоченная группа восточных славян приходит сюда к VII в. со сложившейся культурой, предполагающей продолжительный период предшествующего развития, происходившего значительно южнее Ладоги (южные культурные растения — просо, конопля, связи с Приднепровьем), но в пределах лесной полосы, где единственно только и могла развиваться высокая техника деревянного строительства. Верхнее Приднепровье и Белоруссия, т. е. область кривичей, — вот территория, откуда прибыли основатели Ладоги. На это указывают керамика, древняя традиция деревянного строительства и другие факты.

8. Горизонт X—XI вв. (д), раскрывает нам картину уже вполне сложившегося города (небольшие дома с уличной планировкой, уличное благоустройство, ремесло, торговля и т. д.) — рис. 2.

Обилен и вещевой материал, характеризующий жизнь Ладоги этого периода, когда она становится пригородом Новгорода и вместе с тем форпостом, стратегическим центром обороны северо-западного рубежа древнерусской земли.

Л. А. ГОЛУБЕВА

ДРЕВНЕЕ БЕЛООЗЕРО

1. Белоозеро — один из древнейших русских городов, упоминаемых начальной летописью в связи с событиями IX—X вв., и один из трех крупных политических центров на севере Руси, связанных с пресловутой легендой о «призвании варягов» (Синеус на Белоозере).

Возникновение Белоозера и вопрос о его первоначальном местоположении — в то же время вопрос о славянской колонизации района Белого озера и судьбе веси, древнейшей насельницы края.

2. Археологические памятники веси для Белозерья не выделены; славянские — древнее конца VIII—IX вв. неизвестны. Памятниками славянской колонизации IX—X вв. являются единичные сопки, городища, немногочисленные курганы, известные в верхнем течении Шексны и на северном побережье Белого озера. Их расположение, наряду с данными топонимики, указывают направление славянской колонизации, более раннее освоение славянами северного побережья озера и роль Шексны как главной речной магистрали, связывающей район Белого озера с Новгородской землей, северными Двинскими землями и Поволжьем. Поэтому поселение IX—X вв. у истоков Шексны, контролирующее выход из Белого озера и дальнейшие пути из него на север и юг, не случайно рано приобрело выдающееся значение.

3. Археологическое изучение Белозерья, начатое в 60-х годах прошлого столетия, было крайне фрагментарным и носило разведочный характер. Работы, предпринятые экспедицией ГИМ в 1949—1950 гг., явились первыми раскопками в Белозерском районе.

Раскопкам подверглось известное урочище на правом берегу Шексны (в 2 км от ее истоков из Белого озера), носящее название «Старый город». Местное предание и записи XVII—XVIII вв. связывали эту местность с летописным Белоозером. В 1929 г. здесь провел разведку В. И. Равдоникас, обнаруживший культурные слои IX—XII вв.

4. За два года раскопок экспедицией Исторического музея была вскрыта площадь свыше 1200 м². Установлена следующая стратиграфия:

1) пахотный слой с находками XI—XV вв.;

2) культурный слой XIII — половины XII вв. с плохо сохранившимися остатками деревянных построек;

3) культурный слой половины XII—XI вв. со срубами домов, настилом мостовой (рис. 3) и другими сооружениями;

4) культурный слой X—IX вв., сохранившийся только на территории древнейшего поселения.

Многочисленные неолитические находки, встречающиеся в этих культурных слоях, дают основание предполагать существование на этом месте неолитической стоянки.

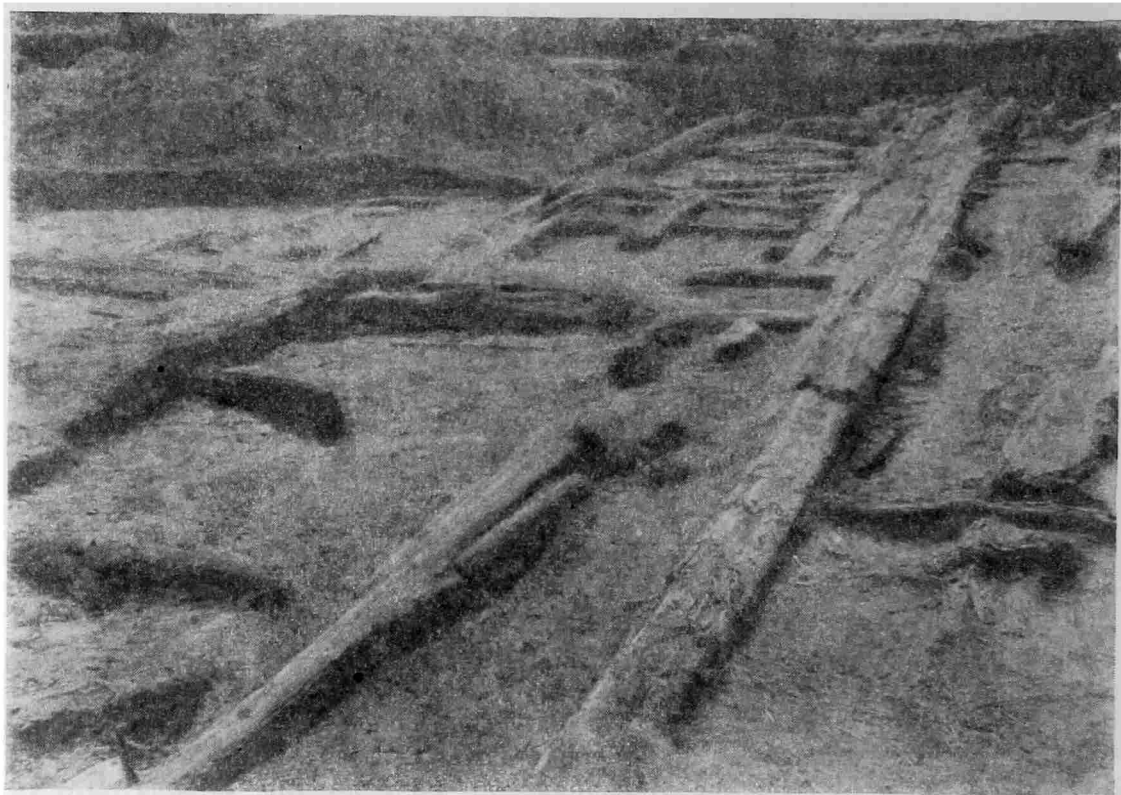

Рис. 3. Белоозеро. Настил уличной мостовой

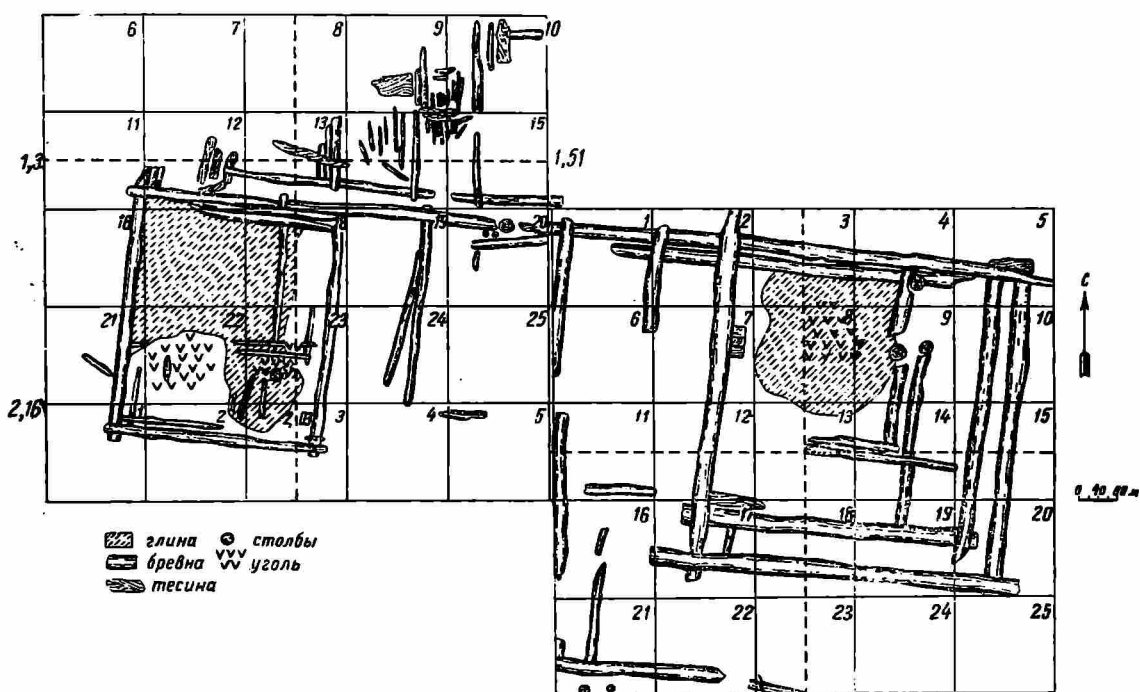

Рис. 4. Белоозеро. Остатки сруба избы с горницей и сеними (план)

Раскопками установлено расположение первоначального поселения IX—X вв. в наиболее возвышенной части местности, напоминающей городище. Обнаружены остатки жилищ, обильный инвентарь ремесленного характера. Дальнейшее развитие города в XI—XIII вв. шло в направлении к реке и вдоль последней. Дома исследованной части строились на свежесрубленной лесной расчистке. Расположение построек — уличное.

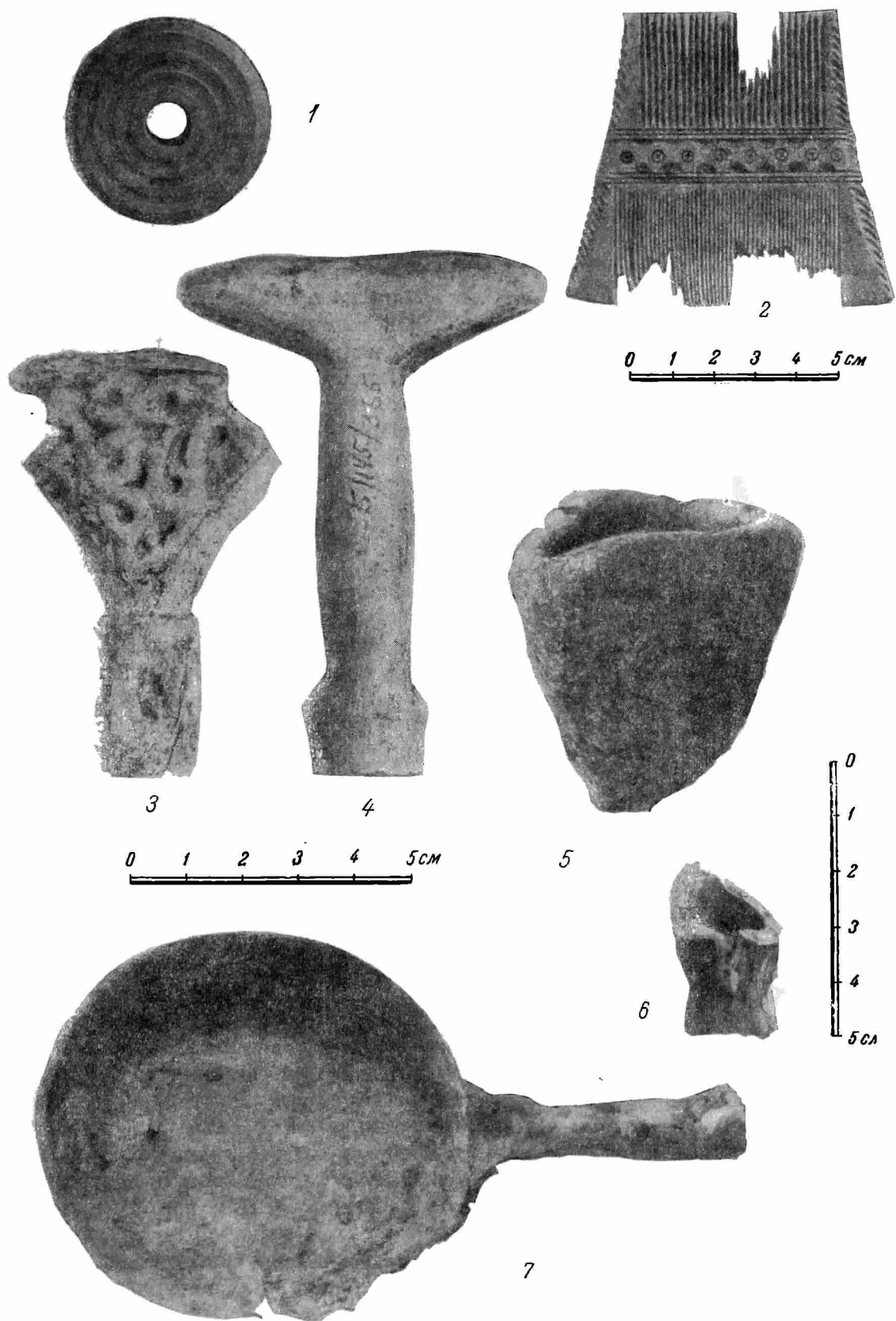

Рис. 5. Вещи из Белоозера

1 — пряслице (IX—X вв.), точеное на токарном станке (кость); 2 — гребень (кость); 3 — навершие со стилизованным изображением внака Рюриковичей (кость); 4 — навершие (кость); 5 — льячка; 6 — тигелек; 7 — медный ковш

5. Основным типом жилища на Белом озере с IX по XIII вв. являлась рубленая в обло изба с печью-каменкой. Для XI—XII вв. выявлены дополнительно два типа домов: изба с сенями и пристроенным к ней крытым скотным двором, и «изба-двойня», состоящая из двух изб, соединенных сенями с двором, расположенным сзади (рис. 4). Последний тип избы археологически впервые изучен на Белоозере. Помимо жилых домов раскопками открыт сруб бани; из производственных построек — кузница.

6. Из числа сооружений, говорящих о благоустройстве города, наибольший интерес представляет мостовая, выходящая к реке и служившая пристанским взвозом. По своей конструкции она отличается от известных новгородских мостовых XI—XIV вв. и значительно превосходит их по мощности.

7. Многочисленность вещевых находок и их характер с несомненностью свидетельствуют о ремесленно-торговом населении Белоозера в XI—XIII вв. Хорошо представлены находками черная металлургия, меднолитейное производство (рис. 5—5—7), костерезное дело, обработка дерева, скорняжное и сапожное дело, гончарство. Обилие грунтовых вод обеспечило хорошую сохранность изделий из кожи, дерева, ткани и позволило выявить много новых данных в отношении развития этих производств, обычно плохо представленных при раскопках южных и среднерусских городов.

8. Помимо ремесел и торговли население Белоозера занималось земледелием, животноводством, рыболовством. Были развиты домашние промыслы: прядение и ткачество, выделка войлока и т. д.

9. Наличие большого числа привозных изделий свидетельствует об оживленных торговых связях Белоозера с отдаленными областями (Киевской землей, Волжской Болгарией, Средней Азией) и подчеркивает городской характер поселения.

10. О высоком уровне художественного мастерства местных ремесленников свидетельствует изящная резьба по кости (навершия, гребни) — (рис. 5—1—4) и камню, большое количество орнаментов на деревянных и берестяных предметах. Надписи на пряслицах и отдельные буквы на изделиях из камня и дерева доказывают значительное распространение грамотности среди ремесленного населения Белоозера. Некоторые находки (например, бирка с десятичными нарезками, подкрепляющая предположение о развитии десятичного счета у славян уже в XI—XII вв.) дают новые сведения по целому кругу вопросов историко-культурного характера.

11. Отсутствие укреплений вокруг Белоозера выделяет его из числа других исторически известных древнерусских городов и позволяет поставить вопрос об особенностях развития этого города как неукрепленного посадского центра, типа позднейших новгородских рядков XV—XVI вв. С этим обстоятельством связаны и события политической истории Белоозера, не имевшего вплоть до середины XIII в. своей княжеской ветви и пользовавшегося большой самостоятельностью.

12. Незначительность верхнего культурного слоя с находками XIV—XVI вв. на Белоозере соответствует указаниям источников о запустении города в середине XIV в. в результате эпидемий чумы и перенесении его на новое место (современный Белоозерск в 17 км к западу от «Старого города»). Разрушению города способствовало также нападение новгородцев, сжегших в 1398 г. «Старый город». Следы пожара в верхних слоях Белого озера действительно имеются.

13. Память о трагической судьбе города оберегала «городище» от позднейших застроек и заселений. Развалины домов, занесенные землей и покрытые дерном, сохранились в виде холмиков на огромной территории «Старого города» и представляют исключительный материал для археологического исследования.

М. И. АРТАМОНОВ

БЕЛАЯ ВЕЖА — РУССКАЯ КОЛОНИЯ В СТЕПЯХ ПОДОНЬЯ

Белая Вежа представляет собою русский город на месте хазарской крепости Саркел на нижнем Дону, возникший после взятия Саркела Святославом около 965 г.

Крепость сильно пострадала. Часть кирпичных сооружений была разрушена. Однако остатки крепостных хазарских стен служили линией обороны и для русского города, который почти целиком вместился в границы хазарской крепости и лишь в северо-западной своей части вышел за ее пределы. Но и эта часть находилась на том же береговом мысу, на котором стояла крепость; с напольной стороны мыс был защищен глубоким и широким рвом.

Развалины хазарских кирпичных сооружений внутри крепости были использованы русскими для устройства своих жилищ. Сооружались они в виде полуземлянок, вырытых в культурном слое хазарского времени, а позже в отложениях самого русского поселения; наземные части представляли собою обмазанные глиною стены из плетня и камышевой или соломенной кровли.

Печи делались глинобитные или складывались целиком из кирпичей (рис. 6), взятых из хазарских построек. Последнего рода печи иногда имели ступенчатый свод, чаще же перекрытие их поддерживалось столбом или продольной стенкой, перегораживавшей печь пополам. Поверх перекрытия нередко устраивались глинобитные «сковороды».

Характерной принадлежностью жилищ являются ямы — кладовые и мусорные, основательно испортившие не только культурные отложения городища с остатками сооружений более раннего времени, чем каждая из них, но и материк под ними. Стенки таких ям или обмазаны глиной, или обложены кирпичами; дно также часто бывает вымощено кирпичом.

В верхних слоях города появляются постройки из сырцовых кирпичей и деревянные сооружения с фундаментами из камня (мергель) или кирпича (рис. 7—1, 2).

Ранние славянские жилища Белой Вежи сходны с жилищами роменско-боршевского типа. В них преобладает лепная керамика боршевского типа, но встречаются также сосуды, продолжающие развитие форм, обычных для хазарского времени.

Можно отметить наличие в раннерусском слое жилищ с хазарским керамическим комплексом, наряду с экземплярами керамики славянских типов.

На этом основании можно полагать, что часть хазарского населения оставалась и после русского завоевания, сохраняя некоторое время свои

этнографические признаки в русской среде. Отдельные элементы хазарской культуры сохраняются в памятниках Белой Вежи.

Для своего времени Белая Вежа была крупным городом со значительным населением. Это доказывается плотностью заселения, мощностью культурного слоя, накопившегося в сравнительно короткий срок, и большой величиной русского могильника, расположенного возле города.

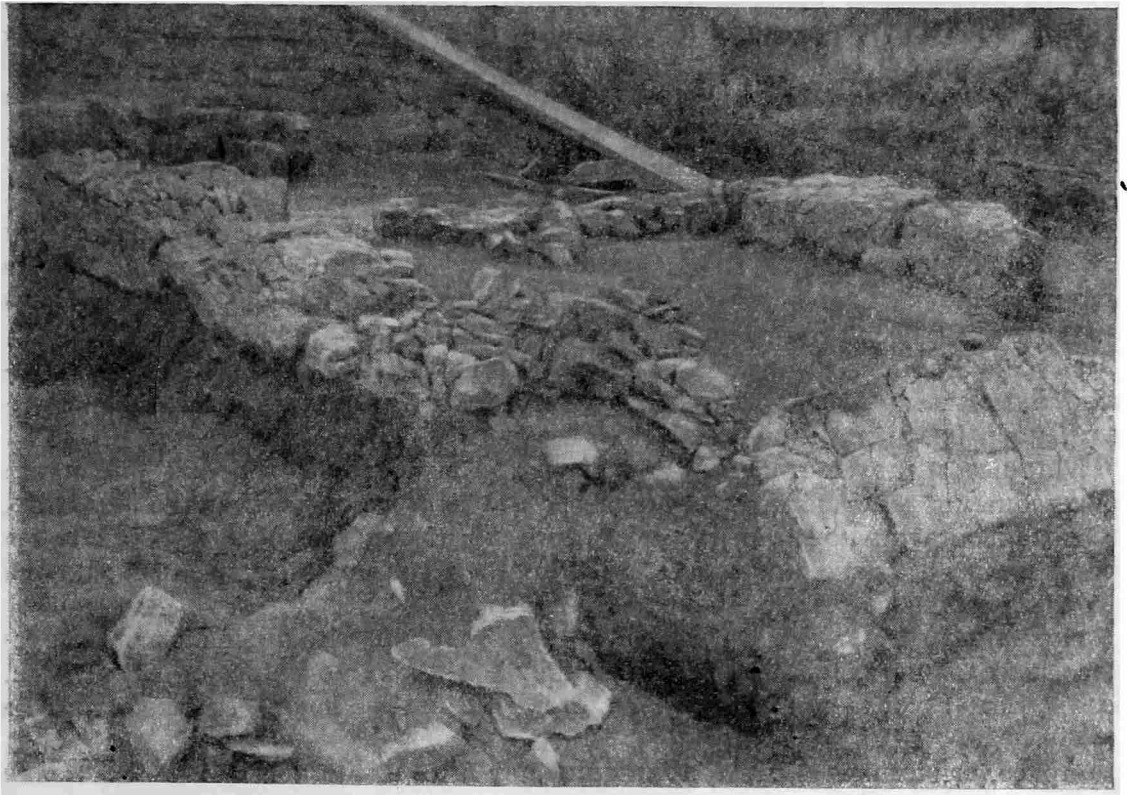

Рис. 6. Кирпичная печь в русском жилище

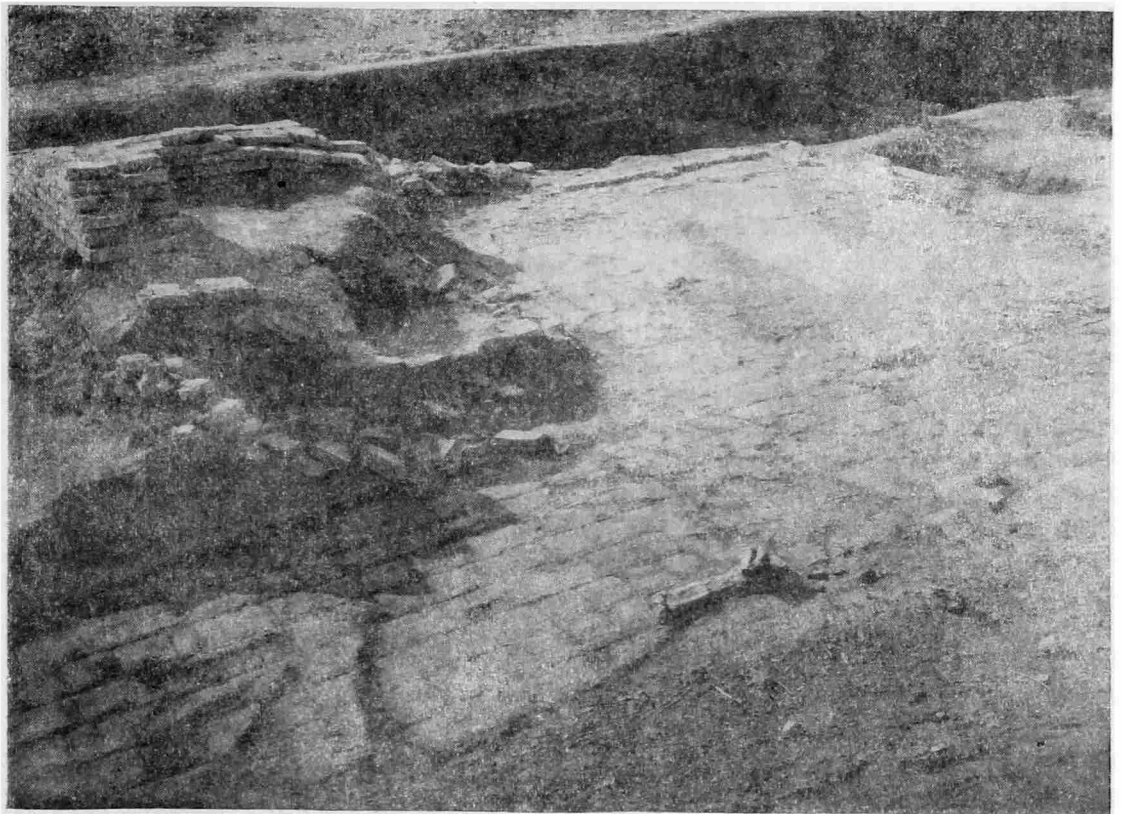
Погребения устраивались на кладбище за городской стеной, во дворе хазарской крепости, в наружном оборонительном валу и в специальных курганах за валом городища. Особенно интересны погребения в курганах. Курганы насыпались заранее, до захоронения и представляли собой кладбища, в которых, как и в других местах, могилы располагались рядами и снаружи, повидимому, обозначались памятниками, к числу которых относится крест, грубо высеченный из песчаника. Покойников хоронили в дубовых или сосновых гробах без специального инвентаря, в частности без сосудов и жертвенной пищи. В некоторых гробах оказывается по два одновременных погребения. В общем могильник Белой Вежи носит черты городского кладбища и имеет явно выраженные признаки христианской религии погребенных.

Хотя население Белой Вежи занималось земледелием, скотоводством, охотой (бобры) и рыболовством, сельскохозяйственные производства не были специфичны для его хозяйства. Основной смысл существования большого русского города — не в сельскохозяйственном производстве, а в занятиях ремеслом и торговлей.

Из ремесленных производств наиболее развиты кузнечное, литейное, костерезное и гончарное, памятниками которых являются мастерские с горнами, инструментами, шлаками, обрезками металла, заготовками и разными отбросами производства. О развитии торговли свидетельствуют вещи и монеты, происходящие из Киева, Крыма, Кавказа и Средней Азии.

1

2

Рис. 7. Белая Вежа. Остатки русских жилищ

1 — каменный фундамент русского наземного жилища; 2 — остатки русского кирпичного сооружения за юго-западной стеной крепости

Белая Вежа, расположенная на перекрестке важнейших сухопутных и речных сообщений, была важным звеном, соединяющим Русь с Тмутараканью, форпостом русского культурного и политического влияния в придонских степях.

Население Белой Вежи жило в половецком окружении и находилось в постоянных и тесных сношениях с половцами. Ремесленное производство города, вероятно, в первую очередь было рассчитано на обслуживание половецкого рынка.

Тесные связи русского населения с половцами находили свое выражение и в браках беловежцев с половчанками. В русском могильнике Белой Вежи встречаются скелеты с монголоидными признаками и женские погребения с элементами половецкого погребального обряда.

В ближайшем соседстве с русским находится большой половецкий курганный могильник, свидетельствующий о том, что половцы не только бывали, но и жили в Белой Веже.

Мирные и дружественные отношения с половцами нередко сменялись враждебными действиями. Результатом половецких набегов, надо полагать, являются остатки пожарищ со скелетами погибших людей в верхних слоях Белой Вежи, а также многочисленные скелеты со следами тяжелых ранений в составе погребений русского кладбища.

Повидимому, вследствие невыносимых условий, сложившихся для русского населения города из-за участившихся столкновений с половцами, Белая Вежа, согласно известиям летописи, была покинута жителями в 1117 г.

Археологические данные подтверждают это известие. В XII в. Белая Вежа запустела. Донская степь с этого времени стала для русских «землей неизвестной», хотя остатки русского населения в Подонье сохранились вплоть до татарского периода.

М. К. КАРГЕР

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО КИЕВА

1. Археологическое изучение Киева началось более 125 лет тому назад. В течение XIX в. раскопками и случайными находками при земляных работах были обнаружены многочисленные памятники различных эпох. Раскопки и наблюдения за земляными работами, за немногими исключениями, несли на себе печать любительского «вещейскательства» и диллетантизма в основных исторических выводах.

2. Систематические, научно поставленные раскопки в Киеве ведутся, начиная лишь с первого десятилетия XX в. (раскопки Археологической комиссии под руководством Б. В. Фармаковского и Д. В. Милеева и раскопки В. В. Хвойки). Огромный размах археологические исследования Киева получили лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Новые задачи выдвинули и новую методика полевых работ.

3. Особенное внимание советских археологов привлекли важнейшие проблемы происхождения города и его древнейшей истории. В результате проведенных работ сказочный туман легенд, которым была овеяна древнейшая история Киева, постепенно развеивается. Раскопки последних лет на территории Владимирова Киева показали, что так называемый «город Владимира» не может быть признан древнейшим ядром Киева. Раскопками установлено существование в границах «города Владимира» более древнего городища, окруженного рвом и валом, за пределами которых находился огромный языческий курганный могильник IX—X вв. Инвентарь погребений древнего киевского некрополя позволил восстановить яркую картину жизни города в IX—X вв. Среди этих погребений особый интерес вызывают богатые погребальные комплексы, принадлежавшие дружинной знати Киева. Изучение инвентаря и погребальных обрядов некрополя IX—X вв. позволило окончательно разоблачить норманистические концепции, проповедовавшиеся в буржуазных трудах, посвященных древнейшей истории русских городов.

4. Археологическими исследованиями было установлено существование на территории Киева нескольких (не менее трех) самостоятельных поселений VIII—X вв., остатками которых, кроме городища и некрополя на Андреевской горе, являются городище на горе Киселевке и некрополь на Кирилловской улице. Легенда о трех братьях — основателях города, занесенная в древнейшую Киевскую летопись, заключала в себе, повидимому, отголоски реального факта существования нескольких самостоятельных поселений, лишь в конце X в. объединенных в один город.

5. Систематизация и изучение случайных находок, многочисленных кладов римских монет и погребений III—IV вв. на территории Киева позво-

лили восстановить более древнюю страницу его истории. Можно считать установленным наличие нескольких небольших поселений в первые века н. э. Вместе с тем исследованиями последних лет полностью разоблачена сфабрикованная норманистами легенда о существовании на месте будущего Киева прозрачного «Днепровского города» — мифической столицы «готской империи».

6. Наиболее яркий материал, добытый раскопками, относится к летописному периоду истории Киева (XI—XIII вв.). Открытие многочисленных отлично сохранившихся остатков жилищ горожан, ремесленных мастерских, развалин каменных храмов X—XIII вв. и княжеских дворцов, сопровождавшееся находками огромного количества разнообразнейшего инвентаря, позволило воссоздать историю города XI—XIII вв. Вскрытые раскопками комплексы с особенной полнотой и яркостью характеризовали Киев накануне разгрома его татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 г. Изучение своеобразной стратиграфии культурных слоев города позволило установить длительный период запустения «верхнего Киева» в результате монгольского разгрома.

7. Добытые раскопками материалы о культурной жизни города свидетельствуют прежде всего об исключительном развитии ремесла. Продукция киевских ремесленников не только удовлетворяла нужды различных социальных слоев крупнейшего города, каким был Киев в XI—XIII вв., но и широко распространялась далеко за его пределами. Развитое ремесленное производство доказывается не только бесчисленными находками остатков разнообразнейшей продукции киевских ремесленников, но и открытием большого количества ремесленных мастерских, находками орудий производства, заготовок, полуфабрикатов и т. п.

8. Находки различных изделий кавказского, иранского, хорезмского, китайского, византийского, херсонесского и западноевропейского происхождения, импортировавшихся в Киев в XI—XIII вв., указывают на широкие международные торговые связи Киева. Необходимо подчеркнуть, что, по сравнению с изделиями местного ремесла, удельный вес импортных вещей ничтожен.

9. Одна из важнейших задач советских археологов — изучение массовых жилищ киевских горожан. Несколько десятков отлично сохранившихся жилых построек, раскопанных за последние десятилетия, позволили детально изучить конструкцию жилищ, сделать попытку реконструкции их внешнего и внутреннего облика, проследить происхождение типа киевских жилищ и пр.

10. Весьма значительны результаты археологического изучения архитектурных памятников древнего Киева. Раскопки развалин Десятинной церкви, развалин двух храмов на Кудрявце, на Иорданском ручье, храма Бориса и Глеба в Вышгороде, руин Зарубского монастыря, археологические исследования в Софийском соборе, в Выдубицком, Печерском, Михайловском-Златоверхом, Кирилловском монастырях, раскопки крепостных стен митрополичьего двора и ряд других исследований внесли много нового в понимание архитектурного облика города и способствовали решению ряда важнейших проблем истории зодчества Киевской Руси и периода феодальной раздробленности.

11. Многочисленные памятники, открытые и исследованные советскими археологами, наглядно свидетельствуют о том, какие огромные перспективы открывают раскопки древнего Киева. Глубокое и всестороннее освещение его истории, как и разрешение основных проблем истории культуры Киевской Руси, в настоящее время немыслимо без широкого привлечения в качестве исторических источников различных археологических памятников.

Изучение Киева еще далеко не закончено. Можно с уверенностью сказать, что дальнейшие систематические раскопки, несомненно, дадут новые богатые и разнообразные материалы, которые позволят осветить наиболее трудные, до сих пор не решенные вопросы истории древнейшей столицы Русского государства.

В. А. БОГУСЕВИЧ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ 1950 г. НА ПОДОЛЕ В КИЕВЕ

1. Несмотря на длительное археологическое изучение Киева, его древняя материальная культура до сих пор не исследована исчерпывающим образом и не оценена достаточно всесторонне. Остается неизученной огромная территория древнего города — Подола. Здесь известны только отдельные археологические находки, но раскопки почти не производились.

2. Древнейшей и наиболее важной ремесленно-торговой частью древнего Киева является Подол. В XIV—XVII вв. он был самой населенной частью города. Сведения исторических источников времени Киевской Руси о Киеве-Подоле очень многочисленны и отрывочны. Для изучения его топографии и построек важное значение имеет план Киева 1695 г.

3. Наблюдения, производившиеся в 1949 и 1950 гг. Институтом археологии АН УССР, позволили установить характер верхних частей культурных слоев на основных уличных магистралях Подола.

Было выявлено, что культурные напластования во всех частях Подола отличаются большой мощностью. На глубине от 1 до 1,5 м лежит насыщенный многочисленными вещами слой времени Киевской Руси. На глубине от 1,5 до 2 м — слои, относящиеся ко времени не моложе X в. Древние культурные слои Подола во многих местах хорошо сохранились.

Особенно богата вещами Киевской Руси оказалась площадка, примыкающая к Волосской улице.

4. На этой площадке, имеющей около 1000 м², был заложен раскоп размером в 152 м². Общая мощность культурных слоев от IX до XX вв. составила более 4 м.

Раскопками установлено, что в IX—X вв. здесь существовало железоделательное производство, до сих пор не обнаруженное в других частях древнего Киева. В XI—XII вв. на данном участке были расположены жилые и хозяйственные постройки, погибшие от пожара.

5. Особый интерес представляет раскопанный в 1950 г. большой сгоревший наземный дом (площадью более 80 м²) токаря, изготовлявшего деревянную посуду. К жилищу примыкали обширные погреба. Поблизости находилось производство стеклянных изделий, смальты и поливных керамических плиток.

6. После пожара в этой части города были вырыты землянки, что заставляет пересмотреть вопрос об обычности для Киева полуземлянок как основного типа жилищ ремесленного люда. Представляется более вероятным, что полуземлянки были результатом лишь временных тяжелых

обстоятельств, как например, военный разгром, пожары и другие крупные бедствия¹.

Раскопки показали также непрерывность жизни в данной части Подола вплоть до наших дней. Интересно отметить, что со времени Киевской Руси до пожара 1811 г. направление уличных трасс и ориентировка по отношению к ним домов не изменялись.

8. Шурфовка на участке раскопа до глубины 8 м показала наличие здесь слоев, предшествующих IX—X вв. Выяснено также, что влажные почвы Подола весьма благоприятны для хорошей сохранности дерева.

Дальнейшие археологические раскопки на Подоле представляют большой интерес.

---

¹ Интерпретация обнаруженных остатков жилища как наземного деревянного дома вызвала серьезные возражения. Вероятнее полагать, что это остатки типичных для Киева полуземляночных дерево-глинобитных жилищ.— *Редакция.*

В. К. ГОНЧАРОВ

ДРЕВНИЙ КОЛОДЯЖИН

Место древнерусского города Колодяжина, разрушенного татарами в 1241 г., было установлено археологической разведкой в 1948 г., когда и начались систематические раскопки памятника Институтом археологии АН УССР.

Городище расположено в живописной местности на высоком правом берегу р. Случи, у современного села Колодяжное, Дзержинского района Житомирской области.

Детинец городища занимает плато площадью до 1,5 га и значительно возвышается над уровнем реки. Форма детинца всецело зависит от профиля местности. С севера и юга его ограничивают глубокие балки, с запада — река Случь, а с востока с напольной стороны проходят две линии искусственных, уходящих в балки, валов и ров, за которыми размещался обширный посад городища.

В 1948—1950 гг. была вскрыта значительная (до 3500 м²) площадь в детинце с жилищным, хозяйственным и фортификационным комплексами на посаде. Культурный слой городища хорошо сохранился, так как город, прекративший свое существование в 1241 г., больше не отстраивался, и то, что осталось в нем после битвы, находится почти в неприкосновенности.

Как выяснили раскопки, город был полностью сожжен татарами. Так, по краю плато детинца над ровом открыты 22 деревянных срубных сооружения, представляющих собой как бы единую длинную постройку, разделенную поперечными стенами на четырехугольные клетки, в которых размещались жилища, ремесленные мастерские и хозяйственные помещения. Вся постройка была перекрыта толстым слоем лёсса, добытого во время копки рва и насыпанного сверху бревенчатого потолка сооружения. Так, по верх жилищ и других построек был возведен оборонный вал по краю детинца, на котором стоял частокол, или заборóла.

Весь жилищный и фортификационный комплекс городища был конструктивно связан и строился одновременно. Центральная часть детинца оставалась незастроенной и представляла собой как бы большой двор всего жилищного комплекса.

Во время пожара деревянные стены, потолок и толстый слой лёсса на нем обвалились в середину помещений, перекрыв собой все, что находилось в них.

Под обвалами выявлены тысячи хозяйственных и бытовых предметов, обгорелые остатки зерновых и технических культур, орудий земледелия, инструменты ремесленников, оружие, украшения и пр. (рис. 8, 9). Весь добытый вещественный материал достаточно ярко характеризует высокий уровень развития местного ремесленного производства, хозяйство и культуру города.

Под обвалами сгоревших сооружений найдены скелеты погибших в 1241 г. жителей. На многих скелетах сохранились остатки обгоревших одежд и украшений.

Богатый вещественный материал детинца указывает на то, что здесь в основном проживала имущая часть населения, ведущая крупное вотчинное хозяйство.

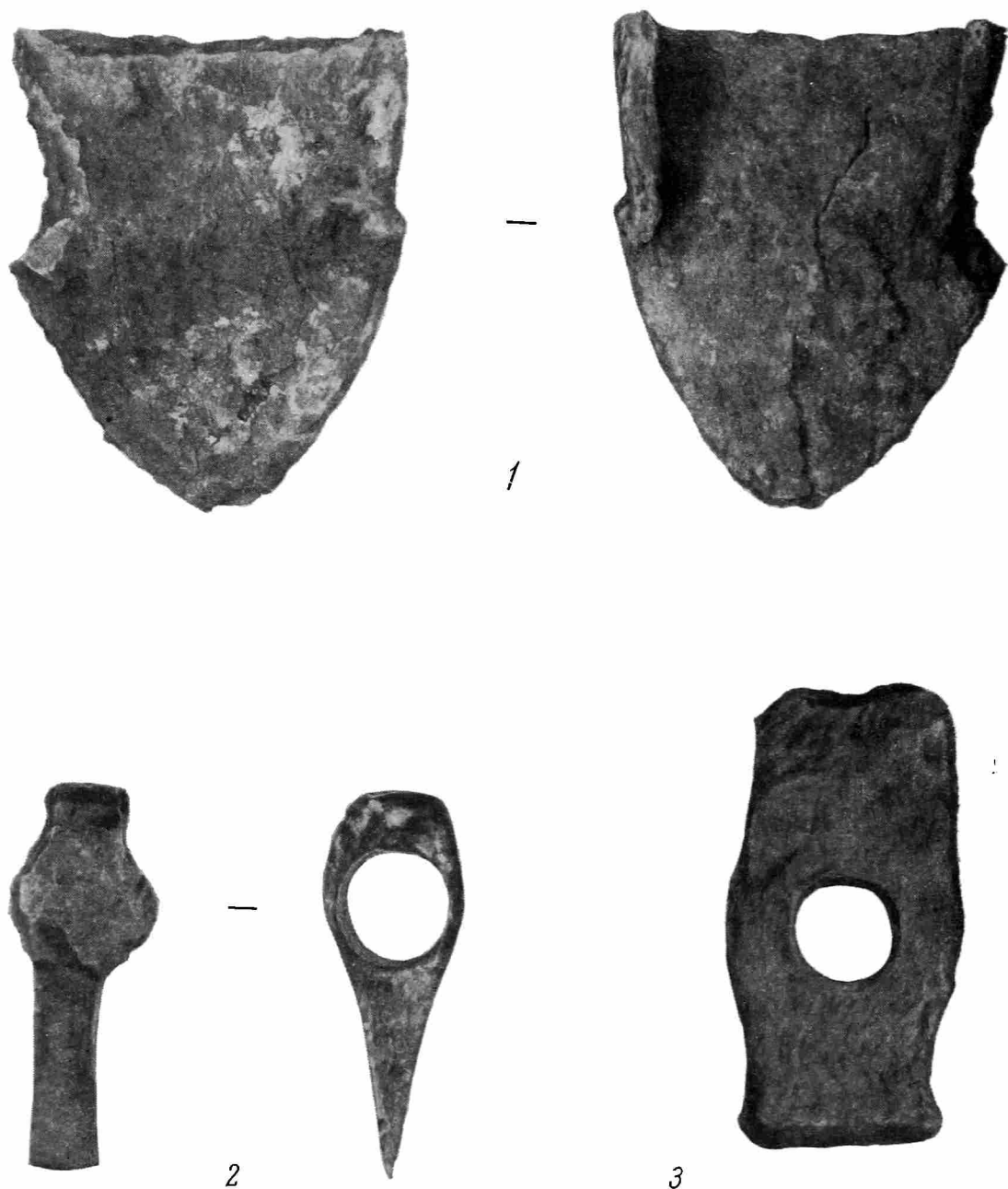

Рис. 8. Железные изделия из Колодяжина

1 — лемех (вид спереди и сзади); 2 — боевой топорик; 3 — кузнечный молот

В детинце были сосредоточены и отдельные отрасли ремесленного производства. В мастерских, которые размещались в общем ряду с жилищами, обнаружены инструменты, сырье и готовые изделия; выявлена кузница с разрушенным кузнечным горном и набором кузнечных инструментов: наковальня, молотки, клещи, зубила; найдено значительное количество железных бытовых и сельскохозяйственных орудий.

Вблизи кузницы была размещена литейно-ювелирная мастерская, в которой оказался разрушенный литейный горн с фрагментами керамических

Рис. 9. Колоджин. Украшения

1 — бронзовая булава; 2 — серебряная шейная гривна

трубок-сопел, посредством которых в горн нагнетался воздух. На глинобитном полу мастерской найдены керамические тигли для плавки металлов, шиферная литейная форма для отливки колта с изображением двух павлинов (рис. 10); в ней колт отливался сразу в законченном виде, с ложной зернью и сканью. Механизация отливки вещей в такого рода формах давала возможность выпуска на рынок однотипной продукции в более массовом масштабе.

На рынок изготовлялась также и глиняная посуда, о развитом производстве которой свидетельствуют найденные на городище десятки целых и сотни фрагментированных сосудов. Часто на доньшках сосудов имелись клейма гончаров

Рис. 10. Шиферная литейная форма для отливки колта

(рис. 11—1, 2). Разнообразие клейм позволяет предположить существование в городе целой группы мастеров; продукция их, безусловно, должна была выходить на рынок за пределы городка.

На городище в обгорелом состоянии найдена и деревянная посуда, сделанная на токарном станке (миски, чашки, блюда), украшенная глазковым орнаментом и узором в виде плетенки. Были обнаружены также бочки, кадки, ведра, сделанные бондарским способом, и сами деревообрабатывающие инструменты: топоры-тесла, бондарские скобели, долота с прямым и желобчатым лезвием, резцы-ложкари, сверла и пр.

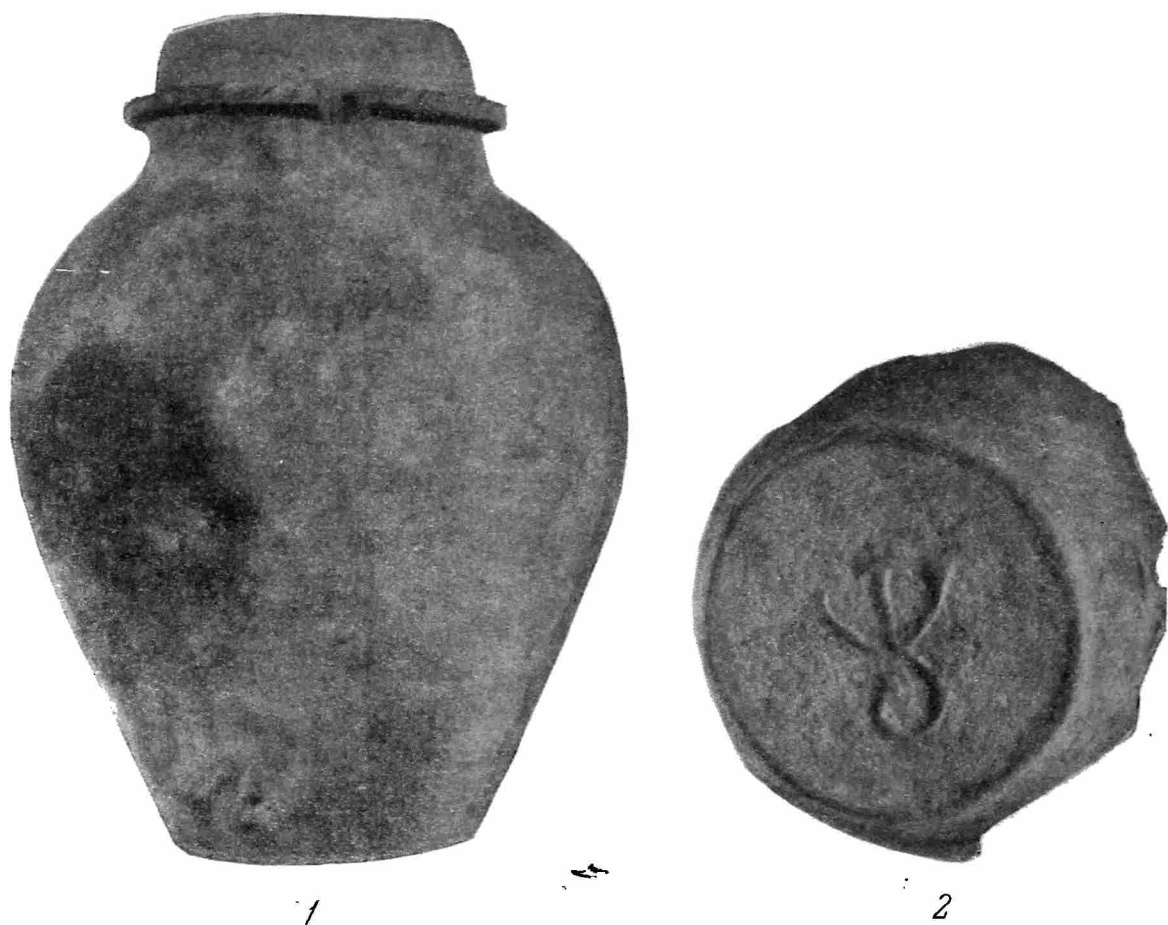

Рис. 11. Гончарные изделия из Колодяжина

1 — сосуд; 2 — днище сосуда с клеймом

Развитым видом ремесла была и обработка кости. Раскопками открыты в значительном количестве костяные наконечники стрел, пуговицы, рукоятки ножей, гребни, украшения конской сбруи и другие предметы. Вскрыта мастерская ремесленника-костереза, где, кроме готовых изделий, обнаружено значительное количество заготовленного сырья: рога лося, оленя и дикой козы.

В Колодяжине была развита также выделка предметов из стекла. В детинце вскрыта мастерская стеклодела, в которой сохранились сотни целых и фрагментированных стеклянных браслетов и куски сплавившейся на огне стеклянной массы.

Кроме того, многие отрасли ремесленного производства были сосредоточены на посаде городка, о чем свидетельствуют горны для обжига керамической посуды, мастерские по обработке камня, в частности по изготовлению жерновов, и кузнечные мастерские.

Раскопками посада раскрыто 16 жилищ-полуземлянок. Все они четырехугольной формы, средней площадью в 10—10,3 кв. м. Печи в землянках глинобитные, построенные на деревянном каркасе, от которого внутри свода

сохранились каннелюры. Печи располагались в углу жилища, возле некоторых находились предпечные ямы. По углам землянок имелись углубления от столбов, державших верхние перекрытия. Такие же углубления были и у стен жилища, где располагались полати. Почти в каждой полуземлянке было по одной или по две зерновых ямы, выкопанных в лёссе.

Инвентарь жилища посада по сравнению с жилищами детинца значительно беднее. Здесь, главным образом, керамическая посуда, украшения (стеклянные браслеты, бусы и медные височные кольца) и мелкий сельскохозяйственный инвентарь: косы, серпы, заступы, жернова. Зерновые культуры — рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, горох — найдены в обгорелом состоянии. В отдельных жилищах посада оказались скелеты их обитателей, что указывает на гибель посада одновременно с детинцем.

По некоторым признакам Колодяжинское городище напоминает известное Райковецкое городище. Здесь так же, как и в Райках, весь жилищный и фортификационный комплекс был конструктивно связан и строился одновременно.

Колодяжин представляет собой, очевидно, феодальный замок, построенный по определенному плану для обороны феодальных владений в междоусобной борьбе и от нападений кочевников. Замок был и средством феодальной эксплуатации окружающего населения и административно-хозяйственным центром, где сосредоточивались земледелие, ремесло и торговля. Имущая часть населения детинца, ведущая крупное вотчинное хозяйство, эксплуатировала зависимые слои населения, проживавшие за стенами замка.

А. Л. МОНГАИТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОЙ РЯЗАНИ

1. В археологических комплексах Старо-Рязанского городища и его ближайших окрестностей отразилась история древнего населения среднего течения Оки. В VII в. до н. э.—V в. н. э. здесь распространены городецкие городища, принадлежащие населению, оставившему рязанские могильники, т. е. предкам мордвы (рогожная керамика на Старо-Рязанском городище, Троице-Пеленицкое и Шатрищенское городища). Исчезновение городецких городищ связано с изменением хозяйственных форм, а не со сменой населения, могильники которого остаются здесь до VIII—X вв. (Шатрищенский могильник). Южная граница распространения этого населения идет не дальше верховьев Дона; здесь в VII—VIII вв. иное, кочевнического облика поселение (Арцыбашево).

Элементы проникновения славянской культуры имеются на поздних городецких городищах (керамика типа Огубской, Мощинской, Шанькова и Почепок — в Троице-Пеленицком и Шатрищенском городищах) и в могильниках (керамика, обряд трупосожжения). Но исчезновение древнего местного населения относится только к X в., когда процесс вытеснения и ассимиляции зашел так далеко, что мы встречаемся уже только со славянским племенем вятичей.

2. Вятичи, колонизовавшие среднее течение Оки (керамика, фибулы, подвески типа Моудино, Шаньково, Почепок), пришли с верховьев Оки, в более позднее время — с верховьев Дона. Лепная керамика роменско-боршевского типа найдена в Старой Рязани в незначительном количестве не в древнем слое, а в случайных находках. Зато часто встречаются переходные формы от боршевской к более поздней славянской круговой керамике. Если слой IX в., вследствие разрушения северного мыса городища, очень фрагментарен, то несомненный славянский слой Старой Рязани датируется X в. Возможно, что в это время она уже превращается в город.

В начале XI в. Старая Рязань является большим ремесленным и торговым городом. Наивысшего расцвета она достигает в XII в., когда становится первым по значению городом Муромско-Рязанской земли. Уровень культурного и социального развития Старой Рязани не согласуется с представлением о «вятичской отсталости». В этот период уже нельзя говорить о преимущественно вятичском составе населения. Находки украшений, считающихся племенным признаком вятичей XII—XIV вв., скорее указывают на Старую Рязань как на один из центров производства этих вещей, чем на племенной центр.

3. Топография Старой Рязани в результате исследований последних лет выяснена подробно. Отделенное внутренним валом северное городище в

XI в. вероятно еще было местом, где находился княжеский дворец, и играло роль кремля, но уже в конце XI — начале XII в. город вырос далеко за пределы северного городища и посад был обнесен валом. Изменилась и социальная топография: северное городище начало заселяться ремесленниками и стало основным ремесленным районом города. Наиболее богатые дома и храмы строились на южном городище; оно менее заселено, но дома XII—XIII вв. разбросаны по всей территории и даже вплотную примыкают к валу. Особенно населенными были набережные и участки, прилегающие к дорогам. Древние дороги на Пронск и на княжеское село Исады шли приблизительно так же, как они идут сейчас. В город вели ворота: Старые Пронские и Исадские. В XII в. Старая Рязань являлась крупнейшим русским городом, и население ее могло исчисляться в 15—20 тыс. человек.

4. Выявлено пять строительных периодов в насыпке валов, наверху которых были городня и тын. Деревянные оборонительные сооружения разрушены в 1237 г.

5. В Старой Рязани найдено два типа жилищ — наземные дома и полуземлянки. Граница между бревенчатым наземным жилищем и полуземлянкой в XI—XII вв. проходила там же, где впоследствии между северовеликорусским и южновеликорусским жилищем (район Рязани — Суздаля).

6. Старорязанское зодчество было связано с зодчеством Чернигова, Смоленска и Владимира.

7. Археологические находки позволяют подробно изучить быт населения, одежду, украшения, пищу, состав старорязанского стада. Изучено местное земледелие, сельскохозяйственные занятия горожан. Установлено широкое распространение грамотности среди населения — надписи на вещах, книжные заставки в рядовых жилищах.

8. Изучена по археологическим данным торговля. Найдены привозные вещи из Болгар, Византии, Херсонеса, Киева и Чернигова. Товарные пломбы свидетельствуют о торговле с Западом, находки диргемов и гирек — о торговле с Востоком.

9. Старая Рязань — один из важнейших ремесленных центров. Здесь развита обработка металлов — раскопаны металлургические горны и кузницы. Керамика отличается богатством типов, позволяющих проследить эволюцию керамических форм и орнаментов. Оригинальны поливные изделия. Найдены гончарные горны двух типов. Ювелирные изделия характеризуются тонкостью работы. Рязанские клады содержат в основном изделия местных мастеров. Прикладное искусство Старой Рязани занимало видное место в истории древнерусского ремесла и искусства.

10. Старая Рязань, лучше чем другие города древней Руси, позволяет воссоздать общую картину топографии и истории города, так как вся территория ее открыта для раскопок. В результате археологических исследований получены огромные материалы по истории древнерусской культуры и ремесла и с несомненностью установлено, что Старая Рязань была одним из важнейших культурных и ремесленных центров древней Руси, роль которого в истории нашей Родины преуменьшалась лишь вследствие утраты рязанских летописей.

Б. А. РЫБАКОВ

ВЩИЖ — УДЕЛЬНЫЙ ГОРОД XII века

1. Одна из очередных задач археологического изучения древней Руси — это исследование городов, упоминаемых летописью, выяснение их происхождения и дальнейшего развития. Небольшие городки с незначительной позднейшей застройкой XVI—XX вв. позволяют полнее изучить ранние этапы истории города. Таким городком и является летописный ВЪСЧИЖЪ, расположенный на высоком правом берегу Десны в 50 км выше Брянска и упоминаемый в исторической литературе уже со времени Н. М. Карамзина.

2. Систематические разведывательные и широкие раскопочные работы производились на Вщижском городище в 1940, 1948, 1949 гг. Задача первых двух лет работы состояла в выяснении стратиграфии и нащупывании наиболее интересной площади для широких раскопок, осуществленных в 1949 г. Всего за 3 года вскрыто 0,2 га и полностью раскопано городище на Благовещенской горе, примыкающее ко Вщижскому.

Разведывательные работы велись путем зачистки осыпавшегося берега и путем раскопок по 100 м². Раскопки широкой площадью (600 м²) велись с оставлением продольных и поперечных перемычек, разбиравшихся с особой тщательностью. Часть камеральных работ по систематизации вещевого материала производилась на месте. При фиксации послойного разбора применялись серии последовательных аксонометрических чертежей, позволяющих сочетать профиль и план раскопа.

3. Поселению на Вщижском городище предшествовало освоение соседнего мыса — Благовещенской горы (в 50 м от Вщижского городища). Древнейшие вещи здесь относятся к эпохе среднеднепровской культуры бронзового века, курганное кладбище которой находится на другом берегу Десны, против Вщижа.

В юхновскую эпоху на мысу Благовещенской горы вдоль внутреннего изгиба вала был построен подковообразный деревянный дом общей длиной около 60 м, без печей или очагов. Дом разделялся на два крыла; вход находился посередине. Около дома обнаружены следы больших, вертикально врытых столбов, поставленных тоже полукругом; у подножья столбов обнаружены целые сосуды баночной формы и один сосуд, с узким изогнутым горлом, украшенный изображением медведя. На краю городища найдены следы мощного кострища с рогатыми кирпичами близ него.

Основные находки — тонкая питьевая посуда юхновских типов и ножи; есть глиняные литейные формы. Отсутствуют грузила и пряслица. Благовещенское городище следует признать святилищем с деревянными идолами и огромным домом для собраний. Удаленность святилища от жилых городищ той же эпохи и расположение его на краю очень большого незаселен-

ного тогда лесного массива может говорить об общеплеменном значении святилища для населения брянской луки Десны и Судости.

4. В IX—X вв. происходит заселение Вщижского мыса, отделенного от Благовещенской горы только ручьем. Возможно, что это заселение связано с приходом нового населения, а так как святилище перестало существовать, то на его территории также возникли полуземляночные жилища роменского типа с характерной керамикой. Сложился большой поселок, раскинувшийся по берегам Десны и ручья. На самом мысу находилось жилище с большим количеством амулетов-оберегов (просверленные клыки, позвонки, камни с крестовидными знаками и др.).

Вщижская керамика роменского типа, резко отличаясь от более ранней южновской, непосредственно эволюционирует в «славянскую» керамику XI в.

5. В XI—начале XII вв. Вщиж представлял собою небольшую крепость с посадом за ее стенами. Стены выстроены из небольших деревянных городен 1×3 м.

Состав населения был двойственным: с одной стороны, встречаются вещи, совершенно аналогичные деревенским вещам X—XI вв. из окрестных радимических курганов, а с другой стороны—много находок дружинного характера: меч, костяные части седла с орнаментом X—XI вв., посеребрённая железная пряжка с золотым изображением оленя и другие вещи. Керамика этого времени уже достаточно разнообразна по своим формам и вся сделана на ручном кругу. По всей вероятности, Вщиж в XI—начале XII вв. входил в состав княжеского домена черниговских князей Святославичей и затем Ольговичей, державших здесь укрепленный «двор» и посадника с дружиной. Такими княжескими городками в этих местах, кроме Вщижа, были Карачев, Дебрянск, Трубеч, Воротынский, Ормина и др.

6. В середине XII в., судя по археологическим данным, во Вщиже происходят крупные изменения и перестройки, связанные с превращением его в удельный княжеский город.

Стратиграфия городища, особенно хорошо прослеживаемая у обрывистого края, дает ряд четко разграниченных слоев, условно приуроченных к столетиям: а) Слой XI в. завершается линией древней нивелировки, когда ряд старых строений был снесен и площадь была выровнена. б) Слой XII в. хотя и с небольшим количеством находок и, очевидно, недолговечный, резко отличается от предшествующего сравнительным богатством сооружений и вещей и завершается прослойкой мощного пожара, наиболее интенсивного на краю города у крепостных стен. в) Слой XIII в. дает несравненно большее количество вещей такого же качества, как и предыдущий,—очевидно длительность бытования сооружений этого слоя большая, чем предшествующего. Уровень культуры повышался. Слой этот также завершается пожарной прослойкой, хорошо датируемой вещами 1230—1240 гг.

7. Сопоставление археологических данных с летописными сведениями о Вщиже позволяет уточнить дату каждого из слоев и исторически истолковать их. В 1142 г. Вщиж переходит от Всеволода Ольговича во владение Владимира Давыдовича, вскоре выделившего Вщиж в удел своему сыну Святославу. В 1160 г. Святослав Вщижский был осажден войсками восьми князей, которые после пятидневной безуспешной осады ушли, заключив с ним мир. Уточненные даты слоев должны выглядеть так: а) слой XI в.—до 1142 г.; б) слой 1142—1160 гг.; в) слой 1160—1238 гг.

Последняя дата указана предположительно, так как есть косвенные соображения в пользу того, что Вщиж razoren Батием на пути из окрестностей Смоленска к Козельску.

8. В середине XII в. при князьях Владимире Давыдовиче Черниговском и Святославе Владимировиче Вщижском в городке произошли следующие изменения: старые стены были сломаны, ров с «приступа» засыпан, и границы детинца раздвинуты. Обширный посад укреплен мощными двойными

валами и глубоким рвом. В детинце поставлены новые, более мощные стены с дубовыми городнями 3×5 м и шестиугольными (?) башнями. В середине детинца расчищена площадь, на которой поставлена большая 8- или 12-угольная башня-донжон (?). Вокруг башни, очевидно, находились конюези. Укрепления были оснащены «самострелами коловоротными»; зубчатая шестерня такого арбалета найдена в 1940 г.

9. Дома середины XII в. сохранились лучше, чем в других слоях. Уяснению конструкции их помогли этнографические работы экспедиции. Срубный дом ставился «на стульях» и обычно состоял из двух камер. Печи складывались на срубе посреди избы. Во Вщиже впервые для древнерусских городских жилищ удалось обнаружить кирпичные дымоходы XII в., сложенные из специального кирпича на глиняном растворе и возвышавшиеся метра на три над печью; при гибели жилища дымоход образовывал широкую полосу развала длиной до 7 м.

Жилища детинца резко делятся на две категории:

1. Небольшие узкие избы, крытые соломой, с бедным инвентарем; они поставлены почти вплотную одна к другой.

2. В юго-западном углу детинца открыт дом, состоящий в плане из трех помещений и имевший два этажа. Дом был покрыт деревом, а его срединная часть медными листами (терем). В нижнем этаже была поварня (с печью, имевшей дымоход) и другое отапливаемое помещение. Во втором этаже только одна печь, рухнувшая после пожара и представленная бесформенным развалом. Найденный здесь инвентарь отличается богатством: стеклянная посуда, бронзовое паникадило, железная личина от шлема с серебром и позолотой. Очевидно, перед нами избы челяди и богатый боярский дом.

10. Инвентарь княжеского Вщижа крайне разнообразен: топоры, кирки, дслота, зубила, тесла, ключи, замки, дверные пробой, печные вьюшки, медные клепаные котлы, штамп для котлов, черпаки, сковороды, тигли, стремена, удила, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, бусы, пряжки, гребни, кинжал, жернова с порхлицей и веретеном, горшки, миски, черпала, кувшины, чаши, рукомойники, корчаги и т. д. Из всех производств обильнее всего представлено гончарное. На посаде раскопан горн с посудой, принадлежавший двум мастерам. На городище обнаружено свыше сотни различных гончарных клейм; многие из них представлены несколькими экземплярами. Такие тождественные клейма являются хорошим датирующим материалом. Одновременно во Вщиже работало около 15—20 гончаров.

11. На посаде в середине XII в. была выстроена кирпичная церковь, рухнувшая, по всей вероятности, в 1238 г. В ней находились бронзовые арки (может быть, от алтарной преграды) работы мастера Константина и другая утварь. Архитектура церкви уточняется на основе раскопок: вокруг основного трехнефного здания шла пристроенная позднее открытая галерея. Следы двенадцати опорных столбов сохранялись в развалинах вщижской церкви еще в XIX в.

12. Археологические раскопки во Вщиже раскрывают интересную историю развития одного из русских летописных городов от племенного святилища к маленькому городку в системе княжеской вотчины, от городка — к удельному городу с разнообразной застройкой, мощными укреплениями, развитым ремеслом. Затерянный в Брянском Полесье Вщиж XII—XIII вв.— яркий показатель высокого общего уровня русской культуры, проявлявшейся в самых различных областях быта и искусства. Татарское нашествие оборвало жизнь цветущего города и разрушило его культуру.

М. Г. РАБИНОВИЧ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
МОСКВЫ

1. Археологическое изучение Москвы насчитывает уже более 125 лет. Археологический материал занял почетное место среди источников по истории Москвы. При этом с самого начала широко использовались материалы, относящиеся к сравнительно поздним периодам (XVI—XVIII вв.), в то время как в других областях истории археология привлекалась только для ранних эпох.

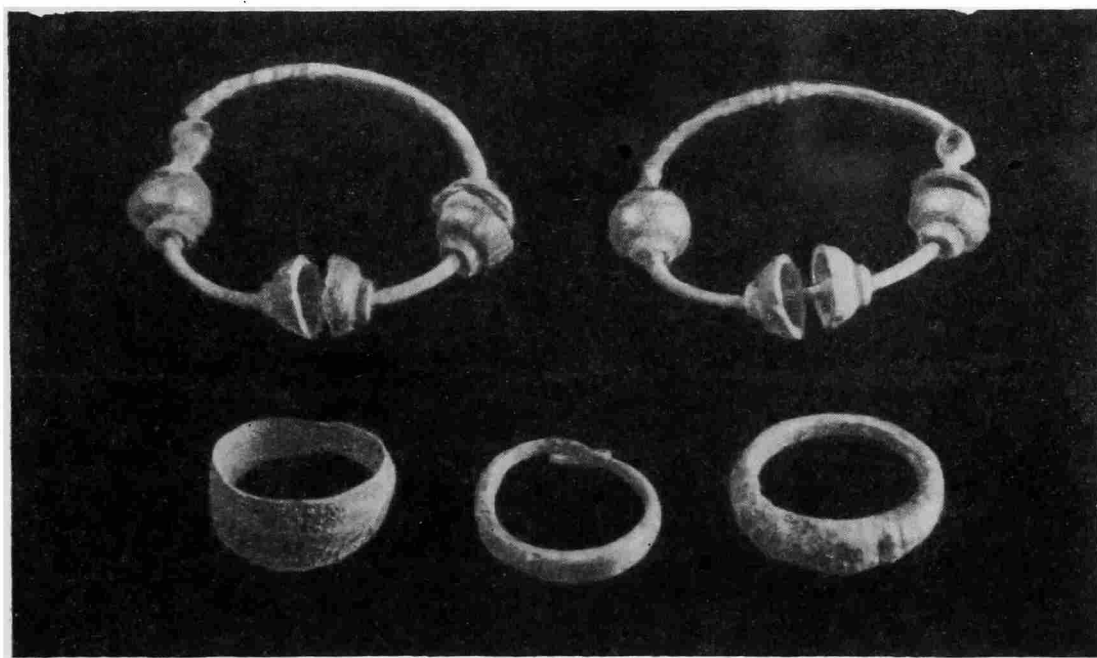

Рис. 12. Вещи из курганов XIII—XIV вв. у ст. Яуза

1 — височные кольца; 2 — перстни

Изучение археологии Москвы развивалось в основном по следующим направлениям:

- 1) разведки археологических памятников Москвы и Подмосковья;
- 2) изучение уже имеющихся музейных коллекций, древних планов, чертежей и документов, касающихся быта города;
- 3) раскопки подмосковных городищ, селищ, стоянок, курганов;

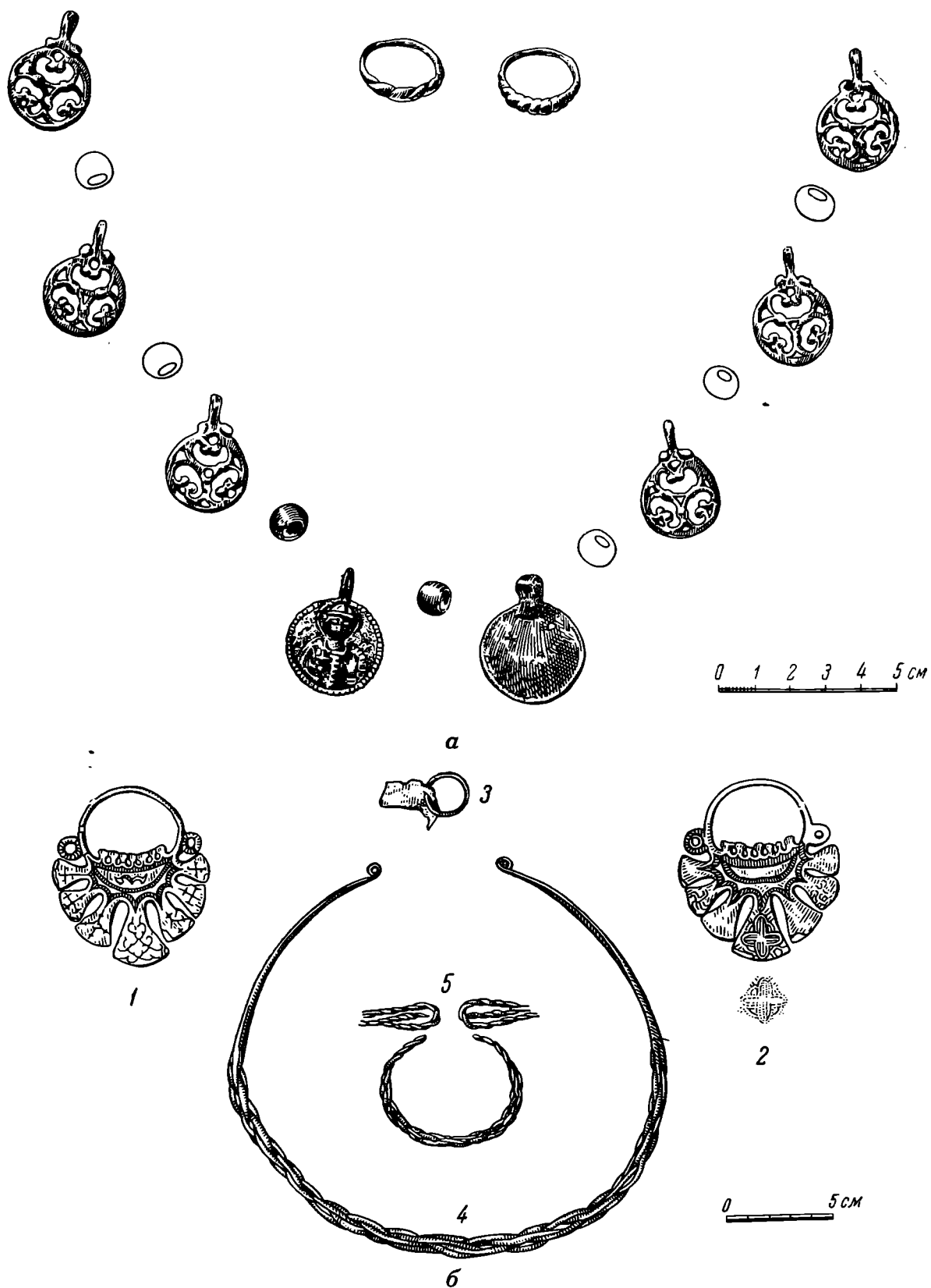

Рис. 13. Вещи из курганов XIII—XIV вв.

а — у ст. Яуза: ожерелье и перстни; б — у дер. Зюзяно: 1—2 — височные кольца; 3 — колечко; 4 — гривна; 5 — браслет

- 4) археологические наблюдения за земляными работами в Москве;
- 5) стационарные раскопки в Москве.

Наиболее важные сведения получены в итоге раскопок в самом городе, которые начаты лишь недавно (в 1946 г.) и в дальнейшем должны быть расширены.

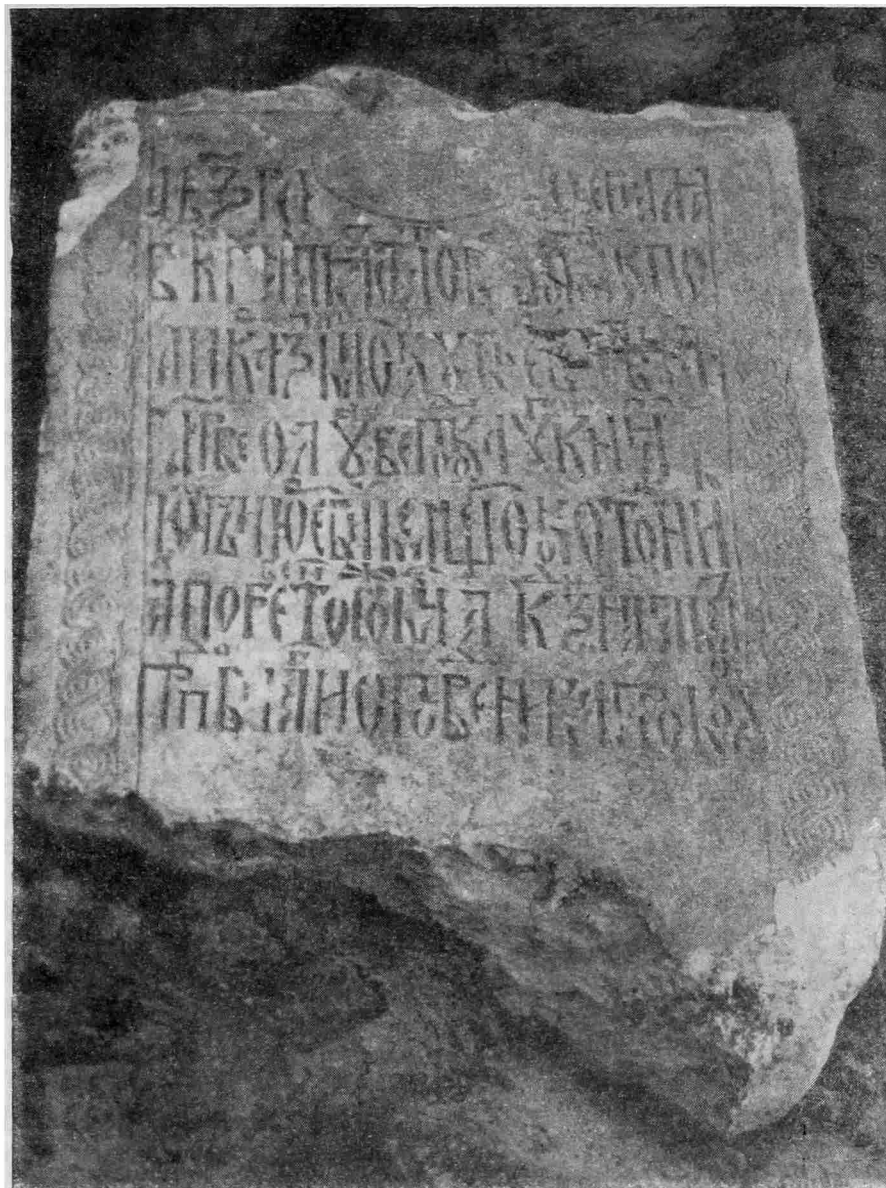

Рис. 14а. Надгробие 1607 г. из Георгиевского монастыря

Текст из надписи: „убиен на государеве службе под Колугою Князь Юрьи Юрьевич Мещерской, столник...“

2. Археологические разведки и раскопки в Подмоскowie начаты еще в 20—30-х годах XIX в. (работы Ходаковского и Черткова). С тех пор они ведутся почти непрерывно (наиболее полные сводки опубликованы в 1947 г. О. Н. Бадером и А. В. Арциховским). В результате в Москве и ее окрестностях выявлено и учтено до 300 археологических памятников. Раскопки ряда стоянок, городищ и могильников заполнили важный пробел в изучении древнейшей истории края. Особенно важны многолетние систематические исследования подмосковных курганов, в результате которых установлена генетическая связь ранних вятичских погребений с раннеславян-

скими памятниками боршевского типа и получены ценные материалы о населении Московского края в период возникновения и развития города.

3. Проводимые в последние годы (1946—1950 гг.) раскопки курганов, находящихся на территории Большой Москвы (группы Яуза, Мякинино, Зюзино и др.), дали оригинальный материал (рис. 12, 13 — а, б), позволяющий развить и подробнее обосновать высказывавшиеся ранее предположения о влиянии растущего города Москвы на окрестное сельское население. В инвентаре ближайших к городу курганов уже в XIII в. племенные особенности наряда вятичей выражены менее ярко; а иногда вовсе отсутствуют, зато встречаются вещи, сделанные городскими ремесленниками.

Рис. 146. Платье XVIII в. из Георгиевского монастыря

Эта проблема взаимоотношений города Москвы с окрестными селами в XII—XIV вв. чрезвычайно важна для освещения ранней истории столицы.

4. Для ранней истории Москвы интересны материалы исследований городов Московского княжества — Звенигорода, Рузы, Вереи, Тушкова, где изучены городские укрепления, получены данные о границах детинца и посада. Интересно, что эти городки зачастую строились на месте более древних славянских поселений. Пример такого перерождения вятичского поселка в пограничную крепость представляет Тушков городок, где открыт культурный слой X—XIII вв. с типичными для вятичей вещами, перекрытый мощным валом крепости, построенной в конце XIV в. Дмитрием Донским на тогдашней литовской границе.

5. Планомерный археологический надзор за земляными работами в Москве начался лишь после Великой Октябрьской революции. Он велся на всех крупных стройках сталинских пятилеток. Наиболее значительны результаты археологических наблюдений на строительстве первой очереди Московского метрополитена.

Массовые наблюдения за земляными работами по реконструкции Москвы в послевоенные годы (наблюдения велись более чем в 75 пунктах) значительно дополнили сведения о культурном слое города и помогли уточнить социальную топографию Москвы. Характерен эпиграфический материал (строительная надпись Рязанского подворья, надгробье кольчужного мастера и погребальный комплекс Георгиевского монастыря, бывшего усыпальницей наиболее родовитых московских фамилий) (рис. 14а, 14б).

6. Московские ремесла, культура и быт Москвы, изучавшиеся еще И. Е. Забелиным в основном по коллекциям наших хранилищ и по письменным источникам, в настоящее время могут быть обрисованы гораздо полнее по материалам археологического надзора, позволяющим изучить быт широких слоев населения, а не только высших его кругов. Но наиболее ценные сведения о городе и его населении получены при специальных археологических раскопках в Москве, ведущихся с 1946 г. (рис. 16).

7. Раскопки ИИМК АН СССР, Музея истории и реконструкции Москвы и ГИМ в устье р. Яузы вскрыли важный ремесленный район Москвы — Гончарную слободу (XV—XVII вв.). Изучен не только богатый ассортимент продукции московских гончаров, но и восстановлен во всех деталях процесс керамического производства, стоявшего на высоком уровне. Гончарная мастерская XVII в. являлась уже мануфактурой, в которой работало 7—10 мастеров.

8. Еще более разнообразные, хотя и менее полные данные о московских ремеслах получены при раскопках 1949—1950 гг. в районе Зарядья. Здесь вскрыт ремесленный посад, существовавший по крайней мере с XI—XII в. На посаде найдены остатки производств металлургического, литейно-ювелирного, кожевенно-сапожного, костерезного (например, костяная печать, изображенная на рис. 15). Ремесленники Москвы, по всей вероятности, еще в древности обслуживали не только город, но и окрестные села, а впоследствии их продукция шла и за рубеж.

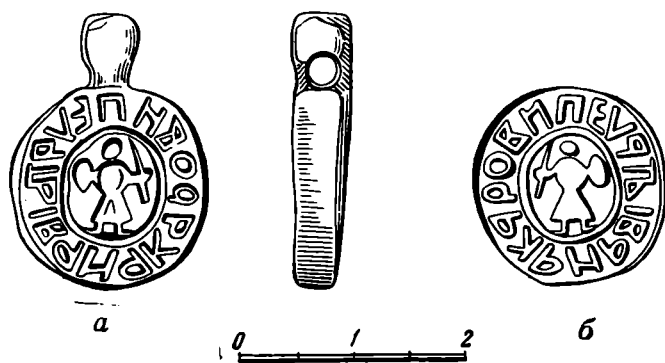

Рис. 15. а — печать Ивана Каровы (XV в.), Зарядье;
б — оттиск печати

Таким образом, высокоразвитые ремесла Москвы XV—XVII вв. имели древние традиции.

9. Большой интерес представляют вскрытые при раскопках в Москве усадьбы, принадлежавшие представителям различных классов населения. Тип жилища в Москве северно-великорусский, бревенчатый сруб на высоком подклете или с завалинкой. Планировка усадьбы была различной у разных социальных групп. Так, барский дом ставился в глубине двора, а на улицу выходили надворные строения; ремесленник же ставил свой дом ближе к улице, а производственные и хозяйственные постройки в глубине двора.

10. Раскопки дали богатый материал и по городскому коммунальному хозяйству. Вскрыты мостовые XV—XVII вв. и целая система дренажных сооружений, осушавших район Зарядья уже в XIV—XV вв. (рис. 17). Для отвода воды широко применялись деревянные трубы, по типу совершенно схожие с более ранними сооружениями этого рода в Новгороде Великом. Уровень городского хозяйства в древней Руси был в XII—XV вв. выше, чем на Западе.

11. Одним из наиболее важных неразрешенных до последнего времени вопросов был вопрос о местонахождении древнейшего поселка, из которого выросла Москва. После раскопок 1946—1950 гг. этот вопрос решается следующим образом: Москва-город возникла на устье Неглинной, где к XII в. был уже не только княжеский замок, но и значительный торгово-ремесленный посад, спускавшийся с Боровицкого холма к Москве-реке и шедший узкой полосой по ее берегу на значительной части территории современного Китай-города (до Псковского переулка). Вокруг городка было множество

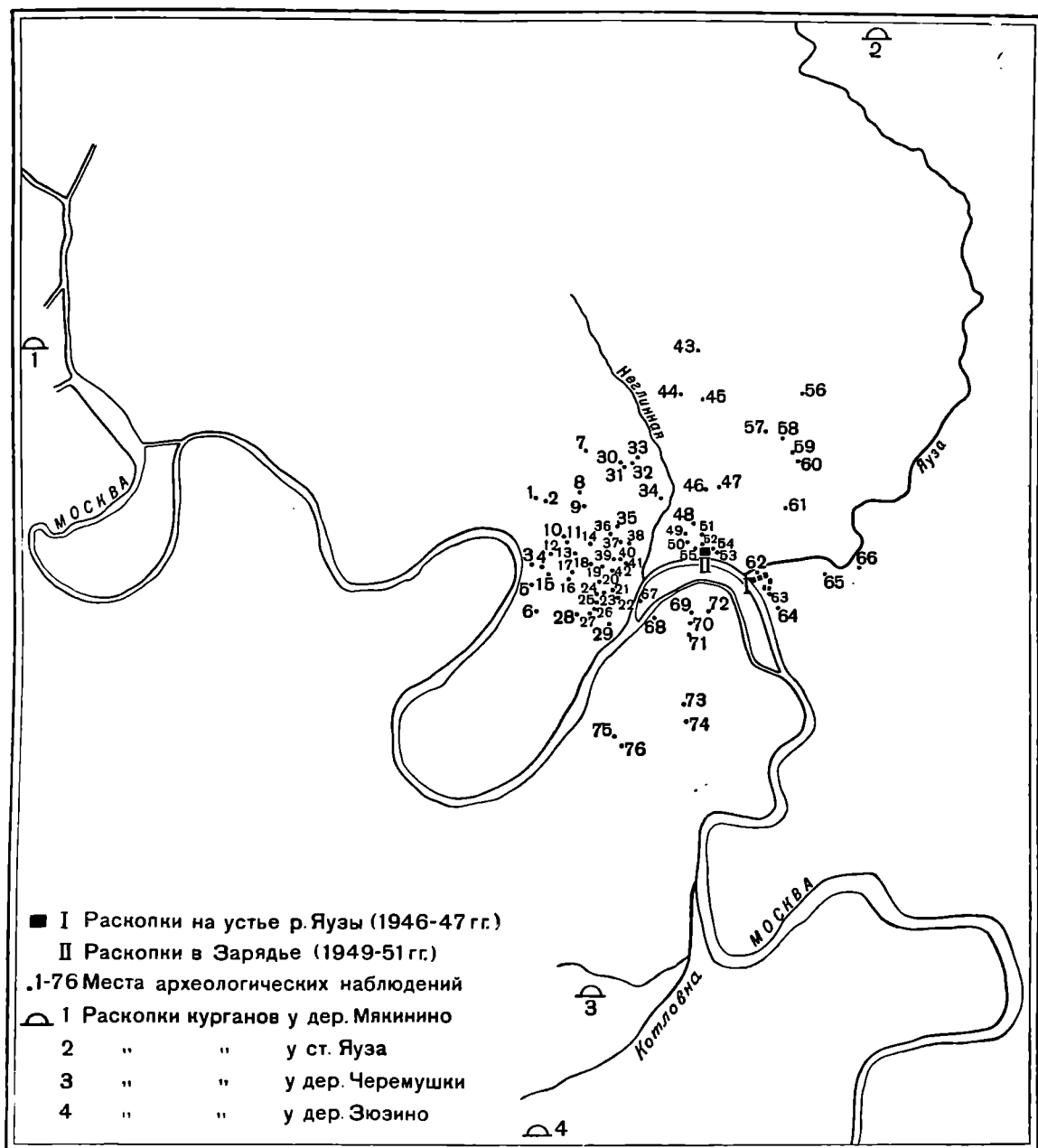

Рис. 16. Схематический план археологических работ в Москве в 1946—1950 гг., ведущихся ИИМК совместно с Музеем истории и реконструкции Москвы

Пункты наблюдений

1. Б. Конюшковский пер.	19. Гоголевский бульвар	39.} Б. Знаменский пер.	59.} Садовая Черногряв-
2. Площадь Восстания	20. Ул. Фурманова	40.}	ская
3. Николощеповский пер.	21. Кропоткина площадь	41. Маркса и Энгельса	61. Подсосенский пер.
4. Смоленская площадь	22. Соимоновский пр. у	ул.	62. Б. Подгорский пер.
5. Смоленская ул.	Дворца Светов	42. Б. Знаменский пер.	63. Володарского ул.
6. 1-й Неопалимовский	23. Кропоткина ул.	43. Самарский пер.	64. Спасокарасовский
пер.	24. Чертельский пер.	44. Троицкий 1-й пер.	пер.
7. Большая Садовая ул.	25. Лопухинский пер.	45. Троицкий 2-й пер.	65. Ульяновская ул.
8. Щусева ул.	26. Бзрыковский пер.	46. Фуркасовский пер.	66. Андартневский проезд
9. Качалова ул.	27. Полуэктов пер.	47. Мархлевского ул.	67. Берсеневская набере-
10. Кречетниковский пер.	28. Кропоткина ул., угол	48. Куйбышева пер.	жная
11. Собачья площадка	Мавсуровского пер.	49. Красная площадь	68. Якиманга
12. Редиков пер.	29. Коробейников пер.	50. Красная площадь у	69. Б. Ордынка, угол
13. Николопесковский пер.	30. Пушкина площадь у	собора Василия Бла-	Климентовского пер.
14. Калашин пер.	старого места памят-	женного	70.} Рыбный пер.
15. Смоленская площадь	ника Пушкину	51. Рыбный пер.	71.} Б. Ордынка
16. Гагаринский пер.	31. } Пушкина площадь	52. Елецкий пер.	72. Пятницкая ул.
17. Сивцев Вражек пер.,	32. }	53. Кривой пер.	73.} Люсиновская ул.
угол Калашина пер.	33. }	54. Псковский пер.	74.} Выставочный пер.
18. Сивцев Вражек пер.,	34. Георгиевский пер.	55. Зарядьевский пер.	75. Донская ул.
угол Старокожожен-	35. Мал. Кисловский пер.	56. Комсомольская пло-	
ского пер.	36. Калашин пер.	щадь	
	37.} Калинина ул.	57. Садовая Спасская	
	38.}	58. Площадь Лермонтова	

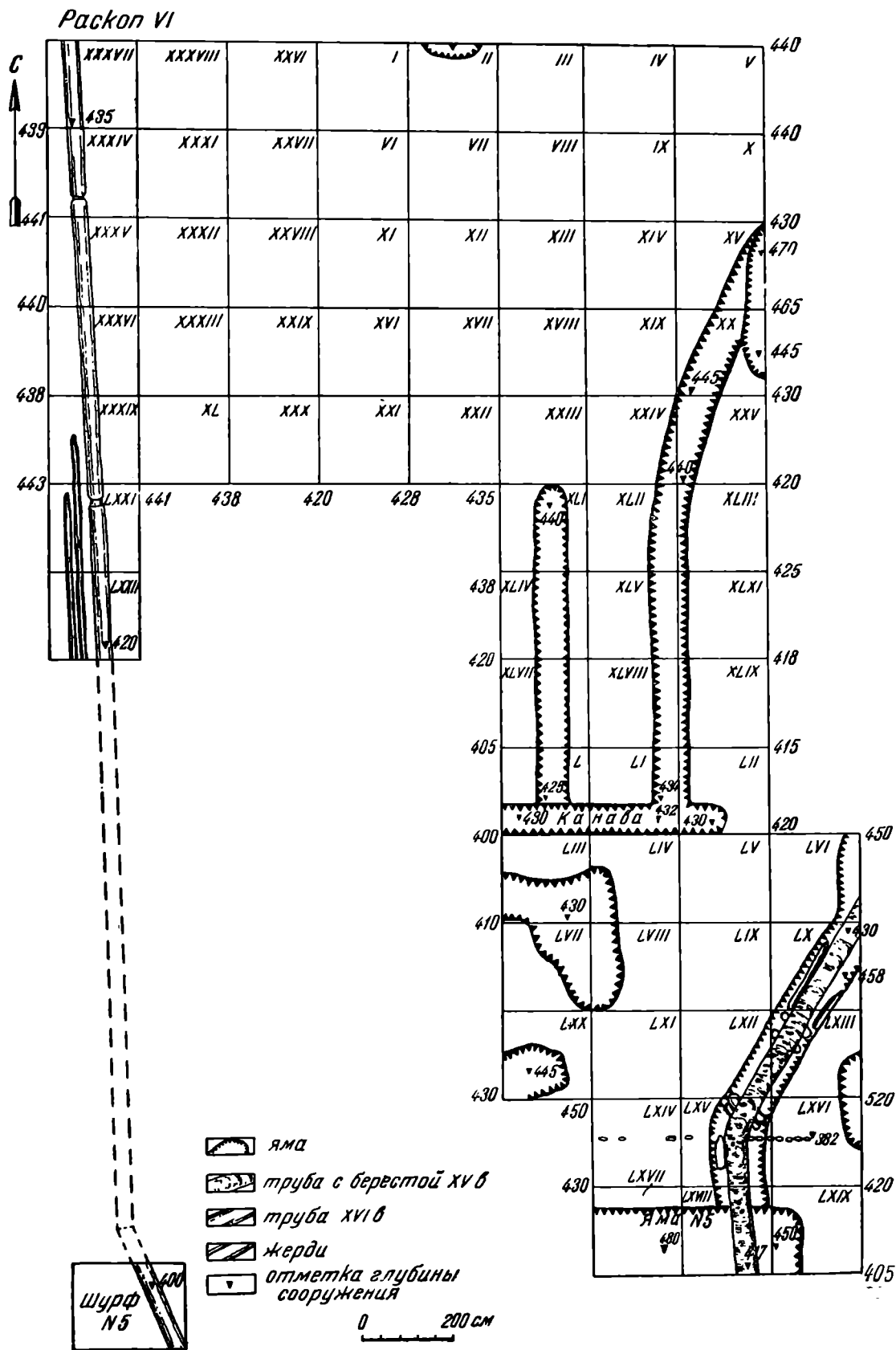

Рис. 17. Система водоотводных сооружений в Зарядье XV—XVI вв.

поселений, одно из которых открыто раскопками и в устье р. Яузы. Район Москвы вовсе не был таким глухим, как его представляли некоторые историки, рисовавшие Москву в начальный период ее существования даже не городом, а только княжеской усадьбой.

12. Сильный посад, на котором еще в домонгольскую эпоху процветали ремесла и торговля, составлял основу экономического могущества Москвы и, в конечном итоге, обеспечил ей победу в борьбе за объединение Руси.

Б. А. КОЛЧИН

МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ РЕМЕСЛО ДРЕВНЕЙ РУСИ

1. Новый этап в изучении славяно-русских древностей начался с выходом книги Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси». Обобщив огромное количество археологического материала и применив остроумные методы исследования, Б. А. Рыбаков дал широкую картину развития древнерусского ремесла.

Дальнейший путь исследования русских древностей должен идти по линии раскрытия в изучаемом предмете современными техническими методами качественных и технологических особенностей. Наступило время перейти от морфологии археологической находки к ее анатомии.

2. При изучении вещественного материала необходимо практиковать современные методы исследования металлов и сплавов, в частности применять металлографический (микроструктурный и макроструктурный), рентгеноструктурный и спектральный анализы.

3. Изделия из черного металла (железо, сталь) в обиходе древнерусских людей имели очень широкое распространение и многообразное применение. В X—XI вв. уже имелось более 145 отдельных видов железных и стальных орудий труда, инструмента, оружия и разной утвари. Изделия из черного металла резко разделялись на качественные и обычные.

4. Весь железный и стальной инвентарь древней Руси был изготовлен местными ремесленниками, жившими в многочисленных городах, посадах и деревнях древней Руси. Городские кузнецы занимались главным образом производством стали и обработкой металла. Металлодобывающее производство оставалось в основном в пределах древнерусской деревни.

5. Оборудование и инструментарий древнерусского кузнечного ремесла (наковальни, молоты, молотки, клещи, зубила, подсечные зубила, разнообразные бородки, обжимки и подкладки, штампы, гвоздильни, напильники) имели развитые и вполне современные формы.

6. Основной технологией в изготовлении качественных орудий труда, инструмента и оружия (как правило, это были изделия с режущими лезвиями) являлось соединение в изделии путем сварки двух материалов — стали для лезвия и железа для основы режущего клинка. Иногда древнерусские кузнецы изготовляли и цельностальные изделия.

7. Для улучшения механических качеств стальных лезвий русские кузнецы применяли разнообразные режимы тонко разработанной технологии термической обработки.

8. Древнерусское оружие и, в частности, мечи ковали у себя на родине русские городские и вотчинные кузнецы-оружейники; в технике производства

и художественных приемах они не уступали ни западным, ни восточным мастерам.

9. Древнерусские кузнецы при обработке железа и стали применяли следующие технологические операции:

а) всевозможные приемы свободной кузнечнойковки (в том числе горячая штамповка и выколотка);

б) сварку железа и стали;

в) термохимическую обработку (цементация железа и стали);

г) термическую обработку стали;

д) холодную резку (зубилом) и опиловку (напильником) железа и стали;

е) полировку железа и стали;

ж) паяние железа и стали;

з) покрытие и инкрустацию цветными и благородными металлами железа и стали.

10. Изучение технологии металлообрабатывающего ремесла древнерусского города и деревни позволяет сделать вывод о широкой производственной дифференциации между городскими и деревенскими кузнецами.

11. Основные качественные изделия (косы, серпы, ножи, ножницы и другие орудия труда, а также и оружие) изготавливали как для города, так и для деревни, городские кузнецы разных специальностей.

12. Деревенские кузнецы-универсалы изготавливали большое количество железного инвентаря (более 40 видов), где не требовалось ни стали, ни сложных технологических приемов.

13. Изучение технологии производства металлообрабатывающего городского ремесла позволяет сделать вывод о широкой специализации городских кузнецов. По нашему подсчету, в XI—XII вв. среди городских ремесленников, занятых обработкой железа и стали, было не менее 16 различных специальностей.

14. Изучение технологии производства качественных изделий позволяет сделать вывод о существовании у городских древнерусских ремесленников по обработке железа и стали институтов ученичества и подмастерьев.

15. С IX в. до середины XIII в. кузнечное ремесло неуклонно шло вперед и развивалось, расширялась номенклатура изделий, более массовой становилась кузнечная продукция, совершенствовалась техника; в городах развивалась специализация.

16. Металлообработка древней Руси в X—XIII вв. предстает перед нами с высокоразвитой технологией механической и тепловой обработки железа и стали, которой виртуозно владели русские специализировавшиеся кузнецы. Творческая мысль русских мастеров во всех областях металлургического и металлообрабатывающего производства не отставала, а в некоторых отраслях значительно опережала развитие техники в странах Западной Европы.

РЕЗОЛЮЦИЯ
ПЛЕНУМА ИИМК АН СССР 8—11 ЯНВАРЯ 1951 г.,
ПОСВЯЩЕННОГО ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Пленум ИИМК АН СССР совместно с представителями Института археологии АН УССР, Института истории АН БССР, Казанского филиала АН СССР, Государственного исторического музея и крупнейших областных музеев РСФСР, УССР и БССР, заслушав и обсудив доклады об археологических исследованиях древнерусских городов, считает, что

1. За послевоенный период советскими археологами проделана большая и плодотворная работа в осуществлении перспективных заданий, намеченных Всесоюзным археологическим совещанием 1945 г.

2. Новые археологические исследования крупнейших городов древней Руси позволяют подойти к постановке сложнейшего вопроса о конкретных путях возникновения древнерусского города и развития его культуры.

3. Следует особо отметить открытие новых памятников монументального зодчества XI—XIII в., изучение жилищного и коммунального строительства, освещение вопросов социальной топографии, получение новых богатейших материалов по древнерусскому ремеслу и прикладному искусству, о распространении грамотности и т. д.

4. Нужно подчеркнуть, что разработка проблемы города все же находится лишь в начальном этапе.

5. Однако совокупность накопленных материалов позволяет уже сейчас ставить и осуществлять задачу создания исторических монографий по ряду древнерусских городов.

6. Теоретическое обобщение полученных материалов требует от археологов неустанного повышения своей идейной вооруженности, углубленного изучения марксистско-ленинской теории, обогащенной ныне гениальными трудами нашего вождя и учителя И. В. Сталина по вопросам языкознания. Эти труды, являющиеся неоценимым вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма, обязывают нас к предельной конкретности и точности как полевого, так и теоретического исследования нашей проблемы и предостерегают нас от беспочвенного социологизма. В свете трудов И. В. Сталина изучение русского города как важнейшего фактора в процессе образования народностей, а затем великорусской, украинской и белорусской наций приобретают особую остроту и актуальность, в связи с чем необходимо обратить больше внимания и на изучение древнерусского города позднейшей поры, XIII—XVII вв.

Пленум выдвигает следующие общие положения и мероприятия для дальнейшей разработки проблемы истории и культуры древнерусского города.

1. На ближайшие годы основными объектами исследований остаются крупнейшие города древней Руси IX—XIII вв., причем необходимо

значительную долю наших усилий перенести на исследование городских посадов. Важнейшее значение для освещения проблемы происхождения городов и процесса их отделения от деревни имеет изучение сельской периферии города с ее поселениями и могильниками, которое также необходимо развернуть с возможной полнотой. Особой темой должно стать изучение древнерусских замков, укрепленных феодальных усадеб.

2. Необходимо начать работу по составлению археологической карты древнерусских городов, осуществляя их систематическую углубленную разведку с задачей установления их возраста и действительного исторического облика. В эту большую работу нужно, в частности, включить местные музеи, организовав соответствующую подготовку их кадров для археологического надзора за строительством в этих городах.

3. Усилить археологическое исследование городов XIII—XV вв. северо-восточной Руси, совершенно недостаточно развернутое до сего времени и оставляющее без археологического освещения важнейший период в истории культуры русского народа.

4. Всемерно совершенствовать и уточнять археологическую методiku исследования древнерусских городов. В этой связи желателен созыв специального совещания, посвященного методике археологического исследования средневековых городов, со специальными докладами, освещающими накопленный в этой области опыт, и с задачей выработки определенных методических норм.

5. Часть исследовательских сил следует обратить на детальное типологическое и хронологическое изучение отдельных ремесел и серий вещей с целью получения новых датирующих признаков, позволяющих более точно членить начальную историю города, а также историю соответствующих ремесел. Следует также всемерно расширять технологическое исследование отдельных ремесел специалистами технологами.

6. Важнейшей задачей археологов на ближайшие годы должно стать создание монографий по важнейшим древнерусским городам, обобщающих труды и исследований по отдельным сторонам истории культуры древней Руси.

7. Важнейшими условиями успешного продолжения и развития археологических исследований древнерусского города являются:

1) обеспечение этих больших работ постоянной и крупной финансовой базой, на что нужно обратить внимание высших органов, и

2) усиленная подготовка новых кадров по славяно-русской археологии, на что следует обратить особое внимание археологических кафедр университетов.

II. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Э. А. РИКМАН

ОБСЛЕДОВАНИЕ ГОРОДОВ ТВЕРСКОГО КНЯЖЕСТВА

В связи с поставленной Всесоюзным археологическим совещанием 1945 г. задачей изучения среднерусских городов XIII—XV вв.— времени борьбы с татарским игом и возрождения русской культуры — была принята подготовительная работа по исследованию городов Тверского княжества. Она заключалась в выявлении письменных и графических материалов и в первичном, рекогносцировочном обследовании этих городов с целью уяснения их расположения, изучения остатков оборонительных сооружений, осмотра обнажений культурного слоя. В ходе работы были обследованы в Калининской области: Ржев, Старица, Белгород (Кимрский район, при впадении в Волгу р. Хотчи), Зубцов, Опоки (близ селения Апоки на 2 км ниже Ржева по Волге), Кашин, Новый городок (Погорелое городище), Скнятин (с. Скнятино Калязинского района), Микулин и Телятьев (с. Микулино городище и дер. Телятьево Лотошинского района), Калязин; в Московской области: Клин и Чернятин (део. Чернятино в 12 км к западу от Клина). Разведка пополнила сведения, имеющиеся в литературе и собранные краеведами, уточнила данные письменных источников и старых планов, что позволило составить предварительную характеристику городов.

Крепости тверских городов являлись опорой независимости княжества в феодальной борьбе XIII—XV вв. Для большинства укреплений использовали по старой традиции выгодные в оборонном отношении участки берегов Волги. Таковы Ржев, крайний западный тверской город, Опоки, Зубцов, Родня, Тверь, Старица, Вертязин, Белгород, Скнятин, Калязин, крайний восточный город, и другие памятники многовековой борьбы Тверского княжества, преимущественно с его северным соседом Новгородом. Эти города защищали водную и параллельную ей древнюю (известную с XI—XII вв.) сухопутную дорогу. Крепости других тверских городов (Холм, Дорогобуж, Новый городок, Клин, Чернятин, Микулин), расположенные на южных притоках Волги, выдвинутые к границам с Московским княжеством, были созданы после того, как началась борьба Твери с Москвой (1304). Нельзя не выделить своеобразные по планировке Коснятин, Кашин, Клин и Новый городок. Большое внимание «горододельцев» и княжеской власти к выбору места для новых городов подчеркнуто в знаменитом литературном памятнике древней Твери «Слове похвальном» инока Фомы, где описывается, в частности, как кн. Борис Александрович «иначе смотрити места... яко же граду приходно быть», как к выбору места для крепости князь привлек «совет всех людей» и «дал ему бот место таково, но никем

же не копано, не сыпано, но спроста реку, но богом сделано, и яко же бы искони пригодно граду быти»¹.

В Ржеве, который известен с 1150 г.², крепость находилась на мысу в устье р. Халынки на высоком левом берегу Волги. Мыс перерезан рвом глубиной в 9 м. Признаков вала не сохранилось, но есть сведения, что в 1832 г. при постройке соборной колокольни, расположенной на окраине крепости, были найдены остатки крепостных сооружений³.

«Градок той,— писал инок Фома о Ржеве,— мал, но тверд... приправы градские на нем велми много»⁴. В 1446 г. хорошо оснащенное тверское войско во главе с великим князем Борисом осаждало крепость целых три недели⁵. «С града же биаху овни пушками, а иным пращами, в друзие камене метаху, а овни стрелами якоже дождем пущаху...». Чтобы взять крепость, применили мощную тверскую артиллерию и туры, отвели от крепости воду⁶.

Посад Ржева, упомянутый впервые в 1376 г.⁷, в XV в. лежал подле крепости, повидимому, уже на обоих берегах р. Волги; в течение долгого времени часть Ржева на левом берегу Волги носила имя «князя Федоровской», а на правом — «князя Дмитровской» стороны. Эти наименования восходят к 1494 г.⁸ Культурный слой на территории посада пока не обнаружен.

Небольшое городище Опоки (рис. 18), площадью 14 700 м², расположено на мысу, ограниченном с ЮЗ и Э оврагом глубиной до 24 м, примыкающим под острым углом к берегу Волги, являющейся южной границей городища. Плато крепости значительно возвышается над уровнем воды. Берег Волги и склон оврага очень трудны для подъема. Вал и ров восточной стороны замыкают крепостную территорию. В валу были найдены «серебряные копейки и медные пулы»⁹. Медные пулы, появляющиеся в первой четверти XV в., исчезают из обращения в первой половине XVI в.¹⁰ Под 1403 г. летопись сообщает о том, что «заложен бысть городок на Опоках великим князем Иваном Михайловичем Тферским; того же лета и срублен бысть»¹¹. находка пул и известие 1403 г. точно определяют дату постройки крепости. Сильно разрушенный вал, насыпанный из глины с вкраплением обломков известняка, и ров достигают все же в некоторых местах 5 м высоты и 4 м глубины. В валу имелись проездные ворота, их следы отметил Н. Е. Макаренко¹².

На территории крепости имеется культурный слой толщиной свыше 0,6 м, с керамикой XIV—XV вв.¹³

Можно думать, что Опоки — ныне дер. Апоки, а в начале XVII в. городок, и в XV в. был ремесленно-торговым посадским поселением. В 1504 г. Опоки упоминается как административный центр группы земель и владений наравне с такими городами, как Ржев и Старица¹⁴. На терри-

¹ Н. Лихачев. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, лл. 254, 254б.

² ДАИ, т. I, стр. 5—6.

³ Н. Ф. Тюменев. От Ржева до Углича. Исторический вестник, 1896, стр. 698.

⁴ Н. Лихачев. Указ. соч., л. 300.

⁵ ПСРЛ, XV, 493.

⁶ Н. Лихачев. Указ. соч., лл. 303, 309.

⁷ ПСРЛ, XI, 25; XVIII, 117.

⁸ В. Покровский, Д. Рихтер. Статистическое описание Ржевского уезда, Тверь, 1885, стр. 151.

⁹ Сахаров. Летопись русской нумизматики. СПб., 1842, стр. 18.

¹⁰ Г. Б. Федоров. Русские монеты удельного периода (диссертация), т. II, стр. 567.

¹¹ ПСРЛ, XI, 188.

¹² Н. Е. Макаренко. Поездка по верхнему течению р. Волги, ИАК, 6. СПб., 1904, стр. 80—81.

¹³ По шкале М. Г. Рабиновича. См. его статью «Московская керамика», МИА, № 12, 1949.

¹⁴ СГГ и Д, т. I, стр. 396.

тории по соседству с крепостью, на месте предполагаемого посада (в дер. Апоки) найдены тверское пуло, образец XII в. и т. д.¹ В 0,5 км от Опок вниз по Волге имеется городское кладбище с правильно отесанными продолговатыми каменными плитами с выпукло высеченными изображениями Т-образных крестов XV—XVI вв.²

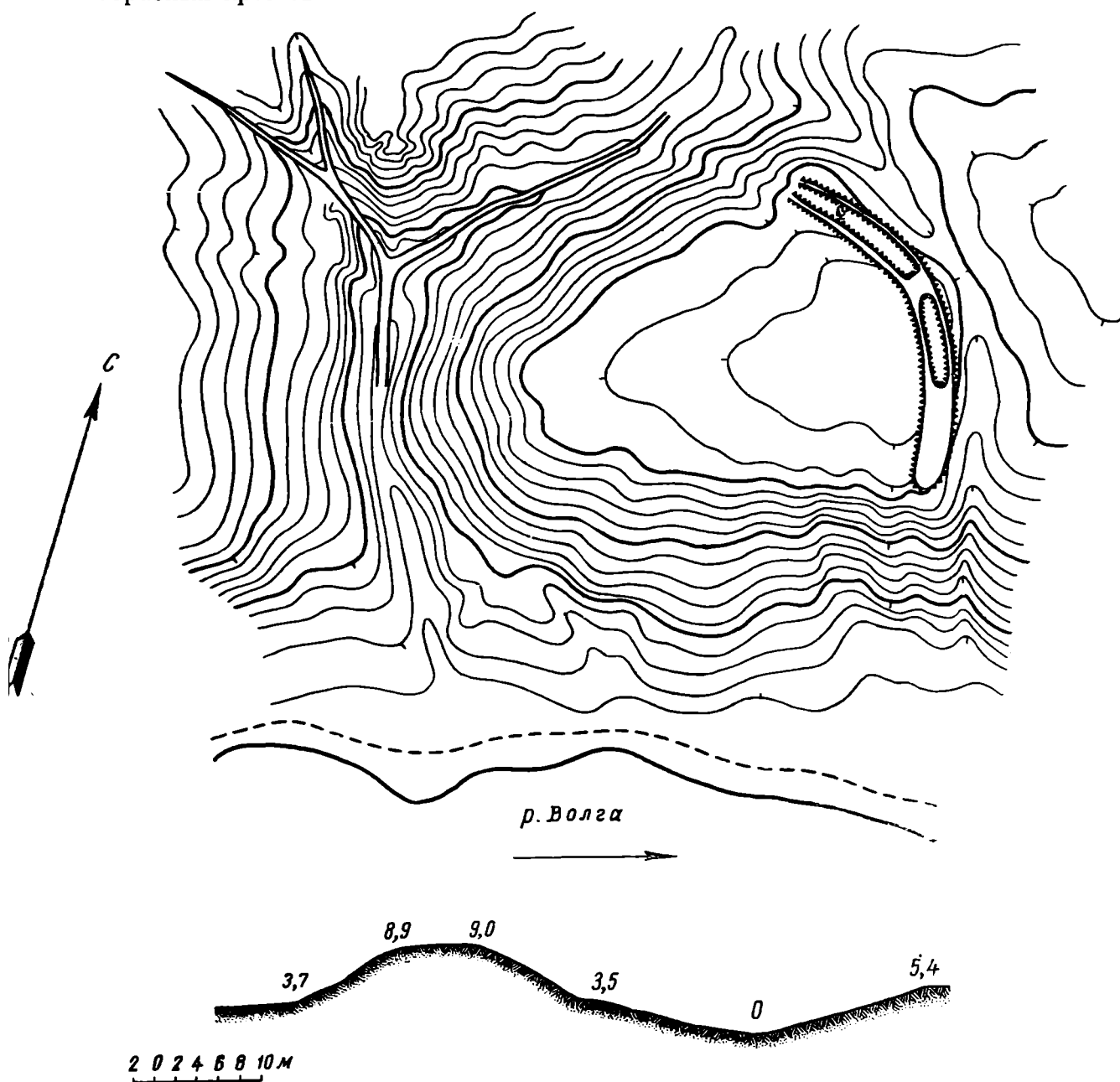

Рис. 18. План городища Опоки и разрез вала

В Зубцове, упомянутом впервые в 1216 г., столице удельного княжества, крепость возникла, повидимому, на территории каких-то предшествующих поселений: здесь на берегу Волги найден бронзовый подвесной идол — подбоченившаяся мужская фигурка с прической «в скобку», в рубахе до колен³ (рис. 19). По одежде, прическе, размеру она близка к бронзовой фигурке идола из курганной группы близ села Сорогожского⁴,

¹ А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. М., 1888, стр. 112, 226.

² Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 80—81.

³ Тверской музей и его приобретения в 1892 г. Тверь, 1894, стр. 46—47.

⁴ Каталог собрания древностей А. С. Уварова. М., 1907, стр. 60, рис. 47.

датируемой X—XI вв.¹ О раннем поселении на месте крепости говорит и керамика.

В районе Зубцова слияние Волги и Вазузы образует остроугольный мыс, который можно было использовать для сооружения укреплений. На правом берегу Волги также есть удобный мыс в устье оврага. Однако крепость поставлена на заостренном невысоком мысу, создающемся изгибом р. Волги (рис. 20—1). Выбор этого места определен тем, что, находясь здесь, крепость запирала движение по Волге: суда должны были плыть около 300 м в непосредственной близости от крепостных стен. Одновременно контролировался и выход из Вазузы в Волгу (Волжско-Днепровский путь). Но главной задачей, видимо, было обеспечить господство на волжском «Серетерском пути» и в случае необходимости запереть эту важную дорогу из Новгорода.

Рис. 19. Бронзовый идол из Зубцова

Городище Зубцова площадью 53 400 м² валом и рвом ограждено лишь с напольной стороны. Вал в настоящее время высотой до 5,5 м, ров — глубиной до 3,5 м. Разрывы вала у с.-в. и ю.-в. углов крепости — видимо, следы проездных башен. Ров, в настоящем виде почти запыленный, полностью виден на плане Зубцова 1825 г.² Культурный слой прослеживается на всей территории городища: он заметен в обнажениях, расположенных по ее периметру, и характеризуется керамикой XI—XV вв. и позднейшей.

Находки вещей и монет, а также немногие указания письменных источников свидетельствуют о том, что за пределами крепости Зубцова сложился торгово-ремесленный посад и что вне крепости будет найден культурный слой XII—XV вв. В договорных грамотах XV в. определяются торговые пошлины, взимаемые с купцов в Зубцове «по давному»³. О существовании в городке торгового пункта говорят и находки монет: пражских грошей⁴, 1380 г. Тахтамыша⁵, тверского медного пула, серебряных тверского великого князя Ивана Михайловича, медных Василия Михайловича Кашинского⁶; монеты найдены не только в крепости, но и за ее пределами. На волго-вазузском мысу обнаружена серебряная курганная гривна⁷. На берегу Вазузы собраны обломки стеклянных браслетов⁸. Вместе с тем посад, повидимому, был ограничен по площади: на Полуостровой горе, напротив городища (правый берег Волги) культурного слоя нет⁹.

Старица, один из важнейших городов княжества, упомянутый впервые только в 1297 г.¹⁰, повидимому, возникла в районе более ранних поселений X—XIII вв. На территории города найдены пряслице розового шифера XI—XIII вв., перстень и подвески курганного типа¹¹, образков XII в.¹² На правом берегу р. Волги на 250 м выше Успенского монастыря XVI в.

¹ Т. Н. Никольская. Курганы верхнего Поволжья. КСИИМК, вып. XXIII, стр. 168.

² ЦГВИА, № 19097, Атлас Тверской губернии.

³ АЗР, т. I, № 33, 51, 79.

⁴ Д. А. Сиверс. Топография кладов с пражскими грошами. СПб., 1922 стр. 27.

⁵ А. К. Жизневский. Указ. соч., стр. 208.

⁶ П. И. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XV вв. Труды нумизматической комиссии ГАИМК, вып. 5, 1924, стр. 46, 47.

⁷ Тверской музей и его приобретения в 1886 г. Тверь, 1887, стр. 3.

⁸ Тверской музей и его приобретения в 1888 г., № 247, стр. 15.

⁹ Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 82.

¹⁰ ПСРЛ, XV, 407.

¹¹ Планшет ГИМ 69/6⁶.

¹² Тверской музей и его приобретения в 1882 г. Тверь, 1890, № 101, стр. 6.

найден явно происходящий из смытого культурного слоя или погребения лепной горшок, подражающий курганной посуде, но асимметричный, плечи покрыты небрежно нанесенным волнистым орнаментом, венчик слабо отогнут, по его срезу располагаются насечки. Сосуд можно отнести к X в.

Городище площадью 51 850 м² лежит на заостренном мысу, при слиянии рек Верхней Старицы и Волги. Склоны круты и высоки; в XVII в. город называли «Высокий городок Старица»¹. Его плато возвышается над уровнем воды. С юго-восточной напольной стороны крепость ограждена валом длиной 178 м, шириной по гребню 4,5 м и рвом глубиной около 7 м. Высота вала около 6,5 м; он имеет в плане форму скобы, боковые части которой обращены к городищу, и, как валы всех остальных тверских городищ, насыпан из глины. В обнажениях насыпи видны куски старицкого известняка. Подъемный керамический материал датируется XIII—XVII вв., в небольшой его части XI—XIII вв.

«Посады» Старицы упомянуты только в середине XVI в.², но посад под старицкой крепостью уже сложился к концу XIV в. Под 1395 г. упоминается летописью торг³ в Старице. Данные письменных источников, многочисленные находки русских и иностранных монет XIV—XV вв. говорят о том, что Старица в это время была развитым ремесленно-торговым городком с далекими торговыми связями, в частности, с Западной Европой. Старицкие ремесленники особенно прославились литейным мастерством. Уже в 1390 г., чтобы защитить разросшийся посад, по приказу князя Михаила Александровича «прибавили Нового Городка на Волзе с приступа, и ров около копали»⁴.

Посад занял расширяющееся и снижающееся к ЮВ продолжение мыса за валом крепости площадью в 160 000 м². Этот участок расположен менее выгодно, чем крепость. Склоны здесь террасообразные, угол наклона берегов к Волге 22°, к Старице 17°. Вал и ров 1390 г., длиной около 350 м, ограничили посад с ЮВ. Высота вала 8 м, ширина по верху 2,5 м, глубина и ширина рва 7 и 21 м; посадский вал, как и крепостной, имеет скобовидную форму. В обнажении на юго-западной оконечности вала видна правильная кладка из квадратов — может быть, фундамент. На территории посада отмечен культурный слой толщиной 0,5 м — 1,0 м; керамический материал приблизительно аналогичен керамике крепости. Здесь же сделано большинство находок монет XV в., в частности клад конца XV в. из 300 московских пул⁵, а также находки вещей XIV—XV вв.⁶

Наблюдения за культурным слоем показывают, что в XV в., а может быть, и в XIV в., посад значительно перерос укрепленную в 1390 г. территорию и занял оба берега Волги. По левому берегу от места впадения р. Верхней Старицы и почти до Нижней Старицы местами прослеживается культурный слой около 0,5 м толщины; в нем неоднократно находили монеты XIV—XV вв.⁷ Возможно, что граница пригородного поселения отмечена в 0,5 км ниже крепости следами расположенного на берегу р. Волги кладбища, на плитах которого изображены кресты, датируемые XV—XVI вв.⁸ Указанной дате не противоречит и керамический материал. За этой границей собственно города, видимо, шли пригородные слободы.

Культурный слой на правом берегу, начинаясь от Воскресенской церкви, прослеживается до точки, находящейся против Никольской церкви,

¹ Повесть кн. И. М. Катырева-Ростовского. РИБ, т. XIII, стр. 595.

² Город Старица и посады. СГГ и Д, т. I, стр. 527.

³ ПСРЛ, XI, 157.

⁴ ПСРЛ, XI, 125; XV, 455.

⁵ П. Ф. Симсон. Кое-что об остатках древностей, находимых в Старице и ее окрестностях. Тверская старина, № 4, 1911, стр. 6.

⁶ И. П. Крылов. Старица и ее достопримечательности. Старица, 1915, стр. 59, 60.

⁷ И. П. Крылов. Указ. соч., 1907, стр. 41.

⁸ Н. Е. Макаренко. Указ. соч., стр. 88.

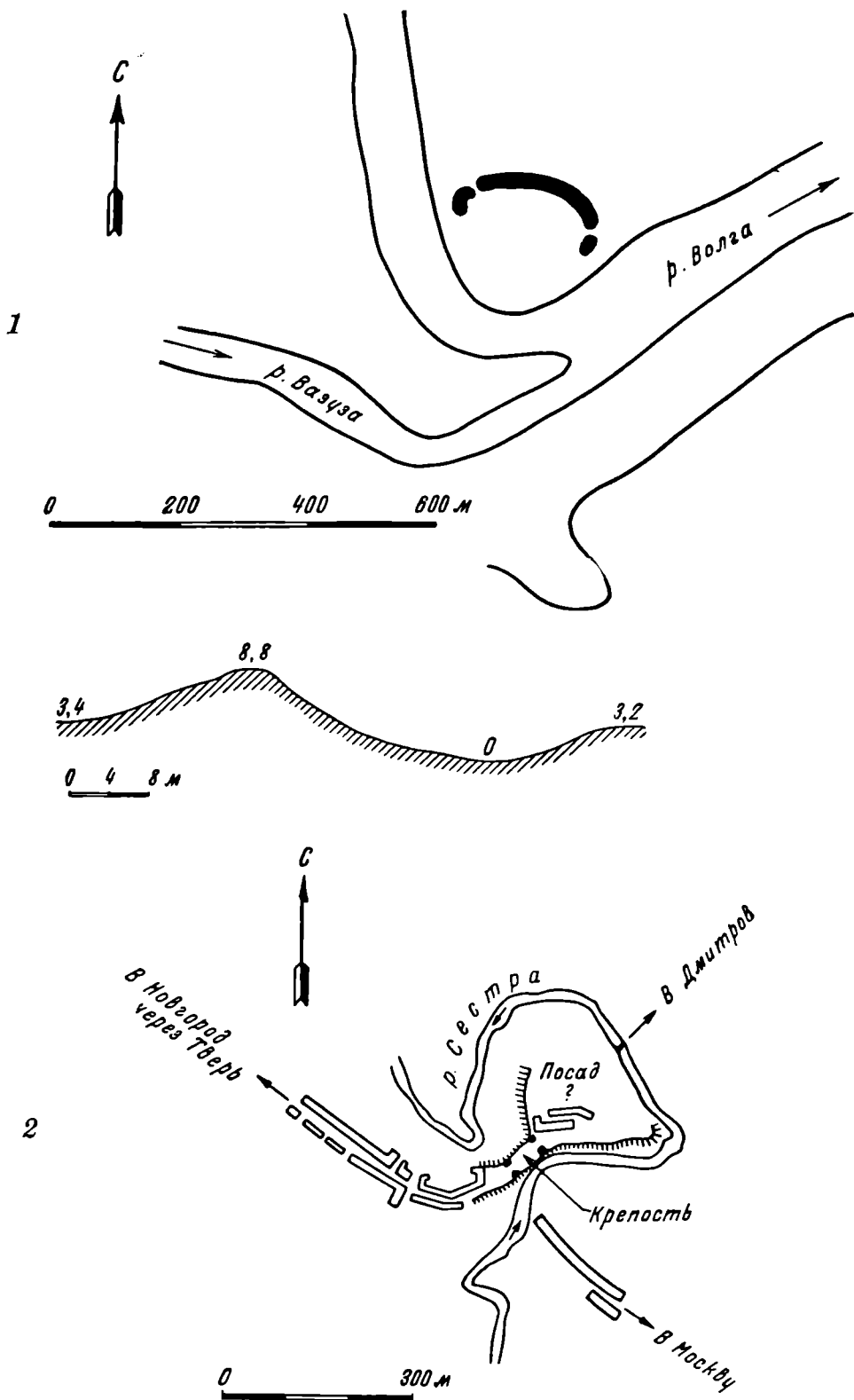

Рис. 20. Городища Тверского княжества

1 — схема расположения городища Зубова и разрез вала; 2 — схема расположения городища и посада Клина по данным планов 1766 г. и конца XVIII в.

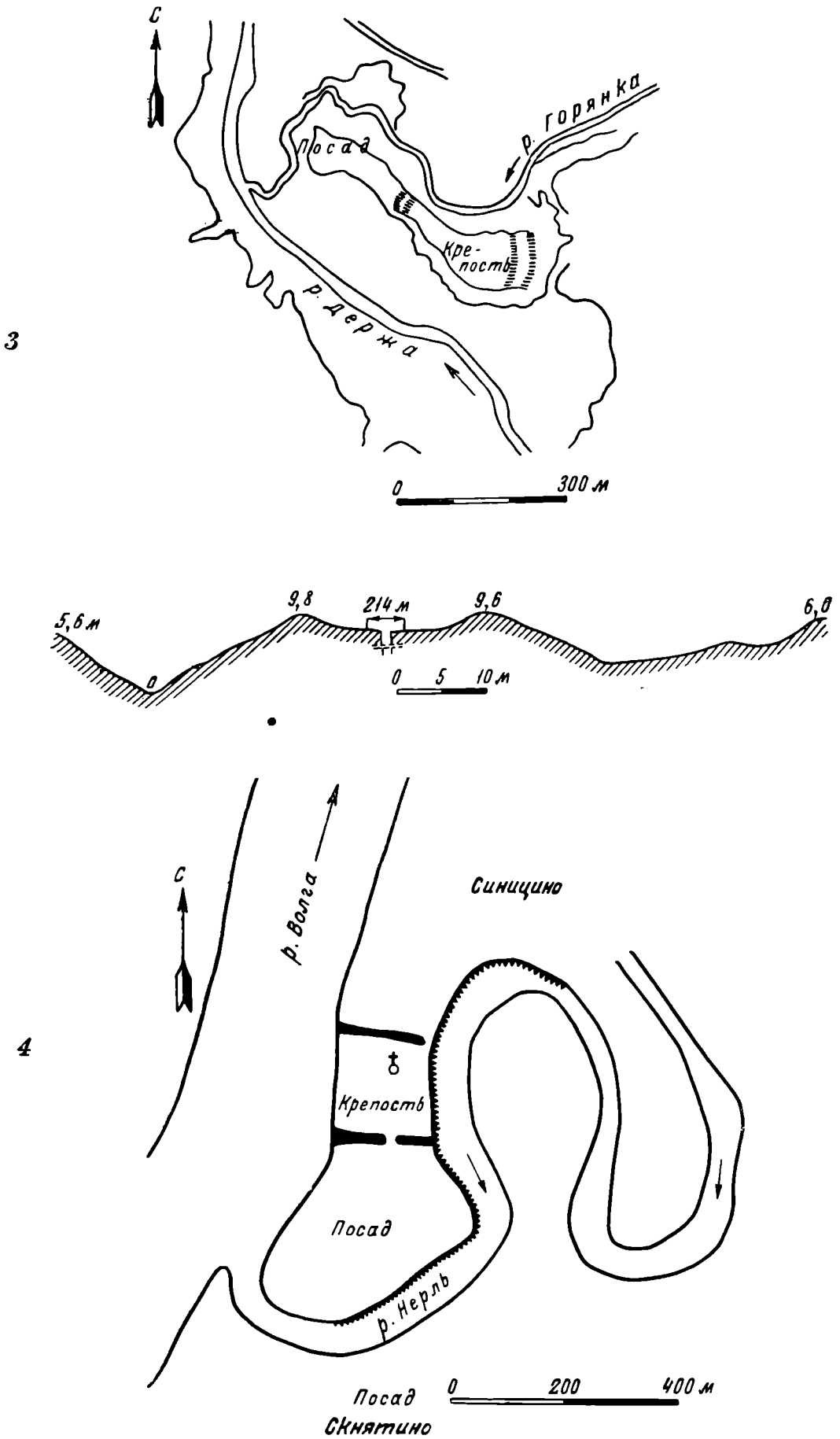

Рис. 20. Городища Тверского княжества (продолжение)

3 — схема расположения городища и посада Погорелого городища по данным плана 1876 г. и разрез валов; 4 — схема расположения городища и посада Скныatina (реконструкция)

расположенной на левом берегу р. Волги. Толщина слоя 1—2 м. Находки XIV—XV вв. и более ранние здесь многочисленны: монеты XV в.¹, шейные гривны, височные кольца, браслеты, перстни, бронзовые и серебряные нательные крестики XIV—XV вв., образки². Бронзовые крестики (в коллекции Старицкого музея) близки старицким конца XIV—XV вв.³ У Воскресенской церкви найдены обломки бронзового энколписа XIII в. Слой насыщен обломками керамики XI—XIII и XIV—XVII вв.⁴

Белгород Тверской, упомянутый летописью впервые в 1375 г., лежит при слиянии Волги и Хотчи. Плато почти отвесного берега возвышалось (до сооружения канала им. Москвы) над водой на 9 м. Следов земляных укреплений, которые были в XIX в., теперь нет; они находились «под сельской церковью и ее оградой»⁵, ограничивая очень небольшую территорию. В обресе крепостного мыса отчетливо виден культурный слой. Наиболее мощен он у церкви, достигая 2,5 м. Напластования толщиной около 0,4 м тянутся по правому берегу Волги вверх по течению на расстоянии 0,5 км и вверх по течению р. Хотчи, протяжением 150 м, толщиной 0,20—0,30 м. Из культурного слоя у церкви извлечены черепки сетчатой дьяковской посуды, а также гончарной XIV—XV вв. Белгород не превратился в ремесленно-торговый город и, видимо, недолго просуществовал и как крепость. В 1565 г. «Белгород в Кашине» упоминается как село⁶.

Город Вертязин (современное село Городня), известный с 1399 г., находился на правом берегу Волги в 40 км ниже Твери⁷ (рис. 21). Крепость Вертязина, выстроенная на месте, где дорога из Москвы в Тверь вплотную подходила к бродам через Волгу⁸, осуществляла двусторонний контроль. Берег возвышается здесь над водой на 20 м. Городище овальной формы, площадью 5000 м², отрезается от равнины двумя оврагами; соединенные искусственно, они образовали глубокий ров; следов вала на крепостной площадке нет. В Вертязине находился «двор князя», «много имения князя и жита»⁹. В 1413 г. упомянута в Городне церковь Пречистой Богородицы, а в настоящее время центральную часть ее занимает выстроенная в первой половине XV в. князем Борисом Александровичем церковь Рождества Богородицы¹⁰. На городище отмечен культурный слой, толщиной 20—30 см, дающий славянскую и дьяковскую керамику¹¹.

Посад Вертязина располагался на низменном берегу Волги у подножья крепости. Аналогичные местоположения в других древнерусских городах назывались «подолами». Ремесленное поселение появилось здесь, судя по находкам лепной керамики, в X в.¹² Раскопками вскрыты несколько горнов X—XII вв. с крицами и болотной рудой по соседству; найдены многочисленные кузнечные поделки. Большое количество украшений, орудий труда,

¹ И. П. Крылов. Старица и ее достопримечательности. Старица, 1907, стр. 42. Там же, 1915, стр. 114.

² П. Ф. Симсон. Указ. соч., стр. 5, 7.

³ Н. Ф. Романченко. Образцы старицкого медного литья. Материалы по русскому искусству, т. I. Л., 1928, стр. 38.

⁴ Данные о раскопках в Старице 1949 г.— см. в статье Н. Н. Воронина, Раскопки в Старице. КСИИМК, вып. XXXVIII.

⁵ В. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, стр. 286.

⁶ Среди волостей, взятых Иваном IV в опричнину. ПСРЛ, XIII, 395.

⁷ И. Виноградов. Археологическая экскурсия в село Кожино и города Кашин, Калязин и Углич. Тверь, 1901, стр. 2.

⁸ Сб. статистических сведений о Тверской губ., т. VIII, вып. I. Тверь, 1893, стр. 39.

⁹ ПСРЛ, XI, 220.

¹⁰ Датировка и атрибуция церкви принадлежит Н. Н. Воронину.

¹¹ С. А. Тараканова. Археологические работы в Городне на Волге. КСИИМК, XIV, стр. 110.

¹² С. А. Тараканова. Раскопки поселения Городни на Волге в 1945 г. КСИИМК, вып. XIX, стр. 46—50.

бытовых предметов (замок, светец) говорит о густой заселенности посада. «Подол» Вертязина был укреплен. На его ю.-в. оконечности С. А. Тараканова обнаружила вал высотой свыше 2 м. Вертязинский посадский вал — безошибочный признак роста и значения ремесленно-торговой части этого небольшого городка.

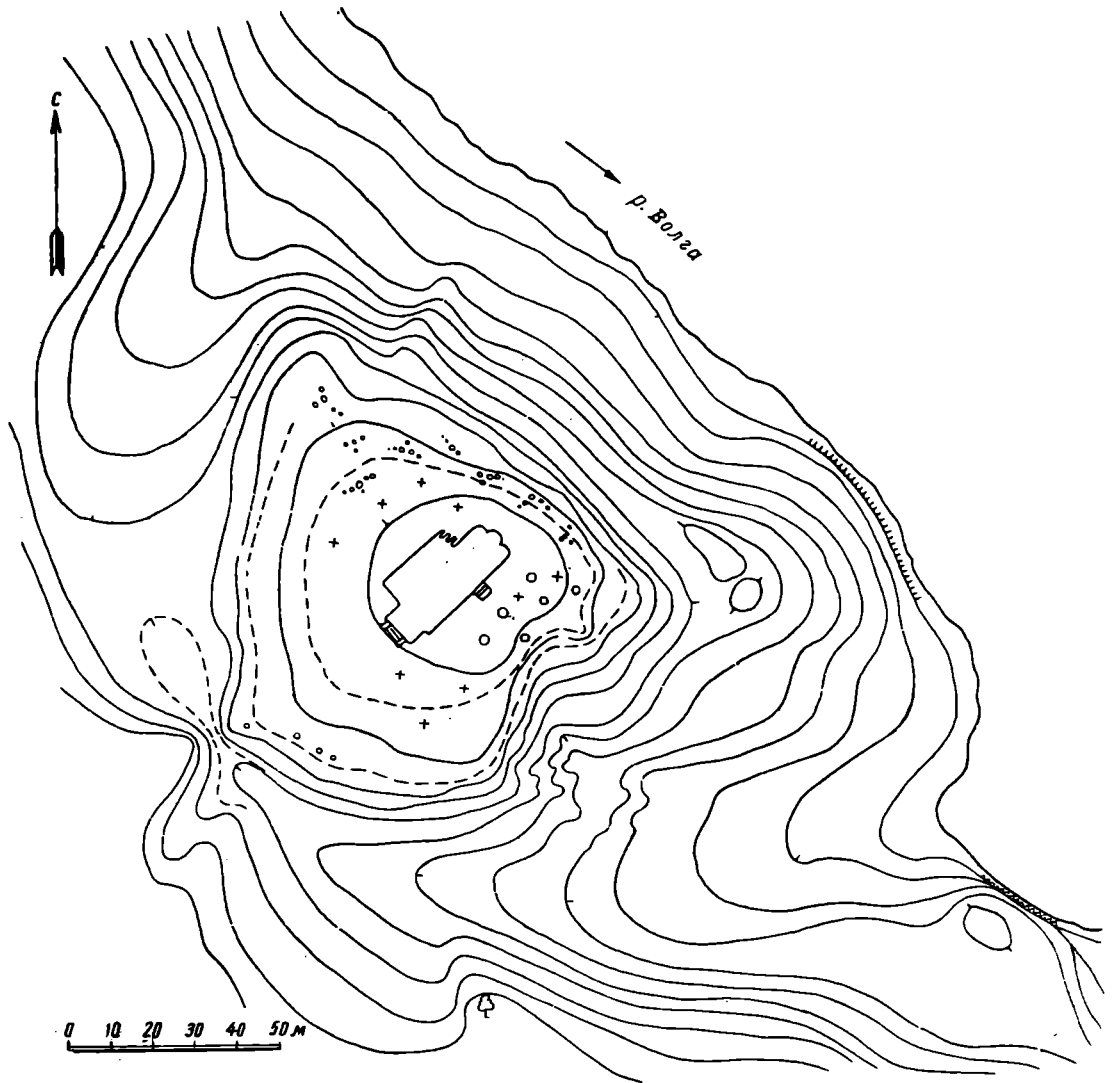

Рис. 21. План городища Вертязина

Вертязин интересен тем, что здесь прослеживается характерный путь формирования города: на территории древнего ремесленного поселения в XIV в. создается княжеская крепость, рост города знаменуется созданием вокруг его посада укреплений.

Калязин, как город, выступает в 1466 г.¹ и отличается от других тверских городов тем, что развился под защитой стен монастырей Никола на р. Жабне (известен с 1238 г.) и Троицкого (основан около 1434 г.).

Подобно крепостям, монастыри основаны были первый — при слиянии двух рек, второй — в остроугольном изломе Волги. Из грамот XV в. тверского князя Михаила Борисовича Калязин можно себе представить как важный торговый пункт на скрещении важнейших торговых дорог (упоминаются «жабенские» сборщики торговых податей).

¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472). М.—Л., 1948, стр. 9 («С Калязина поидох до Углеч»).

Крепости Микулина (упомянут впервые в 1363 г.¹), Холма, Дорогобужа, Телятьева и, повидимому, Чернятина — в XIV—XV вв. центры удельных княжеств — располагались на южной границе Тверского княжества, на важных путях, в местах, где угрожала наибольшая опасность со стороны московских князей.

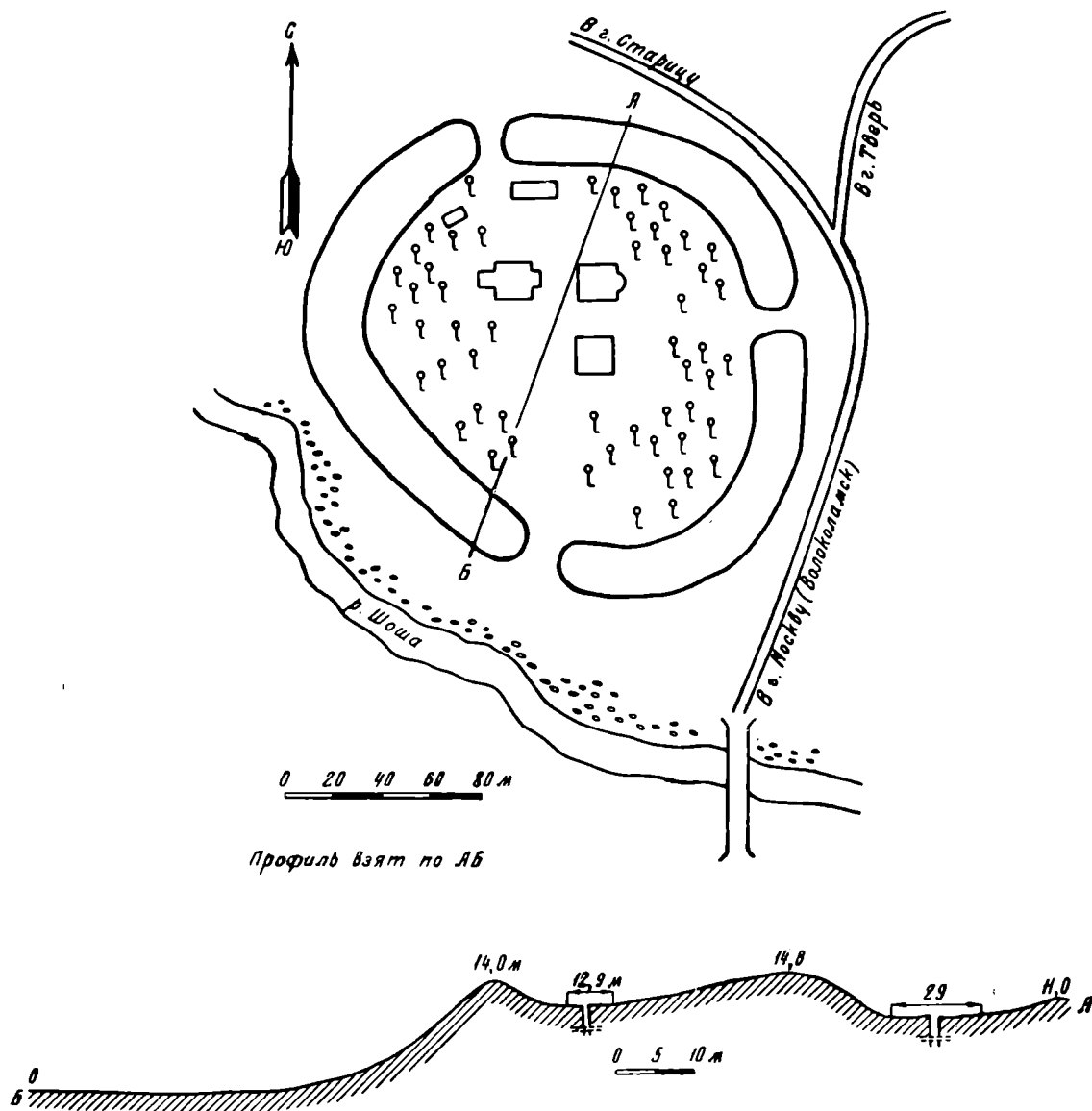

Рис. 22. План городища Микулина и разрез вала

Микулинская крепость (пересечение дорог Волоколамск — Тверь и Волоколамск — Старица) находится на левом слегка извилистом берегу р. Шоши и лишена естественной защиты с флангов рекой или оврагами (рис. 22). Поэтому укрепления охватывают площадь крепости кругом. Городище имеет форму овала, площадью 55 490 м² и примыкает к берегу р. Шоши (высота 11 м); река шириной 25 м, была в древности полноводнее и играла роль защитного рубежа. Вал городища сильно оплыл, но в некоторых местах сохранился на высоту до 5,5 м, длина его около 588 м, с северной, восточной и южной сторон видны выемки — следы проездных

¹ ПСРЛ, XI, 2.

башен. Южные ворота обращены к р. Шоше. Крепостной ров сейчас замечен лишь с северо-восточной стороны, достигая 1,5—2 м глубины.

Возникла Микулинская крепость в первой половине XIV в. и после XV в. она вряд ли существенно изменялась, так как находилась в достаточно глубоком московском тылу. Не противоречат этому некоторые находки вещей из вала. В нем найдена знаменитая «микулинская чаша»¹, изготовленная в начале XV в.², обломок днища горшка с клеймом в виде круга³, «серебряные и древние медные монеты»⁴. Из вала же, повидимому, происходит медное микулинское пуло, описанное как «найденное в развалинах Микулина»⁵ (применительно к Микулину с его ровным засаженным деревьями городищем можно говорить лишь о «развалинах» вала).

Раскопки городища обнаружили остатки изб, площадью 4 × 4, 5 × 5 м², относимых к XIV—XV вв. и приписываемых ремесленникам⁶. Из культурного слоя городища происходят монеты и печати микулинских князей⁷, железный нагрудник рыцарского доспеха, найденный недалеко от собора⁸; при раскопках Н. П. Милонова найдены медная весовая чашка, шпора (аналогичная встреченной во Вщиже) и много керамики XIV—XV вв.

В XIV—XV вв. в Микулине сложился посад, хотя в летописях и актах этого времени о нем прямо не упоминается. В середине XVI в. Микулин по значению упоминается в одном ряду с Тверью и Торжком, старыми посадскими городами⁹. В XVI же веке в городе существовал еженедельный торг с 20—30 лавками¹⁰. Но посад, торг существовали здесь еще раньше, в XV в. В этом столетии микулинские князья чеканят свою монету, в том числе мелкую разменную¹¹. Торг помещался, повидимому, вблизи крепости у б. Успенской церкви, где найден клад серебряных и медных монет Василия III и Ивана IV¹². Летописи говорят (1399) о двух городках Микулиных¹³, унаследованных одним князем. Повидимому, в городе существовала собственно крепость (на левом берегу Шоши) и прикрепостное посадское укрепленное поселение на правом берегу реки — следствие роста и развития города. Некоторые данные о культурном слое посада также показывают, что последний занимал значительную территорию. В окрестностях с. Микулино городище, т. е. в отдалении от крепости, Калайдович, посетивший село в 1822 г., отметил четыре раскопанных погоста, из которых происходят «медные кресты, образа, бляхи (подобные гривным) с ушками и монеты серебряные и медные» (монеты тверские XV в., в том числе медная Василия Михайловича Кашинского, серебряная Жака Безина)¹⁴.

Остальные города на границе с Московским княжеством — Холм, Дорогобуж, Телятьев, Чернятин — совершенно не были защищены реками, крутыми обрывами и т. п. и приближались по своему характеру и облику к укрепленным частокколами усадьбам. Но если правы А. В. Орешников

¹ Собор в селе Микулино городище. М., 1851, стр. 12.

² А. В. Орешников. Серебряная чаша из Микулина городища. Приложение III к отчету ГИМ 1916—1925 гг. М., 1926, стр. 12.

³ Тверской музей и его приобретения в 1883 г. Тверь, 1884, № 9.

⁴ Л. Погожева. Село Микулино городище и его древний собор. Журнал «Свегильник», 1914, № 4, стр. 20.

⁵ А. Чертков. Описание русских монет. Прибавление второе. М., 1938, стр. 13.

⁶ Н. П. Милонов. Раскопки на месте древнего города Микулина. Архив ЛОИИМК, ф. 35, оп. 2, № 217, стр. 2.

⁷ Собор в селе Микулино городище, стр. 11.

⁸ Л. Погожева. Указ. соч., стр. 15.

⁹ Приходо-расходная книга владимирской чети 7122 года. РИБ, т. XXVIII, стр. 40.

¹⁰ И. Лаппо. Тверской уезд в XVI в. ЧОИДР, кн. IV, М., 1894, стр. 23.

¹¹ А. В. Орешников. Русские монеты до 1847 г. М., 1896, стр. 72, 73.

¹² Н. Микулинский. Находка клада древних монет в селе Микулино городище. Тверская старина, 1912, № I, стр. 38—39.

¹³ ПСРА, XI, 180.

¹⁴ ЧОИДР, кн. I, М., 1882, стр. 234—235.

и А. А. Ильин¹, предполагавшие чеканку монет князьями Холмским и Дорогобужским, то посады были и в удельных центрах этих князей.

Особый интерес по своей топографии представляют 4 города Тверского княжества — Кашин, Клин, Новый городок (Погорелое), Скнятин (Коснятин). Их общей чертой является сходное расположение крепости и посада в крутой петле реки или двух сливающихся рек: укрепление занимает перемычки петли и господствует над низменным посадом, расположенным в широкой части, вал и ров ограждают крепость как со стороны посада, так и со стороны равнины.

Древнейшим является Скнятин (рис. 20—4). После постройки Угличской плотины древний Скнятин, за исключением более высокой крепостной площадки, затоплен водами р. Волги. Поэтому важен план местности у устья р. Нерль, где возник город. Юрий Долгорукий в 1134 г. «заложил град на усть Нерли, на Волзе, а нарече [имя] ему Константин, и церковь в нем созда»². При впадении в Волгу река Нерль образует четыре петли, ограничивающие четыре расширяющихся от оснований к концам «полуострова» «языка». Берега Волги и Нерли возвышаются над уровнем реки на 7—8 м. Слова летописи «на Волзе» заставляют в поисках местонахождения первоначальной крепости обратить внимание на самый западный «язык» у устья Нерли, примыкающий к Волге. П. Н. Третьяков именно здесь наблюдал «повсеместно... следы культурного слоя с керамикой XI—XIII вв.»³.

Поиски Скнятина на других «языках» р. Нерли были безуспешны. В 1897 г. на втором от Волги «языке» его искал В. Колосов. Раскопанное им городище относится, однако, к первым векам н. э., что подтвердили и раскопки П. Н. Третьякова. Н. П. Милонов считал, что Скнятин располагался на четвертом от Волги «языке» р. Нерли, где им действительно обнаружено славянское поселение XI—XV вв. с культурным слоем, толщиной 1,5 м и найдены остатки жилищ и печей. Но Милонов не доказал, что раскопанное поселение — скнятинское городище. Инвентарь, добытый раскопками, скорее селищенский, чем городищенский, — специфически городских вещей нет, а укрепления, повидимому, не обнаружены⁴. Таким образом, несомненно, что на ближайшем к Волге «языке» Скнятинская крепость и располагалась. Этот мыс от перешейка, где расположена церковь, постепенно снижается к своей оконечности (разница отметок — 4 м). Перешеек не только самое высокое, но и самое узкое место, далее мыс расширяется. Таким образом, топография мыса полностью сходна с кашинской, клинской и новгородской. По аналогии с названными городами, несмотря на отсутствие каких бы то ни было указаний на место скнятинских укреплений, можно думать, что они располагались на высоком перешейке так, чтобы валы и рвы отрезали крепость с одной стороны от равнины, с другой — от низменной оконечности «полуострова», где, видимо, и сложилась древнейшая часть посада: здесь к югу от укреплений в береговых выходах культурного слоя, а также по всей поверхности мыса сделаны находки славяно-русской керамики XI—XIII вв. Но разросшийся посад распространился дальше к югу, за р. Нерль. На территории расположенного здесь с. Скнятина обнаружено много бытовых и культовых предметов, в том числе — обломки стеклянных браслетов⁵, бронзовой витой гривны⁶ и т. п.

¹ Две монеты князя Андрея. Известия РАИМК, 1921, т. I, стр. 375.

² ПСРЛ, IX, 154, 1134 г.

³ Отчет об археологических работах в верхнем Поволжье в 1937 г. Архив ЛОИИМК. Комитет полевых исследований, № 238, стр. 11, 14.

⁴ Н. П. Милонов. Отчет о полевых палео-этнографических исследованиях памятников. 1930 г., Архив ЛОИИМК, ф. 35, оп. 2, № 271, чертеж № 14.

⁵ Тверской музей и его приобретения в 1888 г., № 247, стр. 15.

⁶ Тверской музей и его приобретения в 1888 г., № 165, стр. 20.

На восток от крепости за р. Нерль посад не распространился — здесь культурный слой не отмечен.

В 1288 г. Скнятин еще упоминается как город¹. Но в XV в. он умирает, уступив место близкому Калязину: в грамоте 1459 г. упоминается уже «деревня Скнятино»².

Метод обороны и расположения ростово-суздальского Скнятина был применен и развит тверскими градостроителями. Данные о Кашине, наиболее интересном и типичном городе указанной группы, опубликованы³. Клин, известный по источникам с 1317 г.⁴, удивительно схожий по своей топографии с Кашиньм, вписан в петлю р. Сестры, образующую своеобразный «полуостров», перешеек которого является высшим участком рельефа и возвышается над уровнем реки на 20 м, обрываясь круто под углом в 75—80°. Поверхность «полуострова» плавно и постепенно снижается на СВ. В XVI — начале XVII вв. крепость Клина еще существовала⁵. Но иностранные путешественники середины XVII в. называют Клин уже «деревней», — крепость окончательно разрушилась, повидимому, во время польско-литовской интервенции. Однако ее валы дожили до XVIII в. и отмечены, как в Кашине, на перешейке планом 1766⁶: северо-восточный и юго-западный параллельные валы ограждают близкую по форме к прямоугольнику территорию крепости. Не подлежит сомнению существование не показанных на плане рвов. На позднейшем плане Клина XVIII в. с.-з. отрезки обоих валов уже отсутствуют⁷. Клин располагался на важнейшей дороге, соединявшей Тверь с Москвой и Новгородом, существовавшей уже в XIV в. Клинская крепость создана для обороны от московских князей пути на Тверь — она буквально «нависает» над древней дорогой Москва — Новгород.

Пока нет прямых данных о клинском посаде, но источники рисуют Клин как довольно важный городок⁸. Судя по сходству топографии Клина и Кашина, посад следует искать на измененной оконечности «полуострова».

Новый городок (Погорелое городище), принадлежавший князьям Холмским и ставший известным с 1399 г., располагался при слиянии рр. Держи и Горянки (рис. 20—3). Крепость была на господствующем над окружающей местностью перешейке, на 15—16 м выше уровня рек. Перешеек, расширяясь, плавно снижается к СЗ, к месту слияния рек, а с ЮЗ и СВ падает к водам рек Держи и Горянки под углами 29° и 36°; с СЗ и ЮВ он прегражден валами и рвами, отрезающими его от плато и от пониженного «полуострова». Площадь крепости 16 913 м². С.-з. вал и ров, плохо сохранившиеся, имеют высоту 2 м и глубину 3,5 м. Ю.-з. вал со стороны равнины — высоту 2 м, ров — глубину 7,5 м. Склон валов и ров имеет уклон 30°. Посередине северо-западного вала имеется прорезающая его выемка; здесь, как и в северо-восточной оконечности юго-восточного вала, были проездные башни.

Культурный слой толщиной до 0,5 м отмечен повсюду на городище. Керамика относится к XI—XV вв.

О посаде Нового городка в XIV—XV вв. не упоминается. Но он, очевидно, к этому времени уже сложился. На пространстве «полуострова»

¹ ПСРЛ, XV, 406.

² Опись древним грамотам и другим документам, хранящимся в архиве первоклассного Троицкого Калязина монастыря. Тверь, 1891, стр. 11.

³ Э. А. Рикман. Топография Кашина XIV—XV вв. КСИИМК, XXX.

⁴ ПСРЛ, XV, 109.

⁵ С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 226. С. М. Соловьев. История России, т. II, изд. 3, стр. 1139.

⁶ ЦГАДА, Архив Межевой канцелярии. План Клина, № 177.

⁷ ЦГАДА, Архив Межевой канцелярии, № 175, 176.

⁸ СГГ и Д, т. I, стр. 337, стр. 390—391; Е. Замысловский. С. Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПб., 1884, стр. 364.

площадью 37 368 м², где в городах описываемого типа располагался посад, отмечен культурный слой, толщиной 20—30 см, характеризующийся керамикой XIV—XV вв. Посад упоминается впервые в 1530 г.¹ О торговом значении Нового городка в XV—XVI вв. говорит находка на городище клада псковских монет².

Заканчивая описание тверских городов, следует подвести некоторые итоги. Археологические материалы заставляют думать, что некоторым тверским городам (Старица, Зубцов, Вертязин и др.) предшествовали древние поселения. Судя по раскопкам Вертязина, это были поселения ремесленников. Борясь с Новгородом и Москвой, тверские князья нередко строили свои крепости на территориях более древних поселений. Зачатки тверских городов возникли в густо заселенных районах в тесном окружении селищ и курганных групп. В ходе борьбы великих тверских князей с удельными последние были оттеснены от Волги и заняли города на волжских притоках. Защищая границы и дороги, тверские «градодельцы» искусно применялись к местности, располагая крепости на мысу при слиянии двух рек, в остроугольном изломе реки, используя овраги и вытянутые «языки» берегов. В случае особой необходимости крепости создавались в почти незащищенных местах. В различных по топографии условиях многие тверские города в XIV—XV вв. стали посадскими ремесленно-торговыми, где площадь посада значительно превосходила площадь крепости (Старица, Кашин и др.).

В XIII—XV вв. число мелких рядовых тверских городов росло; они расширялись, что служит ярким показателем процесса возрождения экономики и культуры русского города, шедшего вглубь, несмотря на татарский гнет и феодальные междоусобицы.

---

¹ СГГ и Д, т. I, стр. 527.

² А. Ильин. Топография кладов древних русских монет, стр. 47.

В. И. АНТОНОВА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ИЗОБРАЖЕНИЯ ДМИТРИЯ СОЛУНСКОГО XII ВЕКА
ИЗ г. ДМИТРОВА

1

В 1930 г. в Государственную Третьяковскую галерею поступила из краеведческого музея города Дмитрова икона XII в. с изображением Дмитрия Солунского¹, раскрытая в Центральных государственных реставрационных мастерских в 1924—1928 гг. Г. О. Чириковым, В. О. Кириковым и П. И. Юкиным² (рис. 23).

Обнаруженная в Успенском соборе г. Дмитрова экспедицией Коллегии по делам музеев в 1919 г., икона была храмовой в нижней церкви Дмитрия Солунского, построенной в 1714 г.³ Возможно, в это время имелись еще сведения о первоначальном назначении этой иконы. Не исключено, что удельный князь Юрий Иванович, сын Ивана III (1504—1533), перестраивавший в 1509—1523 гг. Успенский собор в Дмитрове, освятил верхний южный придел во имя своего патрона, следуя традиции неизвестного основателя собора, посвятившего придел Дмитрию Солунскому⁴. Вероятно, к этому времени относится изразцовый рельеф (теперь вделанный в наружную стену справа от южного портала), с изображением патрона ктитора собора XVI в.—св. Георгия, поражающего змея⁵.

¹ № 12682. Размер 156 × 108. Липовая доска из трех частей, скрепленных торцовыми шпонками (сохранилась лишь верхняя); живопись яичными красками по левкасу, лежащему на павлолке, сохранилась фрагментарно. К XII в. относятся: Спас в облаках, в правом верхнем углу, голова Дмитрия, его торс, правая рука с мечом и части левой руки до локтя, тельник и ноги до ступней. Остальные части фигуры, летящий ангел с венцом, фон, надпись и спинка трона—XVI в.; нижняя часть трона и ноги—XIV, XVI и XVII вв. Поля—XVIII в.

² Архив ГТГ, дело № 67/150.

³ Этот придел устроен в 1714 г. в «палатах» под Успенским собором. См. В. и Т. Холмогоровы. Исторические материалы о церквях и селах, вып. XI. М., 1913, стр. 128. Там же, стр. 131—139, приводится опись реставрационных работ в Успенском соборе в 1784 г. На правом верхнем поле иконы Дмитрия Солунского сохранились фрагменты лепного левкаса этого времени.

⁴ Придел Георгия упоминается в Успенском соборе г. Дмитрова в описи 1646 г. В. и Т. Холмогоровы. Указ. соч., стр. 125.

⁵ Я. И. Смирнов. Устюжское изваяние св. Георгия Московского Большого Успенского собора. М., 1915, отд. оттиск, стр. 107—108; А. В. Филиппов. Русские поливные изразцы XVI в. Сборник Московского общества по исследованию памятников древности, I. М., 1915; А. И. Некрасов. Города Московской губернии. М., 1928, стр. 121—123; Н. Воронин и М. Ильин. Древнее Подмосковье. М., 1947, стр. 36.

Существенно, что икона Дмитрия Солунского подверглась общей реставрации (выше трона от контура фигуры до полей наложен новый левкас) именно в эпоху князя Юрия Ивановича, предпринявшего перестройку собора. Наряду с обильными исправлениями, в правом верхнем углу иконы в XVI в. был изображен летящий ангел с венцом, подобный такому же ангелу на рельефе, увенчивающему всадника Георгия. Возможно, что князь Юрий Иванович, желая сохранить древнюю реликвию своего предшественника по созданию собора, обновил икону при переименовании придела.

Дмитрий Солунский, изображенный на иконе XII в., был патроном князя Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо (1154—1212), в честь которого и был основан город Дмитров¹: «...родился Юрию сын Дмитрей бе тогда в полудии на реце Яхроме и с княгинею и заложи град во имя сына своего и нарек Дмитров, сына же нарече Всеволод...²».

Необычайный характер изображения на этой иконе удивлял антикваров-собрателей конца XIX — начала XX в.

Есть основания утверждать, что этот образ Дмитрия Солунского был необычен и в начале XVI в. Реставратор того времени не повторил в своей работе красную спинку трона изначальной живописи, украшенную жемчугом и голубыми камнями³. Не повторил он также красный киноварный гайтан с энколпием, украшавший шею Дмитрия. Находившаяся под тонким слоем живописи XVI в., эта необычная деталь изображения XII в. была ошибочно удалена П. И. Юкиным⁴. Но и в XVI в. была сохранена важная подробность, повторяющая особенности древнего изображения: на фоне XVI в. вокруг головы Дмитрия нет нимба. Ему нет места в композиции — голова Дмитрия почти касается верхнего поля, а вынесение столь значительной части нимба на поле не встречается в домонгольских иконах.

Древняя живопись уцелела лишь на немногих местах. Проследивая указания фрагментов XII в., можно представить себе начальный вид Дмитрия на иконе таким образом: на украшенном жемчугом и камнями троне с красной спинкой, слегка повернув горделивую голову вправо, к Спасу, сидит знаменитый консул Эллады (архонт — повелитель византийской провинции⁵), с жемчужным венцом на покрытой крупными локонами голове. Жемчугом и драгоценными камнями украшены его пластинчатая коричневая броня, киноварный тельник, трон и подножие. Сапоги Дмитрия стянуты до колен сиреневыми кампагиями. Сине-голубой плащ, скрепленный узлом у правого плеча, спадая вдоль торса Дмитрия, свешивается до узорного подножия трона. Согласно византийскому обычаю, плащ скреплен на груди

¹ Леонид. Исторический очерк города Дмитрова... Чтения в обществе любителей духовного просвещения. М., 1878, кн. IV; Н. Токмаков. Историко-статистическое и археологическое описание города Дмитрова... М., 1893, ч. I и II; М. Н. Тихомиров. Город Дмитров от основания города до половины XIX века. Дмитров, 1925; Некрасов. Указ. соч., стр. 118—131; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946; Н. Воронин и М. Ильин. Указ. соч., стр. 33—36.

² Новгород. IV лет., вып. I, стр. 158.

³ Об этом свидетельствует киноварный фрагмент с голубыми камнями и жемчугом, уцелевший в виде треугольника между правой рукой и плащом, спадающим вдоль туловища, полоса вдоль левой руки, а также киноварный фрагмент над левой верхней частью подушки трона. Возможно, что спинка трона представляла собой красную ткань, расшитую цветными камнями и жемчугом, натянутую на прямоугольную раму, усыпанную также драгоценными камнями и жемчугом. Такой трон изображен на фреске XII в. «Кирилл учит царя» в Кирилловом монастыре в Киеве.

⁴ Сведения Г. О. Чирикова. Следы гайдана сохранились и теперь на шее Дмитрия. См. об этом также Ph. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag, 1930, стр. 146—148.

⁵ На этот титул указывает венец — кесарская стемма, которую носили губернаторы византийских провинций. Дмитрий Солунский, по житию его (H. Delehaye. Les légendes grecques des saints militaires. Paris, 1909, стр. 105 и 107), имел этот чин, по римской терминологии, что по византийской номенклатуре соответствовало роли великого князя на Руси.

Рис. 23. Дмитрий Солунский. Икона XII в. из Дмитрова (Государственная Третьяковская галерея)

фигурным узлом сиреневой перевязи — «ширинки». Пышный доспех и драгоценный венец Дмитрия говорят о торжественности момента, в совершенстве выраженного художником в позе изображенной фигуры. Гордо восседающая на сиреневых подушках катедры, величавым движением он обнажает голубоватый клинок меча, украшенный посредине черным орнаментом¹.

Первоначальный замысел художника сильно искажен утратами и доделками более позднего времени. Лучше всего сохранилось смуглое надменное лицо с алым румянцем (рис. 24), но и его колорит, лишенный предназначенного для него фона, приобрел мертвенный зеленый оттенок. Русские художники домонгольской поры употребляли для фона не только золото, но и серебро. При наложении картона, вырезанного по контуру головы Дмитрия, тонированного цветом древнего серебра — коричневатой охрой, оливковое лицо его делается более светлым и жизненным². Кроме того, нужно учесть, что вохрение, образующее переход от теней к свету, в значительной степени утрачено, а зеленый санкирь теней мог за 800 лет изменить свой оттенок. Особенно искажены фигура и трон. Смятые формы плоских теперь торса и ног уже не поддаются воссозданию. Трон и его подушки превратились в мозаику разновременных фрагментов, не дающих возможности судить о форме и колорите первоначального изображения. О былой декоративной выразительности живописи свидетельствуют Спас в крутых облаках справа вверху, складки плаща на плечах Дмитрия и подол его у подножия трона. Даже контур фигуры искажен наложением левкаса XVI в. Но смелый и точный рисунок лица, изысканные складки и узлы одежды, соразмерность полной силы и несколько манерной грации фигуры позволяют говорить о высоком мастерстве художника XII в.

Наиболее подробный анализ нынешнего состояния иконы сделан И. Э. Грабарем, разбирающим ее как образец осуществления нового метода реставрационной работы³. Относя эту икону к XII в. и упомянув о сходстве ее с рельефом XII в., изображающим Дмитрия Солунского в соборе св. Марка в Венеции, И. Э. Грабарь дважды останавливается на предании, связывающем дмитровский памятник с личностью Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо⁴. Издавший в 1928 г. дмитровскую икону А. И. Анисимов⁵ лишь бегло упоминал о ней, считая произведением конца XII в. Н. П. Сычев⁶ предполагал, что этот исключительный по своему значению памятник, как и другие реликвии того времени, привезен из Солуни и является «эллинистически-византийским портретом македонской школы». Д. В. Айналов⁷ относил икону к киевской школе, к середине XII в., считая, что легендарная связь ее с личностью Всеволода Большое Гнездо делает это предположение наиболее вероятным. Сближая памятник с фресками Киевской Софии, Д. В. Айналов в предполагаемом серебряном фоне его видит традиции эллинистической живописи⁸.

¹ О мечах XI—XII вв., украшенных накладным орнаментом, см. Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 227—229 и 236—237.

² И. Грабарь (Андрей Рублев. Вопросы реставрации, I. М., 1926, стр. 61—62) предполагает, что древний фон — серебряный. В пользу этого предположения говорят фрагменты древнего серебра, уцелевшие на нимбе Спаса слева вверху.

³ J. Grabar. The Scientific Restoration of Historic Works of Art, Masterpieces of Russian Painting, Ed. by M. Farbman, London, 1930, стр. 98—102 и 109, табл. III.

⁴ Указ. соч., стр. 146—148.

⁵ А. И. Анисимов. Домонгольский период древнерусской иконописи. Вопросы реставрации, II. М., 1928. Текст стр. 136 и 178. Воспроизведение на стр. 138 и 139.

⁶ Н. П. Сычев. Искусство Киевской Руси. М., 1929, стр. 211, рис. 12 на стр. 213.

⁷ D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentums Moskau. Berlin u. Leipzig, 1933, Ikonmalerei, стр. 60—61, воспр. 28.

⁸ Д. В. Айналов не аргументирует свое предположение. Можно думать, что в его суждении имел значение серый фон различных оттенков (преимущественно цвета серебра) на фаюмских портретах. См. А. Стрелков. Фаюмский портрет. М., 1936, описание таблиц III, IV, V и др.

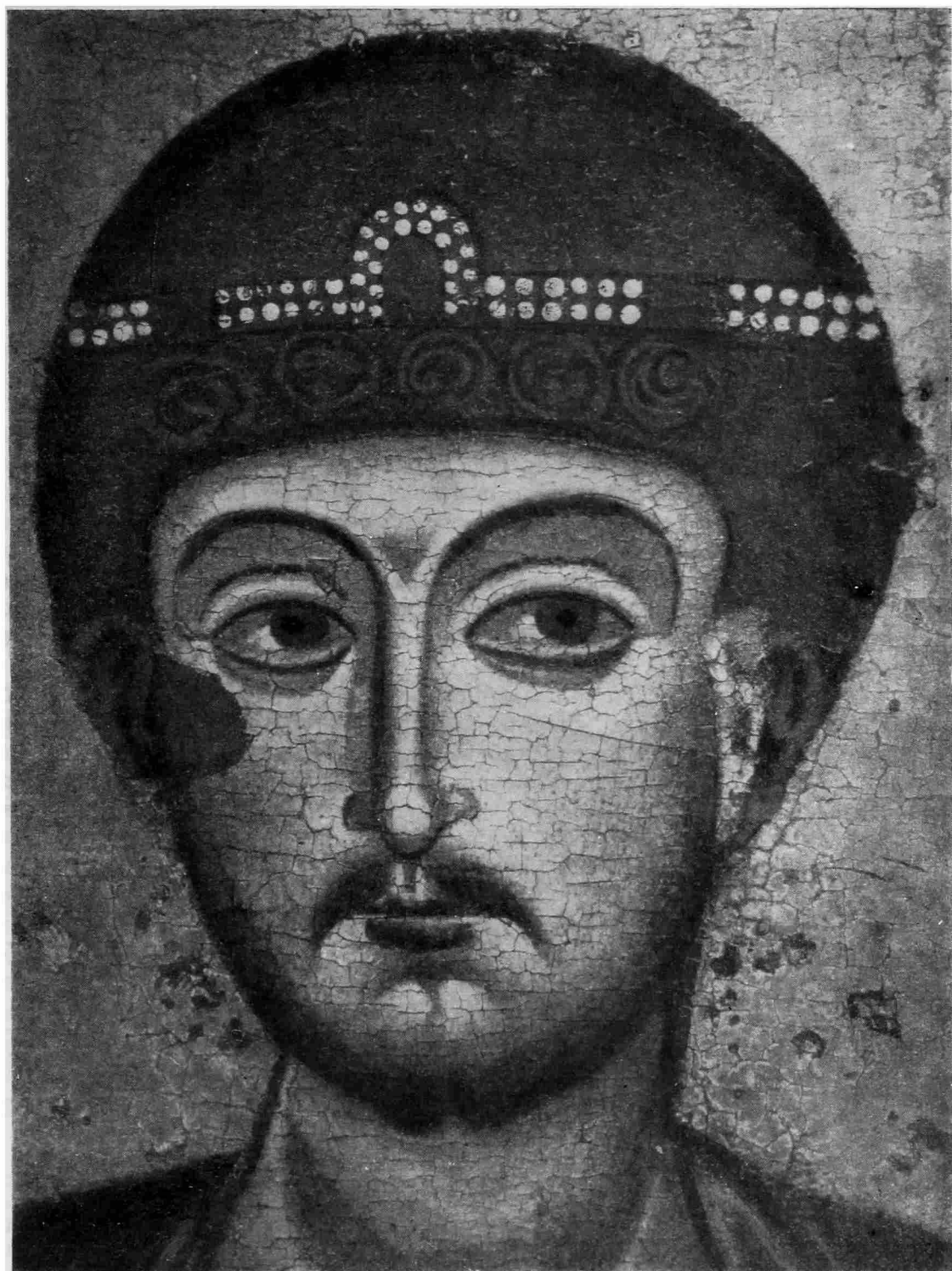

Рис. 24. Голова Дмитрия Солунского. Деталь иконы XII в.
(Государственная Третьяковская галерея)

Эти разноречивые суждения суммировал А. И. Некрасов¹, считая икону Дмитрия Солунского произведением второй половины XII в., связанным с южнорусской школой, но особенно близким к «прилепам эпохи Всеволода III». В. Н. Лазарев подчеркивает близость дмитровского памятника к рельефу из собора св. Марка в Венеции, сравнивая в то же время лицо Дмитрия с портретом Владислава в росписях Милешова².

М. К. Каргер, упомянув о портретных чертах иконы Дмитрия Солунского, считает ее, связанную по стилю с убранством Дмитровского собора, произведением Владимирского искусства³.

2

Среди известных в настоящее время русских домонгольских икон только две отмечены признаком, обособляющим их среди других современных им памятников — светлой серо-зеленоватой карнацией лиц, подобной «белому вохрению», распространившемся на Руси в XIII—XIV веках. Это икона Дмитрия Солунского и икона XII в. в ГРМ № 3844 — «Влахернская «богоматерь» из Старой Руссы⁴ (рис. 25).

Икона ГРМ, значительно менее совершенная по мастерству, чем Дмитрий Солунский, сохранила почти всю первоначальную красочную поверхность, но время исказило цвет и плотность красок. Ее необычное колористическое решение сходно с дмитровской иконой — это та же гамма, где серебро, киноварь, темная лазурь и охра оттеняют как бы изваянное из нефрита лицо, оживляемое алым румянцем. Такое сочетание красок отмечено в автором «Слова о полку Игореве», тонко чувствовавшим цвет: «Чрьлен стяг, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие...».

Сближение дмитровской и влахернской икон является результатом восстановления колорита двух сильно поврежденных временем памятников, происхождение которых, в особенности иконы Русского музея, загадочно. Но они сохранили некоторые признаки, позволяющие связать их с живописью древнего Киева.

Д. В. Айналов⁵ справедливо указывал на сходство типа лица дмитровской иконы с мозаичным изображением Дмитрия Солунского XI—XII вв. в ГТГ из Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве⁶. Этот тип восходит к фреске воина Марина в Киевской Софии⁷ (рис. 26), представляя собой воплощение эллинистического образа героя, «прекрасного и доблестного»⁸. Античная округлость и правильность лица Дмитрия Солунского на иконе может быть сравнена с обликом «архидиакона Стефана»

¹ А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 121—122, воспр. 73.

² В. Н. Лазарев. История византийской живописи. М., 1947, т. I, стр. 143, 332; т. II, М., 1948, табл. 220 и 221.

³ История культуры древней Руси, II, М.—Л., 1951, стр. 390.

⁴ Поступила в ГРМ в 1927 г. от Д. С. Большакова. Приобретена им в Старой Руссе; по преданию, происходит из Византии, из храма Влахернской богородицы. Доска липовая с ковчегом, из двух частей. Шпонки накладные, прибитые коваными гвоздями. Крупнозернистая паволока различима на всей поверхности. Позднейшие вставки: по средней трещине, в левой нижней части иконы, в верхней части бокового и на верхнем поле. Размер 101×82.

⁵ D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentums Moskau. Berlin u. Leipzig, 1933, стр. 60—61.

⁶ № 09576, 222×129. Находилась на алтарном столбе собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, на уровне хор. См. Н. Закревский. Описание Киева, т. II, М., 1868, стр. 539.

⁷ Марин-воин. Изображение в рост (раскрыта лишь верхняя часть фигуры) находится на восточной грани юго-восточного столба главного нефа Киевской Софии на уровне человеческого роста. Раскрыта в 1930 г. П. И. Юкиным.

⁸ Античная характеристика облика героя, возникшая не ранее V в. до н. э.

Рис. 25. Влахернская богоматерь. Икона XII в. из Старой Руссы (Государственный русский музей)

Рис. 26. Марин. Фреска XI в. в Софийском соборе Киева

Рис. 27. Дмитрий (Солунский). Рельеф в соборе св. Марка в Венеции

Рис. 28. Голова Дмитрия Солунского. Деталь псковской иконы XV в. (Государственный русский музей)

в софийских мозаиках, а его портретная конкретность вызывает в памяти лицо Анастасии Ярославны, изображенной на фреске Киевской Софии¹.

О киевских истоках говорят также детали дмитровской иконы. Рисунок и размер правой руки Дмитрия на иконе близок к изображению рук на михайловской мозаике, а также на иконе Великой Панагии в ГТГ, № 12796.

Черты лица грубоватой «Влахернской» на иконе в ГРМ с ее огромными удлинненными глазами, крупным носом и маленьким ртом восходят к типу архангела Михаила на киевской иконе XII в. (№ 5798 в ГРМ). Рисунок рта сближает ее с упоминавшимся выше изображением Анастасии Ярославны. О киевской школе свидетельствует характерная деталь — заостренные уши младенца, как и на изображениях в мозаике главной абсиды Киевской Софии. Смутное предание связывает эту икону также с Киевом. «Влахернская богоматерь» наряду с другими влахернскими реликвиями, могла быть особенно почитаемой в Киево-Печерской Лавре². Карнация лиц обоих памятников, восходящая к набору светлых камней на лицах мозаичных изображений, могла появиться в станковой живописи именно у русских учеников греческих мозаичистов. Эта преемственность отмечается и в Киево-Печерском патерике³.

Возможно, что несколько примитивная Влахернская богоматерь написана робкой кистью еще неумелого ученика раньше иконы Дмитрия Солунского, талантливого творения зрелого русского художника конца XII века. Наряду с колоритом, о связи этих двух икон свидетельствует сходство структуры лица Спаса в облаках на Дмитровской иконе с пропорциями и рисунком лица Влахернской богоматери.

О киевских истоках говорит также поза Дмитрия Солунского. Указанный И. Э. Грабарем мраморный рельеф собора св. Марка в Венеции (рис. 27), попавший туда, по мнению Д. В. Айналова⁴, из Константинополя, связан с зарождением культа Дмитрия еще в Солуни. Иоанн, архиепископ Солунский (первая половина VII в.), говорит об иконах, где святой был представлен восседающим на золотом троне⁵. В последующие века в Константинополе построены девять храмов в честь Дмитрия. Особого расцвета достиг культ Дмитрия при императорах Македонской династии (867—1056), что обусловлено происхождением династии и ее связью с Солунией. Почитание Дмитрия Солунского, возникшее в Киеве при князе Изяслав-Дмитрии Ярославиче около 1054 г., связано, весьма вероятно, с популярностью святого в Константинополе.

Предположение о киевских истоках стиля дмитровской иконы не помогает раскрытию ее смысла. И лицо и поза Дмитрия необычны для изображений в ту эпоху на Руси.

¹ В связи с путаницей, в которую впал издавший впервые фрески с изображением дочерей Ярослава И. Скуленко (Реставрация б. Софийского собора в Киеве. Советский музей, 1936 г., № 3, стр. 55—59), принято это лицо считать Елизаветой Ярославной. Между тем это ошибочно, так как на фреске первой после матери изображена старшая дочь — Анна, потом средняя — Анастасия и, наконец, младшая — Елизавета. См. Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М., 1945, стр. 37.

² См. богоматерь типа Умиление, но с надписью на окладе «Влахернитисса», в Бачко (Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911, стр. 136, прил. 1 и рис. 314). Композиция, а также необычное наименование типа Умиление — Влахернской сближает ее с Влахернской из Старой Руссы.

³ Киево-Печерский патерик, изд. Археографической комиссии. М., 1911, стр. 121.

⁴ Д. В. Айналов в 1937 г. сообщил мне, что, по его мнению, рельеф с изображением Дмитрия привезен в Венецию крестоносцами, похитившими его в 1204 г. в Константинополе.

⁵ Ф. И. Успенский. О вновь открытых мозаиках в церкви св. Дмитрия в Солуни. Известия Русского археологического института в Константинополе, т. XIV, I. София, 1909, стр. 18.

Наиболее древнее киевское изображение Дмитрия Солунского на шиферном рельефе Михайловского монастыря (ныне в ГТГ) воплощает его в виде всадника, поражающего поверженного врага копьем в сердце.

Позже Дмитрий — всадник получает широкое распространение на иконах¹. Реже встречается тронный Дмитрий², на поздних иконах его поза трактована как эпизод жития: под ногами Дмитрия — скорпион, умерщвленный его молитвой, а над головой — ангел с венцом.

Совершенно исключительным является лицо дмитровской иконы, представляющее Дмитрия Солунского человеком средних лет, с усами и бородой.

Наиболее характерным типом лица Дмитрия в Византии является переносная мозаика монастыря св. Екатерины на Синае, относимая Н. П. Кондаковым к VIII—IX вв.³, а М. В. Алпатовым и В. Н. Лазаревым — к XI веку⁴, где оно изображено совершенно юным, безбородым и безусым. Таким мы видим лицо Дмитрия Солунского на всех без исключения русских иконах. Юными представлены и разящий всадник и воин. Примером наиболее яркого воплощения этого повсеместно распространенного типа служит псковская икона XV в. в ГРМ⁵ (рис. 28). Документальное псковское происхождение этого памятника придает его иконографии характер веского свидетельства, так как еще в XVI в. Псков был признан хранителем древних иконографических традиций⁶.

Классическим изображением юного Дмитрия Солунского, восходящим к византийскому прообразу, являлась в домонгольскую эпоху на Руси стоящая фигура, либо опирающаяся на щит и копье⁷, либо держащая в руках полуобнаженный меч⁸.

Этот тип получает распространение на печатях, что доказывает его широкую популярность.

На печатях князя Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо изображен стоящий во весь рост Дмитрий Солунский, вынимающий правой рукой меч из ножен, придерживаемых левой рукой⁹. Возможно, что такого типа изображение патрона помещено кн. Всеволодом по традиции, так как на печатях его отца Юрия Долгорукого соименный ему Георгий изображен в той же

¹ Эта композиция получает название чуда Дмитрия Солунского. См., например, иконы ГТГ № 14654, XVI в.; № 12804, XVI—XVII в.; № п. 5666/185, 1610 г.

² Дмитрий Солунский на троне с мечом в руках был изображен среди росписей в северо-восточной части церкви Спаса Преображения в Ковалеве, 1382 г. в Новгороде; на иконах XV в. новгородского музея (из Борисоглебской и Дмитриевской в Кожевниках церквей в Новгороде); на иконе Дмитрия Солунского в ГТГ № 14589, XVI в. (с копьем и щитом в руках, под ногами — лев); на наружной фреске XVI—XVII в. церкви Дмитрия Солунского в Новгороде; на иконе XVII в. в церкви Дмитрия Солунского в Дьяковской слободе Устюга Великого.

³ Памятники Синая археологические и палеографические, вып. I, под ред. В. Н. Бенешевича, текст Н. П. Кондакова. Л., 1925, стр. 30—39, табл. 20.

⁴ М. Alpatov. Geschichte der altrussischen Malerei und Plastik, в книге М. Alpatov u. Grunov. Altrussische Kunst, Augsburg, 1932, стр. 249—250, рис. 161.

⁵ № В/49 из церкви Варвары. Доска сосновая, шпонки сквозные сосновые. Павлока крупнзернистая. 87 × 67.

⁶ После московского пожара 1547 г. в Кремль для написания икон в Благовещенский собор были вызваны мастера из городов, издавна известных своим иконописным мастерством. Этими городами были Новгород, Псков и Дмитров.

⁷ См. мозаику XI—XII в. в ГТГ № 09576, а также клейма басменного оклада 1586 г. в ГИМ.

⁸ Резная шиферная икона Дмитрия и Георгия, Эрмитаж, инв. отд. средних веков № 7288, перв. половины XII в. (С. Гайдин. Резная шиферная икона св. Дмитрия и Георгия, Гос. Эрмитаж, Сборник, вып. II, Петербург, 1923, стр. 31—42, табл. II); фрески церквей Западной Македонии (П. Милюков. Христианские древности Западной Македонии. Известия Русского археологического института в Константинополе, IV, I, 1899, стр. 57, 71—72, 61); икона Дмитрия Солунского XIV в. в ГРМ, № 1948 (Русская Икона, I, 1914, стр. 17 и The Russian Icon by Nikodim Pavlovich Kondakov, transl. by Ellis H. Minns. Oxford, 1927, табл. XI).

⁹ Н. П. Лихачев. Таблицы к вып. I материалов по истории византийской и русской сфрагистики. Л. 1928, табл. I, № 25 и табл. XXVI, № 9.

позе¹. Однако на печатях сыновей Всеволода — Константина (1186—1218) и Святослава (род. в 1196 г.) патрон их отца представлен иначе: он стоит с копьем в руке, опираясь на щит². Несмотря на это, Дмитрий Солунский с полуобнаженным мечом получил некоторое распространение на неизученных еще печатях³. Характерно, что Всеволод-Дмитрий изображает своего патрона с описанным выше жестом, но, по традиции, в рост. Тем значительнее и поза и лицо Дмитрия Солунского на иконе из Дмитрова, связываемой смутной легендой с личностью Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо.

Рис. 29. | Дмитрий. Каменная икона XIII в. (Государственный исторический музей в Москве)

Как показывают памятники иконописи⁴, загадочное значение тронного Дмитрия было быстро забыто. Однако традиция долго хранит этот тип в мелкой пластике⁵ (рис. 29), что является доказательством первоначальной жизненности и понятности изображения Дмитрия на троне с мечом в руках.

3

Анализ памятников миниатюры XIII—XV вв., где встречается тронный воин с мечом, проливает некоторый свет на смысл этого изображения. Во Временнике Георгия Амартола 1294 г., там,

где говорится о покорении 32 царей Моисеем, он представлен в виде воина на троне с полуобнаженным мечом в руках⁶.

В Хлудовской Симоновой псалтыри конца XIII в.⁷ на маргинальной миниатюре л. 283 изображен царь Навуходоносор в венце, на троне, с полуобнаженным мечом в руках. Он — всевластный владыка, перед ним стоят Анания, Азария и Мисаил.

В Кенигсбергской летописи XV в., воспроизводящей образец XII в., на листе 38 внизу в этой позе представлен князь Святослав Игоревич, принимающий греческих послов. На листе 83 вверху, после слов «Ярослав же седе Киеве, утер пота с дружиною своею показав победу и труд велик» так изображен Ярослав Владимирович. Из смысла предшествующего миниатюрам текста явствует, что эта поза означает занятие великокняжеского стола, вокняжение.

Привлечение впервые указанного И. Э. Грабарем рельефа с изображением Дмитрия Солунского в соборе св. Марка в Венеции помогает окончательно раскрыть смысл позы. В том же соборе среди мозаичных изображений 1342 г., в куполе крещальни представлены девять чинов ангельских с

¹ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 37.

² Там же, рис. 30 и 29.

³ Там же, таблицы XXVI, № 2; XLI, № 12; LI, № 10 (?); LIV, № 11 (?), а также рис. 35.

⁴ См. Alpatov. Geschichte der altrussischen Malerei und Plastik, стр. 249—250.

⁵ См., например, двусторонний каменный резной образец XIII в. в ГИМ (ОК 9111; ГИМ 74467), размер 6,2 × 5,5. На лицевой стороне изображен Дмитрий Солунский, сидящий на троне с мечом в руках, на обороте — Никола и семь отроков Эфесских. За указание на эту икону приношу благодарность Б. А. Рыбакову.

⁶ Всесоюзная публичная библиотека им. В. И. Ленина, № фонд. 100, на л. 71 об.

⁷ ГИМ, Хлуд. 3.

атрибутами, соответствующими их служению. Среди них находится «ангел начал» в воинских доспехах, сидящий на троне с обнаженным мечом¹. Еще Бернард Клервоский (ум. в 1178 г.) учил, что «ангелы начал и господств» царствуют как цари. Яков де Ворагине, написавший в 1255 г. свои ставшие классическими на западе «Жития святых» (*Legenda Aurea*), поясняет, что ангелы начал управляют провинциями, в отличие от ангелов господств, управляющим миром².

Сближение значения власти князя с ролью ангелов господств находится и в русских источниках.

В Лаврентьевской летописи под 1206 г. описывается, как Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо провожает своего сына Константина на княжение в Новгород Великий: «И да ему отец крест честны и мечь, река: „се ти буди скранныи и помощник, а мечь прещенье и опасенье, иже ныне даю ти пасти люди своя от противных“... и целовав и, отпусти... И пришедшу ему (Константину.— В. А.) в церковь святые Софья и посадиша и на стол... оттоле прииде в свою обитель, и мужи Новгородские учредив, отпусти их с честью и потомь поча ряды правити... и Господь рече: цесари стран владуть ими, и князи обладають ими; суть си ангелы нарицаемии господства. И потом утвердися в своем честнемь княженьи»³. Как известно, Константин княжил в Новгороде всего год, после чего Всеволод отзывает его и дает ему Ростов и другие пять городов. Но владимирский летописец воспользовался этим кратким эпизодом биографии Константина, чтобы изложить свою теорию и оценку княжеской власти, приравнивая ее к роли ангелов господств. Он подробно останавливается и на значении священных атрибутов князя — кресте и мече. Еще раньше, в рассуждении по поводу убийства брата и предшественника Всеволода III — Андрея Боголюбского, основоположника могущества владимирской династии, — летописец оправдывал княжеское право казнить и миловать. Опираясь на Иоанна Златоуста в утверждении, что «естеством бо земным подобен есть всякому человеку цесарь, властью же сана яко бог», летописец даже образно комментирует эту мысль — «князь бо не туне мечь носить, божий бо слуга есть»⁴. В свете этого представления о мече как символе «божьего слуги» изображение на дмитровской иконе приобретает живой и яркий смысл.

В соответствии с западными и русскими источниками, восходящими, по всей вероятности, к сочинениям Дионисия Ареопагита, в позе правителя провинции — архонта представлен Дмитрий Солунский и на мраморном рельефе собора св. Марка. Известно, что русские великие князья, вслед за греческими источниками, называли себя архонтами⁵. Среди русских князей домонгольского периода Всеволод III был первым, получившим в 1185—1186 гг. титул великого князя⁶.

Возможно, что в память этого знаменательного события Всеволод приказал изобразить своего патрона Дмитрия Солунского с полуобнаженным мечом в позе русского великого князя-архонта, с княжеской стеммой на голове, но с крестом на шее, по русскому обычаю. Художник, повидимому, придал лицу солунского святого возрастные черты князя-заказчика: на дмитровской иконе перед нами не византийский хрупкий юноша, а крепкий

¹ Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV в. Пг., 1917, стр. 60—63, табл. IV.

² Didron. Manuel d'iconographie. Paris, 1845, стр. 210.

³ Лаврентьевская летопись под 1206 г.

⁴ Там же, под 1175 г.

⁵ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 156, примеч. 2; см. также Пл. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 32 и 35—37; Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, стр. 101—102.

⁶ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 81—82. См. также М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись, Уч. зап. Ленинградского университета, № 32, серия истор. наук, вып. 2. Л., 1939, стр. 112.

русский человек средних лет, с усами и с бородой. Князю Всеволоду в это время было 32 года.

Можно думать, что для написания столь важной иконы Всеволод призвал опытного киевского мастера. Об этом свидетельствует стиль дмитровской иконы. Создавая апофеоз своей власти, Всеволод воплотил его, согласно средневековой идеологии, в образе своего патрона.

Незадолго до этого, в 1181 г., противник Всеволода, Святослав Всеволодович, сын великого князя киевского, пожег Дмитров. Весьма вероятно, что четыре года спустя дмитровская икона явилась вкладом Всеволода в разоренную отчину, своеобразной меморией городу, основанному в его честь. Дмитровское изображение солунского святого, наделенное перечисленными выше атрибутами русского великого князя и, повидимому, некоторым сходством с самим Всеволодом, было русским нарушением канона. Поэтому, когда понадобилась храмовая икона этого святого для Дмитровского собора на княжеском дворе во Владимире, то Всеволод послал за соответствующими реликвиями в Солунь. Древнее изображение Солунского святого на привезенной оттуда «дске гробной» не сохранилось¹.

Русское олицетворение Дмитрия Солунского в виде воинственного героя — победоносного великого князя — получило распространение в более свободной и близкой народу мелкой пластике и книжной иллюстрации, где князь-герой представлен на троне со священным мечом в руках. Образцом для этих изображений послужило произведение русского живописца конца XII века, увековечившее эпический образ Всеволода Великого, князя-борца за единство Русской земли, в облике его солунского патрона.

Суждение об иконе Дмитрия Солунского из Дмитрова как о героизированном портрете высказано впервые И. Э. Грабарем в 1929 г. Надо полагать, что оно возникло на основании домыслов коллекционеров, вывезших икону из Дмитрова. Впоследствии эта традиция, подкреплённая случайными наблюдениями и произвольной, зачастую ненаучной аргументацией, получила широкое распространение². После определения Б. А. Рыбаковым³ родового знака Всеволода Большое Гнездо, обнаруженного мною на правой части спинки трона (письма XVI в.), суждение о дмитровской иконе-портрете попало на страницы ученой литературы⁴.

4

Попытка анализа истории и стиля этой иконы позволяет сравнить ее образ с русскими и византийскими портретами того времени.

В русском домонгольском портрете нельзя провести резкую грань между

¹ Н. А. Скворцов. Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 235. По надписям на иконе, она была принесена из Солуни в 1177 г., перенесена в Москву в 1380 г., обновлена в 1517 г. и 1701 г. (Корнилием Улановым). В ГИМ хранится копия этой иконы 1586 г., вложенная Д. И. Годуновым в Ипатьевский монастырь в Костроме (см. ГИМ 75304; ОК9106); она обложена серебряным с позолотой басменным окладом. За ознакомление с этим памятником приношу благодарность М. М. Постниковой. Нам представляется, что средник передает реставрацию 1517 г.; лишь в клеймах оклада, копировавшего существовавшие тогда древние украшения «дски гробной», воспроизводившие начальный вид оригинала, перед нами Дмитрий Солунский, опирающийся на меч и копье, в согласии с иконографией XII века (см. клеймо внизу посредине и «чудо о двою девицю» слева).

² В статье П. Л. Вайнштейнер «Слово о полку Игореве» в Музее истории древнерусской литературы («Слово о полку Игореве», сборник статей, Гослитмузей, М., 1947, стр. 149 и 153) автор, выводя икону из Дмитровского собора во Владимире(!), называет ее «типологической параллелью» образа Всеволода III.

³ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940, стр. 235—236.

⁴ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Уч. зап. МГУ, вып. 99. М., 1946, стр. 52—53.

светскими и священными изображениями. Признаком святости принято считать нимб. Среди известных нам девяти портретных изображений той эпохи четыре бесспорно не имеют нимбов: выходная миниатюра Изборника Святослава 1073 г., изображающая князя Святослава Ярославича и его семью¹, русские миниатюры Трирской псалтири конца XI в. с портретами князя Петра-Ярополка и его жены², недавно определенный Н. Н. Ворониным³ скульптурный портрет Всеволода Большое Гнездо с его пятью сыновьями на северной стене Дмитровского собора во Владимире, а также портрет князя Ярослава Владимировича в Нередице. Пять других портретов отмечены нимбами: фресковое изображение Владимира Святославича, Ярослава Владимировича и его семьи в западной части Киевской Софии⁴, скульптурные портреты князей Ярослава Владимировича и Изяслава Ярославича на рельефах из Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве⁵, изображение князей Ярослава и Святослава на западной стене Великой Лаврской церкви⁶, Ольги и Владимира — на наружной фреске Нередицы⁷ и изображение князя на миниатюре Слова Ипполита папы римского XII в.

Нужно думать, что это различие не случайно: нимбов нет на изображениях интимного характера — в книгах княжеской библиотеки, на стене храма на княжем дворе. Нимбы неизбежно сопутствуют портретам общественного назначения — в соборах и монастырях.

Таким образом, наличие или отсутствие нимба не может служить признаком сакрального или светского изображения: в применении к портретам князей оно говорит лишь о назначении их. Возможно, что дмитровская икона без нимба первоначально являлась личной собственностью князя, о чем свидетельствует его родовой знак, воспроизведенный и при реставрации XVI в. Кроме того, известно, что нимбом отмечены все портреты императоров и императриц в Византии⁸; соперничая с Византией и борясь с ее «гегемонией», русские князья переносили и на себя представления о святости императора. В соответствии с этим, среди русских портретов встречаются изображения с нимбом. Отсутствие его на дмитровской иконе еще не служит доказательством портретности, но, бесспорно, неизвестны образы святых — иконы в церковном смысле слова — без нимбов.

Неизмеримо больше для понимания назначения дмитровского изображения дает анализ образа в целом. Лицо, движения и поза проникнуты горделивым величием, превосходящим по своей силе все известные изображения святых того времени. Сидящая фигура занимает всю икону — ноги и голова почти упираются в ее поля. Героическая приподнятость образа дмитровской иконы приближается к величию императора Василия II Болгаробойцы (976—1025 гг.), нарисованного стоящим во весь свой большой

¹ Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, стр. 39—42.

² Там же, стр. 11—18 и 27—32.

³ Н. Н. Воронин. Скульптурный портрет Всеволода III. КСИИМК, вып. XXXIX.

⁴ Описание Киево-Софийского собора Эриха Ляссоты 1594 г. Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей, II, Киев, 1874, стр. 16. См. также Н. И. Брунов. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры XI—XII в. Русская архитектура, сборник под ред. В. А. Шкварикова. М., 1940, стр. 116. Несмотря на указания источников XVI и XVII вв. и данных самого памятника, П. И. Юкин счистил нимбы у уцелевших фигур этой композиции.

⁵ А. И. Некрасов. Рельефні портрети XI століття, Науковий збірник УАН. Київ, 1925 (XX), стр. 16—40.

⁶ Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 1897, вып. II, стр. 47; возможно, что живопись, виденная Павлом Алеппским, повторяла древнюю фреску.

⁷ N. Syčev. Sur l'histoire de l'église du Sauveur à Neredicy près Novgorod. L'art byzantin chez les slaves. Paris, 1932, стр. 94—108.

⁸ См., например, J. Ebersolt. La miniature byzantine. Paris et Bruxelles, 1926, табл. XXIV; XXXI, I; XXXII.

рост на миниатюре лицевой псалтыри, исполненной для него в начале XI века¹. Его повелительная осанка должна была заставлять религиозных людей того времени верить, что ему повинуются и земля и небо. В этом и заключается классовый смысл подобных изображений.

Икона Дмитрия Солунского из Дмитрова — памятник эпохи расцвета Владимиро-Суздальской Руси — заставляет вспомнить данную Марксом блестящую характеристику значения религии в политике другого русского князя, который сочетал «теократический деспотизм порфирородных» с военной властью и стал одновременно государем своих подданных на земле и их кровителем и заступником на небе².

Таким же всеильным владыкой, наделенным сверхъестественным могуществом, представлен князь-архонт на дмитровской иконе.

«Слово о полку Игореве» отмечает общерусскую известность героя дмитровской иконы — Всеволода III — поэтической гиперболой, которую и воплотил в живописи русский художник XII века: «Великий княже Всеволоде! не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можешши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти...»³.

Как «Слово о полку Игореве», так и дмитровская икона, каждые по своему, отразили общерусское значение могучей личности и деятельности «великого Всеволода». Великокняжеский титул Всеволода отражал растущую мощь Владимирской земли. Владимирское летописание его времени проникнуто задачей возвеличения и оправдания политики Всеволода и аргументации ее общерусского значения. Изображения сцен вокняжения в миниатюрах Кенигсбергского списка (передающих оригиналы владимирской лицевой летописи начала XIII в.) с фигурой князя в позе Дмитрия с дмитровской иконы подкрепляют наше понимание замысла ее образа.

Спорным остается вновь поставленный нами вопрос: можно ли видеть в этом образе какие-либо портретные черты его заказчика Всеволода III? Этот вопрос может быть окончательно разрешен только в итоге изучения природы русского средневекового портрета. Даже беглое ознакомление с историей портрета на Руси XVI—XVII вв. (в эпоху, когда существование его бесспорно) позволяет утверждать, что и в то время не было ощутительной разницы в понимании портрета и иконы. Цари изображаются на иконах и в росписях так же, как и святые. Они, в согласии с древней византийской традицией, «святые» в силу своего сана.

Иконные портреты существовали в Киевской Руси в XI в.: об этом свидетельствует Киево-Печерский патерик в «Слове о пришествии писцев церковных ко игумену Никону»⁴. Греческие художники, прибывшие в Киево-Печерскую лавру после смерти Антония и Феодосия, узнают по иконам, что они видели их раньше.

В XII веке, когда представление о божественном происхождении власти было еще более актуальным, чем на сто лет раньше, могли возникнуть и «христиански-героические» иконы — портреты князей. Весьма возможно, что дмитровская икона принадлежит к их числу.

¹ См. J. Ebersolt. La miniature byzantine. Paris et Bruxelles, 1926, табл. XXIV.

² К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в. См. упомянутое место у С. В. Бахрушина. К вопросу о крещении Киевской Руси. «Историк марксист», 1937, кн. 2, стр. 68.

³ «Слово о полку Игореве», М., 1920, стр. 28.

⁴ Киево-Печерский патерик, изд. Археологической комиссии, СПб., 1911, стр. 8.

III. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. В. КУХАРЕНКО

О НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДКАХ НА ХАРЬКОВЩИНЕ

В фондах Государственного исторического музея (г. Москва) хранится чрезвычайно интересный комплекс вещей, найденный в 1891 г. близ с. Тополи, Купянского уезда Харьковской губ.¹ В состав комплекса входят: сабля, наконечник копья, три наконечника стрел, топор, нож, удила, четыре целых и одно фрагментированное стремя, серп, дужка от котла, обломки такой же дужки, две цепи для подвешивания котла, фибула, пряжка, наконечник и три нашивные бляшки от ремня, обломок гвоздя, небольшая желобчатая скоба и бронзовая поделка в виде маленькой скобки. Все вещи носят на себе следы пребывания в огне. Железные предметы покрыты окалинной, некоторые бронзовые, например нашивные бляшки, сплавившись.

Вещи поступили в музей в июне 1892 г. из Археологической комиссии². Условия находки их не известны. Во всяком случае ни в отношении Археологической комиссии, ни в кратком упоминании о вещах в опубликованном отчете этой же комиссии за 1891 г.³ об этом ничего не говорится. Это обстоятельство и затруднило публикацию указанных вещей, так как неясно было, действительно ли они составляют один археологический комплекс или же являются случайным собранием одновременно бытовавших предметов.

Летом 1949 г. во время раскопок, произведенных автором на могильнике в Ново-Покровке на Харьковщине, были обнаружены еще два аналогичных комплекса вещей. В свете этих находок стали более понятными и вещи из Тополи. Во всяком случае теперь уже не приходится сомневаться в том, что они составляют один археологический комплекс.

Приводим краткое описание вещей из этого комплекса.

Сабля (рис. 30—4), сделанная из сравнительно хорошей стали. Имеет узкий и длинный клинок. Изгиб его небольшой, и на первый взгляд сабля кажется прямой. Лезвие одностороннее, но конец клинка на протяжении 15 см.—двусторонний. Черенок для насадки рукоятки плоский, брусковидный и выкован вместе с клинком. Продольные оси клинка и черенка совпадают, следовательно, рукоятка сабли не имела наклона вперед. На основание клинка надета узкая плоская железная обоймочка. Сторона ее, обращенная к рукоятке сабли, образует небольшое углубление вокруг основания черенка, куда, повидимому, входила нижняя часть рукоятки.

¹ Коллекционный номер по инвентарной книге ГИМ — 25518.

² Отношение Археологической комиссии от 30 мая 1892 г. за № 758. Архив II Археологического отдела ГИМ, дело № 62, стр. 147—148.

³ Отчет Археологической комиссии за 1891 г. СПб., 1893, стр. 128, 186—187.

Перекрестие сабли напускное, брусковидное, прямое, слегка расширяющееся к середине. В плане оно имеет форму ромба. Длина сабли вместе с черенком рукоятки 87 см, в том числе длина клинка 78 см. Ширина клинка 3 см.

Сабля согнута вдвое. При этом клинок ее переломился на две части. Сгибание произведено после соответствующего нагрева сабли на костре, о чем свидетельствует сильная окалина на ее поверхности.

Наконечник копья (рис. 30—1), сделанный из железа, имеет постепенно утончающееся штыковидное острие и полуу, расширяющуюся книзу

втулку. Острие в поперечном сечении ромбическое. На конце втулки — небольшое ушко. Длина наконечника вместе со втулкой 32,5 см, длина острия — 17,5 см.

Наконечники стрел (рис. 31—6—8). Всего в комплексе имеется три железных наконечника стрел длиной от 6,8 до 7,2 см. Все они черешковые, с перехватом у основания черешка. Два имеют трехлопастные острия, третий — четырехгранное.

Нож (рис. 30—3). Лезвие прямое, одностороннее. Конец его двусторонний. Черенок прямой, брусковидный, наклонен вперед. Как и у сабли, на черенок надето прямое перекрестие, а на основание лезвия — обоймочка. Длина ножа вместе с черенком 24 см, в том числе длина лезвия 16 см.

Топор (рис. 30—2). Довольно массивный, сде-

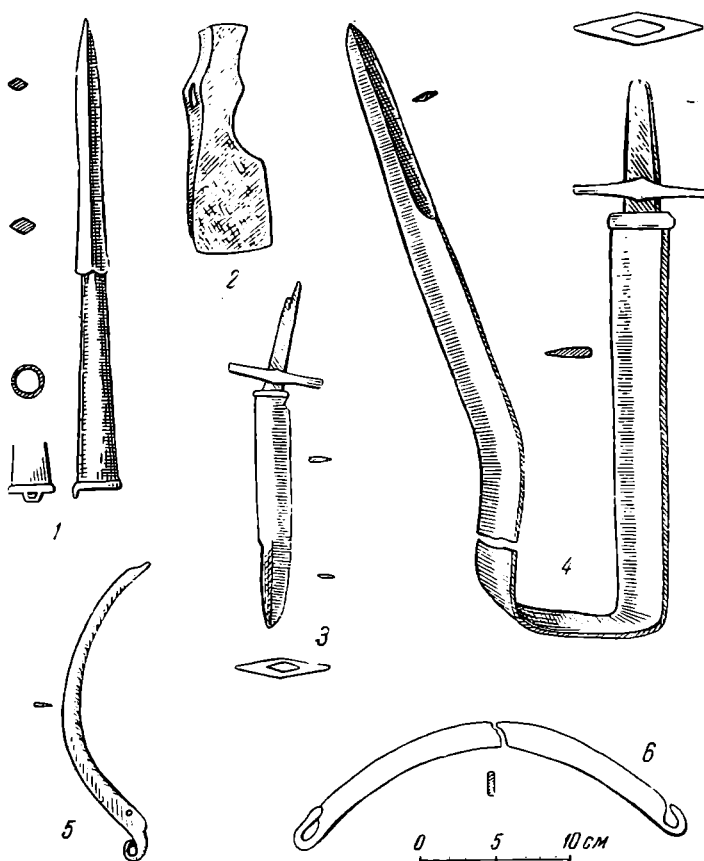

Рис. 30. Вещи из комплекса, найденного у с. Тополи

лан из железа. Лезвие узкое, обух — четырехгранный. Длина топора 16 см, ширина лезвия 5 см.

Серп (рис. 30—5). Небольшой, железный, слабо изогнутый. Черенок заканчивается петлей. Лезвие у основания имеет небольшое отверстие. Длина серпа 20 см, наибольшая ширина (у основания черенка) — 1,4 см.

Железная плоская дужка от котла (рис. 30—6). Переломана на две части. В комплексе имеется еще три обломка, повидимому от такой же дужки (рис. 32—7).

Две железные цепи для подвешивания котлов над очагом (рис. 31—13); каждая имеет по два ответвления, оканчивающиеся на одной из цепей плоскими загнутыми крючком железными пластинками, на другой одно — такой же пластинкой, второе — кольцом. Все звенья, а также и кольца, крученые, т. е. мастер перед тем как сковывать звенья друг с другом крутил каждое из них вокруг продольной оси. Поскольку кольца и звенья четырехгранные, поверхность их в результате такой обработки получилась весьма нарядной и напоминает стержень простейшего винта. Длина цепей (имеются ввиду длинные ответвления) 112 и 142 см.

Удила железные (рис. 32—6). Трензельное железо в сечении квадратное и состоит из двух частей, подвижно соединенных одна с другой. Свободный конец каждой из частей заканчивается двумя круглыми отверстиями. В одно из них (крайнее) продето небольшое железное кольцо, а во второе — железный псалий, один конец которого оканчивается стилизованной головкой животного (конь). От середины псалия идет, отделенное от него перехватом, четырехугольное ушко с прорезью для ремня.

Стремена (рис. 32—1—4). Всего в комплексе имеется пять стремян. Все они сделаны из железа и одинаковы по форме. Четыре из них целые, а от пятого сохранился лишь обломок (рис. 32—5). Одно из целых стремян сильно деформировано (рис. 32—4). Это полуовал с широкой, слегка вогнутой внутрь нижней пластинкой, которая по длине разделена снизу валиком. Ушко для прикрепления стремени плоское. От дуги оно отделяется перехватом и имеет четырехугольную прорезь для ремня. Дуга в сечении ромбическая. Высота стремян колеблется от 20 до 22 см, ширина нижней части 12 см, нижней пластинки — в среднем 3,5 см.

К предметам конской сбруи, повидимому, относится и большая четырехугольная железная пряжка (рис. 31—5), длиной 7 см, шириной 4,8 см.

Неизвестно назначение железной поделки, изображенной на рис. 31—12. Она представляет собою тонкий желобок, согнутый наподобие четырехугольной рамки (пазы желобка направлены внутрь), средняя часть одной из длинных сторон которой полукругом выгнута наружу. Длина рамки 10 см, ширина — 4,5 см. Рамка фрагментирована.

Неизвестно также назначение и небольшой бронзовой поделки в виде скобки (рис. 31—11). Может быть, это была какая-то часть от украшений ремня. Думается, что к ним же следует отнести бронзовую пластинку в виде полумесяца (рис. 31—3) и две бронзовые нашивные бляшки (рис. 31—9—10). Все три вещи имеют рельефно орнаментированную наружную поверхность. Нашивные бляшки деформированы — сплывались.

В комплексе имеется также железный наконечник ремня (рис. 31—2). Он состоит из двух пластинок, спаянных по краям. Поверхность его

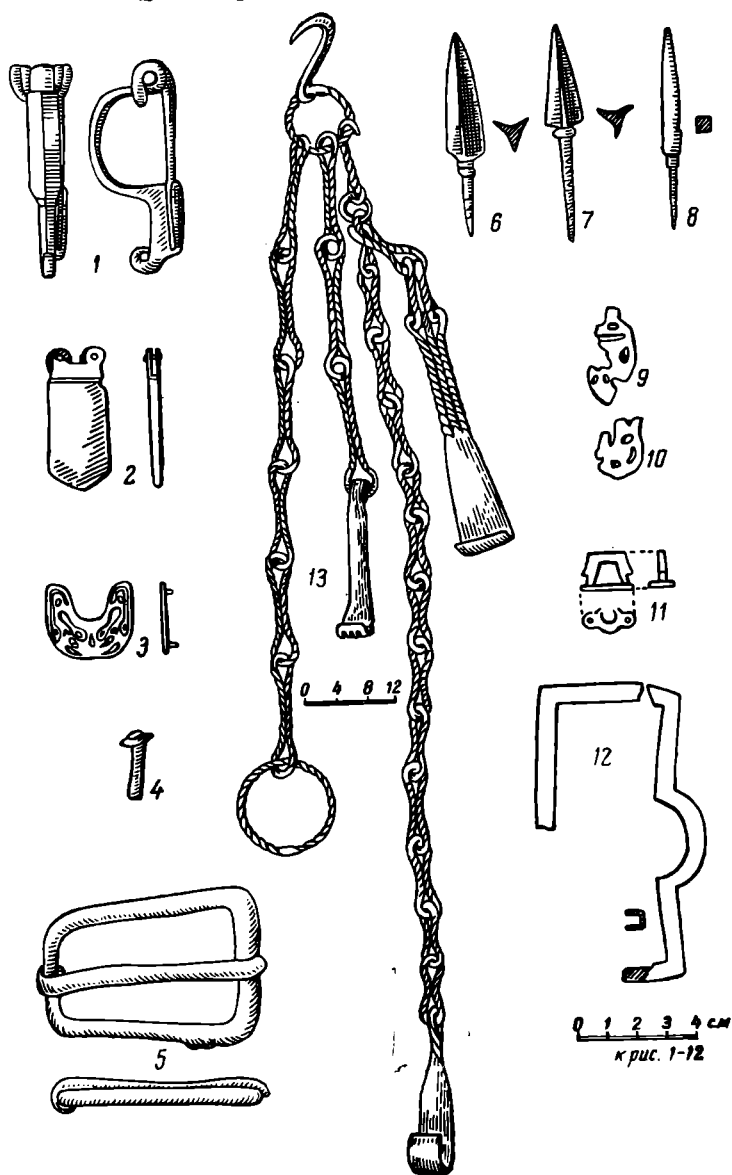

Рис. 31. Вещи из комплекса, найденного у с. Тополи

гладкая, без орнамента. В верхней части имеется небольшая поперечная бороздка.

Очень интересна массивная железная фибула с широкой, сильно профилированной спинкой (рис. 31—1). Пружина фибулы двухсторонняя, по два витка с каждой стороны. Тетива нижняя. Концы пятки загнут кверху. Приемник пластинчатый.

Наконец, в комплексе вещей имеется обломок бронзового гвоздя с конусовидной шляпкой (рис. 31—4).

Таковы предметы, найденные возле с. Тополи. В том, что они составляют один археологический комплекс, мы убедились во время раскопок

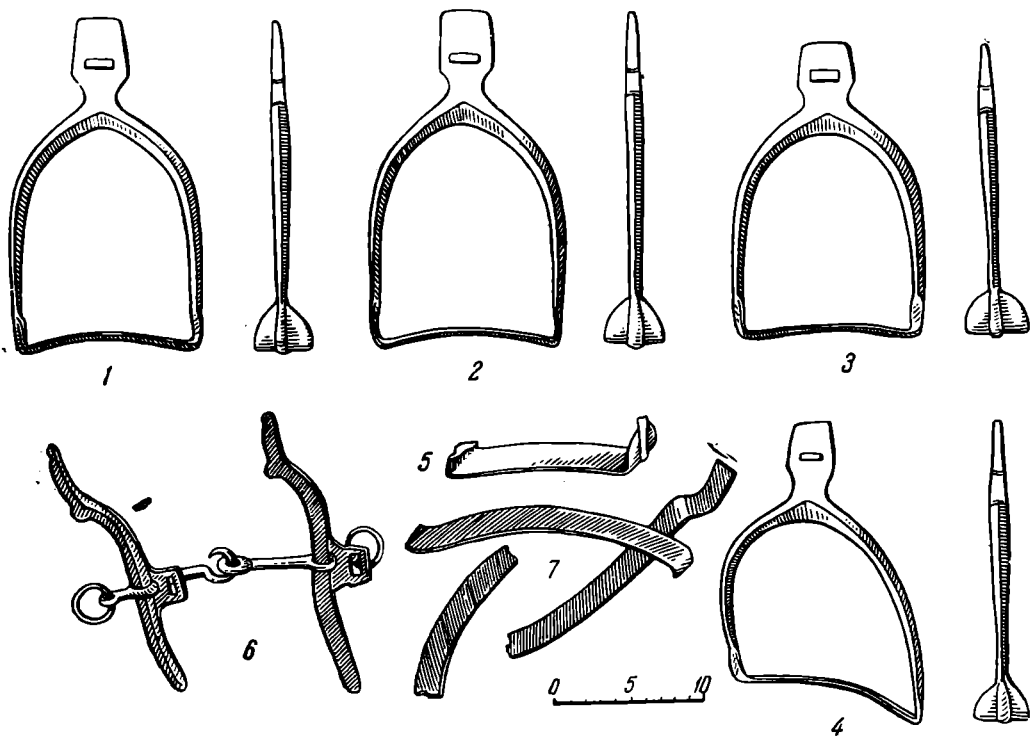

Рис. 32. Вещи из комплекса, найденного у с. Тополи

бескурганного могильника в с. Ново-Покровке, Чугуевского р-на Харьковской обл. На этом могильнике в общей сложности было вскрыто двадцать погребений и два комплекса вещей, аналогичных комплексу из с. Тополи¹. Все погребения произведены по обряду трупосожжения. Сожжение, по всей видимости, производилось на стороне. Пережженные кости покойника вместе с остатками погребального костра переносили на территорию могильника и сыпали в небольшую, округлую или прямоугольную в плане, яму. Обычно ямы были очень неглубокими (от 0,35 до 0,75 м) и остатки костра не всегда полностью помещались в них. У большинства погребений поэтому пепел, зола и древесные угольки не только целиком заполняют погребальные ямы, но тонким слоем лежат над ними, образуя довольно большие пятна.

Для примера кратко опишу погребение № 15, вскрытое нами. На глубине 0,35 м обнаружено зольно-угольное пятно, диаметром около 2 м. Слой золы и углей в центре пятна был более мощным (толщина около 10 см), а по краям сходил на нет. Под пятном открылась четырехугольная яма с

¹ Могильник был обнаружен И. Ф. Левицким. В течение 1936 и 1937 гг. он вскрыл на нем 14 погребений. Остальные погребения и комплексы вещей, интересующие нас, были вскрыты нами в 1949 г. В раскопках принимали участие И. Ф. Левицкий и И. П. Костюченко. Полный отчет о раскопках публикуется в VI томе «Археологii», издаваемой ИА АН УССР.

округленными углами, вытянутая с востока на запад. Стенки ямы наклонны ко дну, что придает ей корытообразную форму. Яма длиной 1,40 м, шириной 0,80 м, глубиной, как потом оказалось, 0,30 м, заполнена золой и древесными угольками. Среди золы обнаружено около сотни мелких обломков пережженных человеческих костей, причем в западной стороне лежали главным образом черепные кости. Среди костей найден браслет из тонкой бронзовой проволоки (рис. 33—1), небольшая железная четырехугольная пряжка (рис. 33—2) и три бусины — сердоликовая, стеклянная и пастовая (рис. 33—3).

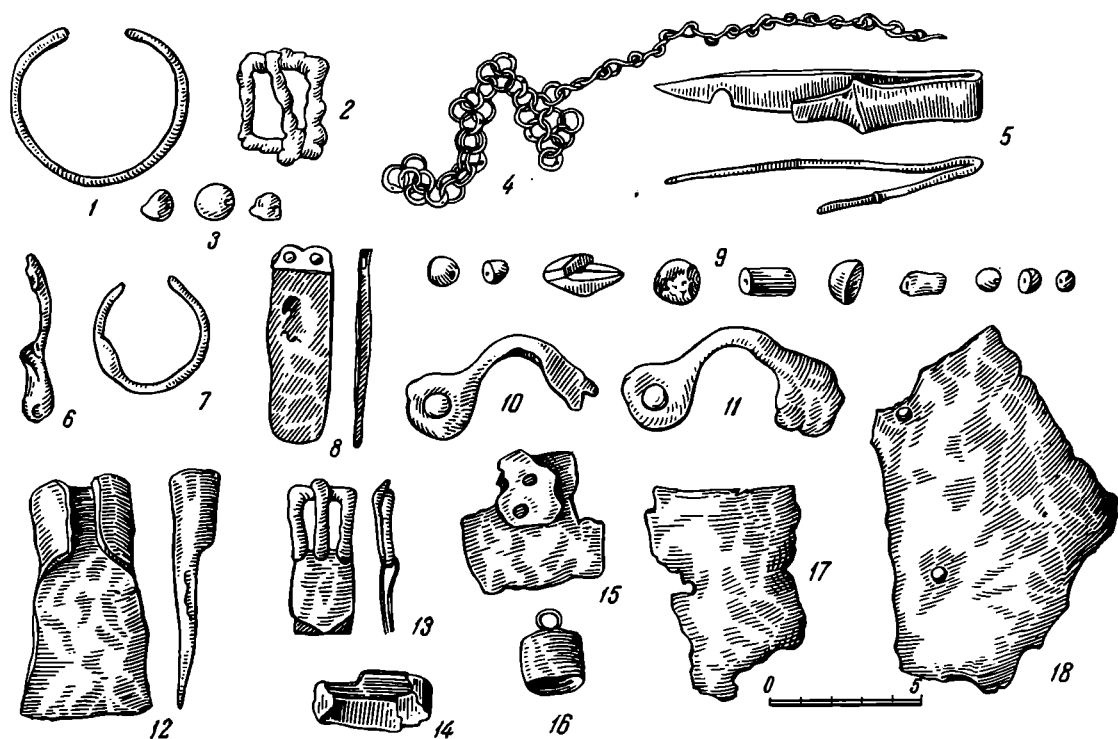

Рис. 33. Вещи из погребений могильника в Ново-Покровке

Судя по отдельным, лучше сохранившимся, обломкам черепных костей, погребение принадлежало молодой женщине (определение И. Ф. Левицкого).

Возле некоторых погребений находились небольшие ямки-тайнички. Расстояние тайничков от погребений обычно не превышает одного метра. В тайничках находились железные наконечники стрел, скобы от колчанов, поясные пряжки, кольца, ножи, изредка фрагментированные сосуды и т. д. В двух случаях вокруг погребальных ям лежали бусы и маленькие кусочки гематита (погребения № 2 и № 11), причем располагались они кругом, по самому краю ямы.

Кроме указанных, в могильнике было обнаружено несколько совершенно разрушенных погребений с трупосожжением (инвентарь их дается на рис. 33—4—18) и два любопытных комплекса вещей. Последние находились в слое совершенно чистого грунта (песок). Никаких следов углей, золы, пепла или человеческих костей в местах расположения комплексов не было обнаружено. Расстояние от первого комплекса до ближайшего к нему погребения составляет 11 м, от второго комплекса до ближайшего к нему погребения — 10 м¹. Трудно поэтому судить, были ли эти комплексы

¹ Интересно, что в обоих случаях ближайшие к комплексам погребения находились в северо-западном направлении.

обычными тайниками, или же они являются особым, пока что непонятным нам видом ритуальных памятников.

Комплекс № 1 (рис. 34 и 35). Комплекс залегал на глубине 0,45 м. При расчистке его обнаружилась следующая картина (см. рис. 35):

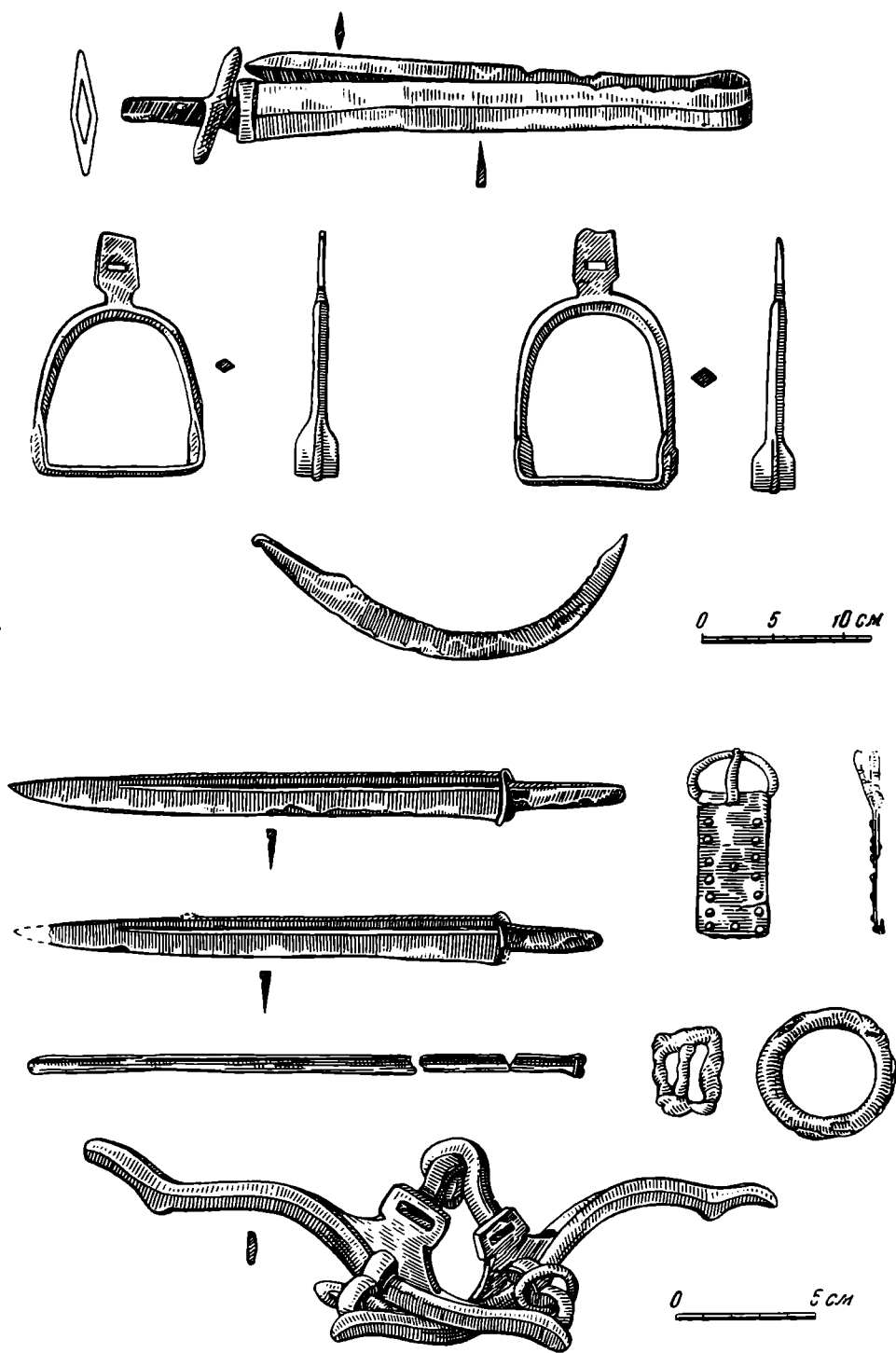

Рис. 34. Вещи из комплекса № 1 могильника в Ново-Покровке

в самом низу лежала сабля, согнутая вдвое; сверху на сабле (поперек нее), находился нож, а на нем вдоль сабли лежал серп; на серпе было стремя. Второе стремя находилось рядом и лишь частично перекрывало саблю. Под этим стремянем лежали: еще один нож, большое железное кольцо и поясная пряжка. Сверху на стремяни — удила и тонкий железный желобок

неизвестного назначения. Несколько в стороне от первого стремени найдена вторая пряжка.

Комплекс № 2 (рис. 36) находился в 33 м к юго-западу от первого, на глубине 0,50 м. По составу вещей, по их виду и положению он как бы дублирует комплекс № 1. Но он полнее. В самом низу лежало два ножа. Сверху, поперек них, находилась сабля, согнутая вдвое (при этой операции она переломилась на две части). На сабле лежали удила, а на них двое стремян. Около сабли, с северной стороны от нее, лежал наконечник копья, а с юго-западной — серп. Возле черенка сабли найдены две поясные пряжки; обломок третьей находился в 0,70 м к югу. В этом же направлении, но несколько ближе, найдено восемь наконечников стрел, а в 0,30 м к западу — несколько мелких обрывков кольчуги.

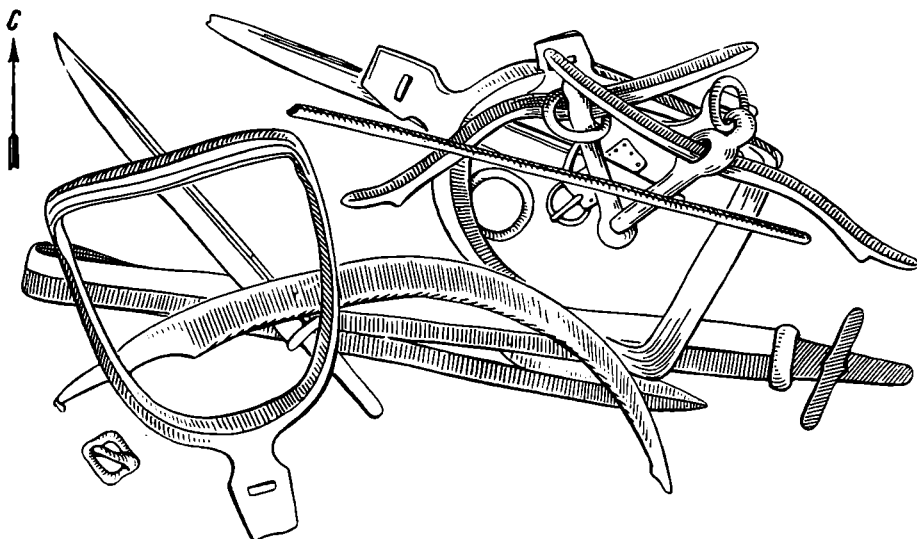

Рис. 35. Положение предметов в комплексе № 1 могильника в Ново-Покровке

Все найденные предметы железные, со следами пребывания в огне.

Из простого сопоставления этих двух комплексов с вещами, найденными в с. Тополи, становится очевидной их тождественность. Состав комплексов и сами вещи — гнутая сабля, копье, стрелы, удила, стремяна, пряжки и обязательно серп — почти одинаковы. Судя по обилию стремян, наличию двух очажных цепей и двух дужек от котлов в комплексе из Тополи, можно предполагать, что эти вещи происходят из двух комплексов.

Могильник в Ново-Покровке весьма своеобразный памятник. Не говоря уже об особенностях погребального обряда, самого пристального внимания заслуживают и вещи, вернее сочетание вещей, найденных в погребениях этого могильника. Я имею в виду прежде всего керамику. На Харьковщине в памятниках полей погребений, да и в более поздних, среди керамического материала очень часто встречаются лепные сосуды, сделанные из глины со значительными примесями шамота. Точно такие же сосуды преобладают и среди немногочисленных керамических находок на могильнике в Ново-Покровке. Это обычно. Но интересно другое. В одних погребениях указанные сосуды встречаются вместе с гончарными лощеными сосудами, типичными для полей погребений, в других — вместе с сосудами, хорошо известными нам по находкам во время раскопок памятников так называемого салтово-маяцкого типа.

Рядом с могильником нами было частично раскопано поселение этого же времени. На полу и среди завала печки вскрытого здесь жилища опять наблюдается та же картина. В одном и том же комплексе встречаются

грубые лепные сосуды с примесью шамота в глине, гончарные лощеные сосуды, характерные для памятников полей погребений, и, наконец, сосуды типично салтово-маяцких форм. Само жилище очень напоминает известные

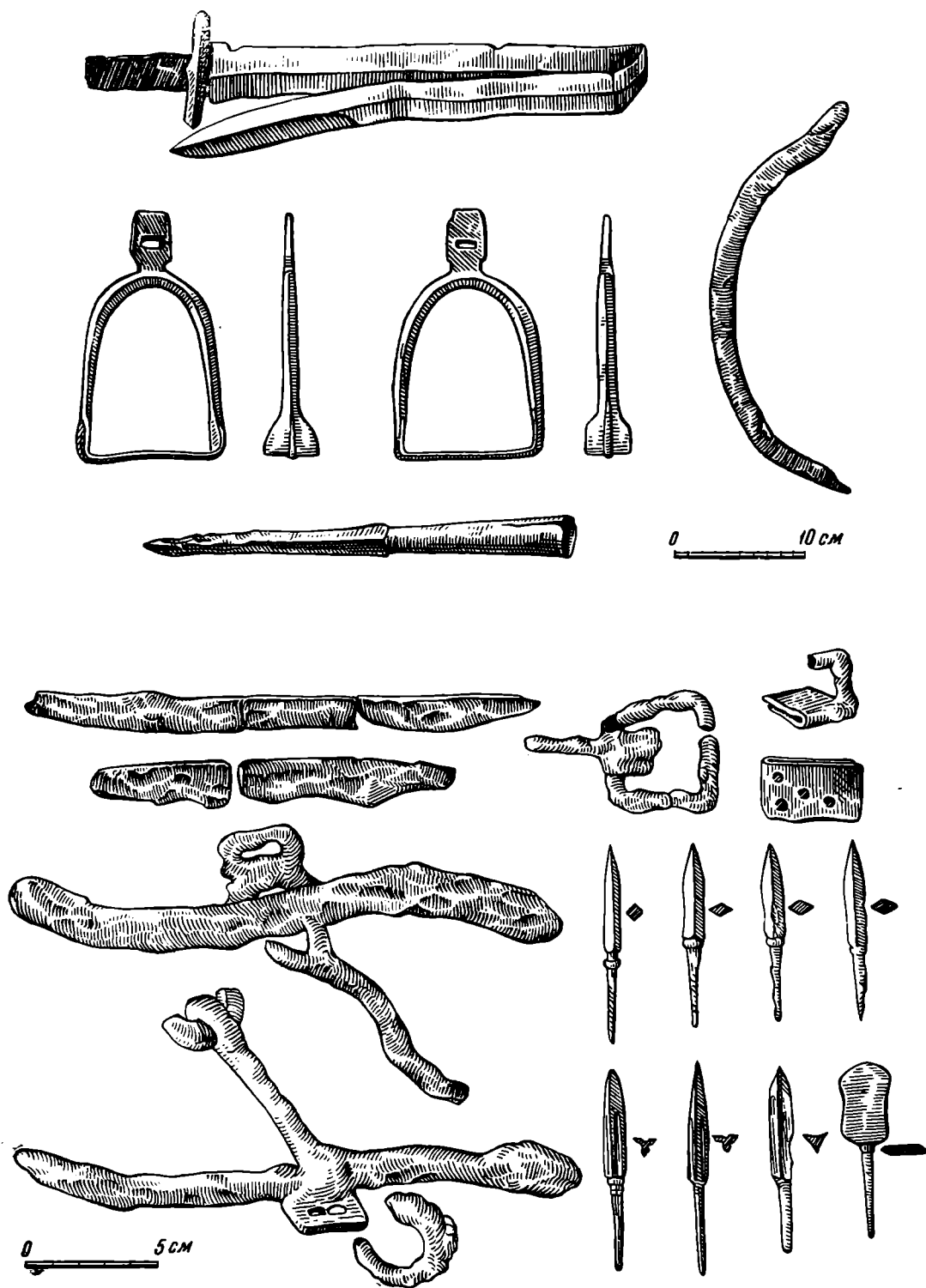

Рис. 36. Вещи из комплекса № 2 могильника в Ново-Покровке

нам по раскопкам на поселениях полей погребений (Кантемировка, Жуковцы, Ягнятин). Это небольшой наземный домик с глиняными стенами, устроенными на деревянном каркасе. В центре жилища, прямо на полу, находилась небольшая глинобитная печь, возле нее — предпечная яма.

В целом Ново-Покровское поселение и могильник нами датируются VI—VIII вв. н. э., причем интересующие нас комплексы вещей безусловно относятся к самому концу функционирования памятников, т. е. к VIII в. н. э.¹

К VIII в. н. э. следует относить и комплекс вещей из Тополи. В пользу этого говорят не только материалы Ново-Покровки, но и некоторые другие аналогии. Много подобных вещей, например, встречается в погребениях Борисовского могильника, раскопанного В. В. Саханевым². При сопоставлении вещей из погребений третьей части этого могильника с вещами, найденными в Тополи и Ново-Покровке — сабли, удила, стремяна, наконечники копий и стрел, ножи, серпы, топоры, пряжки, браслеты, бусы, тесла, наконечники ремней и пр., — мы убедились в их полной тождественности.

В. В. Саханев датировал погребения третьей части Борисовского могильника периодом «после VII и не позже IX вв. н. э.»³.

Много аналогий вещам из Тополи и Ново-Покровки имеется и в инвентаре погребений Салтовского могильника, причем погребений именно VIII в. Здесь нет надобности перечислять их. Следует лишь заметить, что салтовские вещи, при общей их близости к соответствующим вещам из Тополи и Ново-Покровки, типологически уже более совершенны, а следовательно, представляют собою дальнейшее развитие типов и являются более поздними. Сабли, например, имеют больший изгиб клинка, менее заостренный конец его, наклонные вперед рукоятки, более вычурные перекрестия и т. д.

По особенностям положения находки на могильнике в Ново-Покровке и возле Тополи весьма близки к известному Вознесенскому комплексу вещей, найденному В. А. Гринченко в районе Запорожья⁴. Комплекс этот исследователь датировал VIII в. н. э.

Итак, наиболее вероятной датой комплекса, найденного в Тополи, следует считать VIII в. н. э., возможно, даже первую половину этого века.

Кому же принадлежал этот, а равно и остальные аналогичные памятники?

Если взять могильник и поселение в Ново-Покровке, то нам сразу же бросается в глаза необычное сочетание в этих памятниках элементов культуры раннеславянских и каких-то неизвестных нам степных племен. Славянский здесь, по нашему мнению, погребальный обряд в целом (бескурганное захоронение с трупосожжением типа «полей», обычай сгибать оружие), а также тип поселения и устройство жилищ. Много общего с раннеславянскими памятниками и в инвентаре, прежде всего в керамике. В то же время предметы вооружения и конского снаряжения, глиняные сосуды так называемого салтово-маяцкого типа, некоторые особенности погребального обряда, например, наличие особых тайничков, говорит в пользу не славянских, а каких-то степных, повидимому, аланских племен. Это вполне естественно, поскольку Ново-Покровка находилась на границе со степью, т. е. на самой юго-восточной окраине территории, занятой в то время славянами. В степях же обитали неславянские племена, с которыми славяне, несомненно, имели близкие отношения.

Изучение памятников типа Тополи и Ново-Покровки по существу только что начинается. Но даже исходя из известных нам в настоящее время находок, можно утверждать, что они характерны для значительной территории степей Приазовья и Причерноморья, и прежде всего для районов, соприкасающихся с полосой лесостепи. Истоки этих памятников,

¹ Об этом подробно в отчете, публикуемом в VI томе «Археології».

² В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 годах. ИАК, вып. 56, стр. 75—219, СПб., 1914. Вещи из раскопок хранятся в ГИМ.

³ Его же. Указ. соч., стр. 165.

⁴ В. А. Гринченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія», т. III, Київ, 1950, стр. 37—63.

повидимому, надо искать в раннеславянской среде, в местах соприкосновения последней со степными, не славянскими племенами. Очень возможно, что памятники этого типа принадлежали неизвестным нам до сих пор археологически русам, хоронившим своих покойников, согласно свидетельствам современников, по обряду трупосожжения и обитавшим где-то в этих местах.

Все это, конечно, не более чем предположение. Для разрушения его потребуется серьезная работа, и прежде всего систематические полевые исследования.

В. А. ПАДИН

РОМЕНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ТРУБЧЕВСКОМ РАЙОНЕ

Летом 1948 г. Трубчевским музеем было произведено обследование поселения в урочище Макча, расположенном в 4 км на восток от Трубчевска, между селениями Верхние Городцы и Усох. Оно состоит из двух ярко выраженных пунктов — городища и селища. Первое занимает один из отрогов правого коренного берега Десны, второе полого спускается к луку (рис. 37).

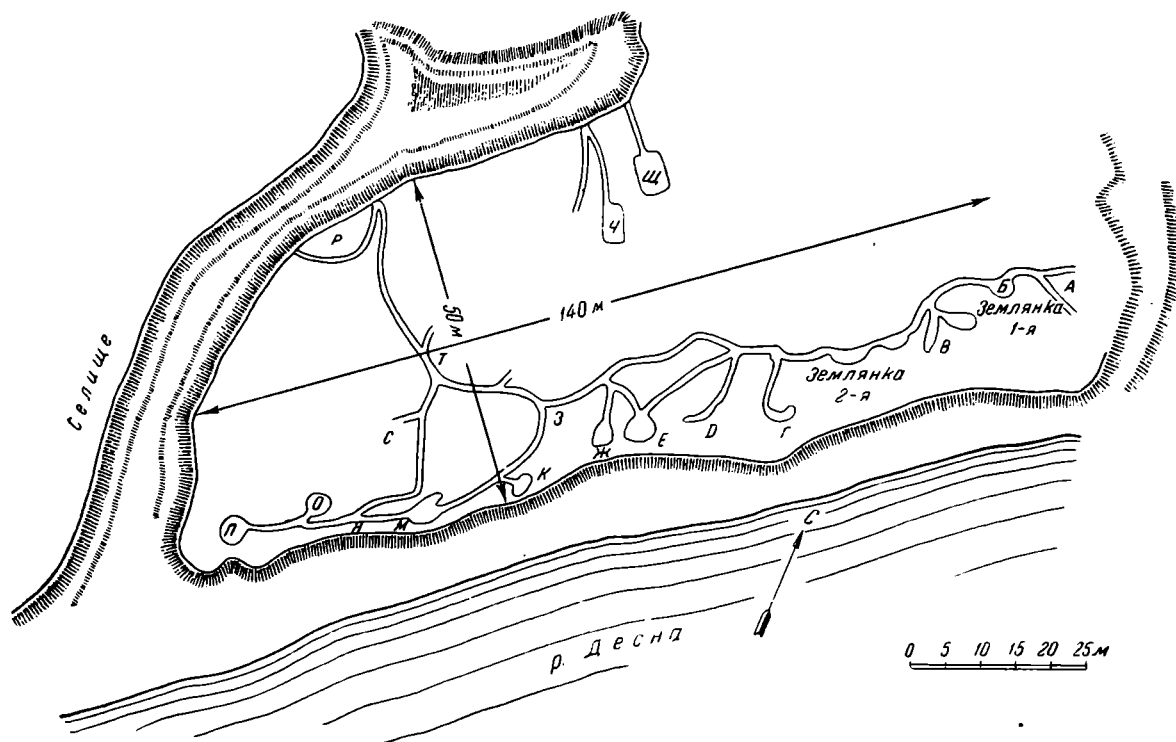

Рис. 37. План городища Макча близ Трубчевска

Восточная и западная стороны городища отделяются от окрестностей оврагами значительной глубины, южная сторона отвесной стеной выходит к реке Десне. Остатков рва и вала нет, но на наличие их в прошлом указывает хорошо видимая во время колошения ржи полоска (низинка), замыкающая концы оврагов; она расположена, очевидно, на месте уничтоженного временем и распашкой рва. За оврагом, на северо-восток от городища, возвышается курган, диаметром 12 м и высотой около 2,5 м. Здесь

же находятся еще несколько холмов, напоминающих курганы, о существовании которых в недалеком прошлом рассказывают местные старожилы. В одном километре на восток имеется курган средней величины.

Культурный слой в восточной части городища едва достигает 20—25 см толщины и лишь в центральной части Макчи он доходит до 70 см. Слабая мощность слоя объясняется тем, что, очевидно, с интенсивным развитием земледелия и распадом рода жизнь поселка в основном протекала на большом, расположенном рядом, селище.

При зачистке слоя восточной части городища, у пункта *Б* обнаружена яма, являющаяся, повидимому, углом жилища. Ее длина 1,5 м, а глубина в материке — беловатой супеси — 60 см, стены ямы отвесные, что, учитывая рыхлость грунта, могло быть достигнуто лишь в результате деревянной обкладки, следов которой не сохранилось. Супесь подстилается желтым ортзандом, составляющим пол землянки. Здесь при зачистке найдено костяное острие с чуть отломанным концом, типичное для роменских городищ и аналогичное остриям из слоев Большого Боршевского городища¹, пряслице из розового шифера и рядом кусочек шифера (может быть, заготовка); много кусков шамота и обломков лепной керамики, преимущественно горшков. Среди черепков встречен фрагмент большой миски плохого обжига; поверхность венчика сосуда округла, в изломе и на стенках множество растительных отпечатков, может быть, соломы. Толщина верхней части стенки более 3 см. Такая посуда в виде обломков встречается и на других городищах, в слоях, похожих на роменские. М. В. Воеводский называет ее противнями для выпечки хлеба². Выгоравшая растительная примесь, являясь в начале лепного процесса прекрасным скрепляющим материалом, создавала большую пористость и, очевидно, придавала посуде необходимые для выпечки хлеба качества.

Один из фрагментов горшка (без орнамента) имеет бугристые стенки, из которых выступает дресва; они носят следы заглаживания травой: на внутренней стороне — горизонтального, на внешней — вертикального. Отгнутость венчика значительная. Второй такой же черепок имеет на плечиках орнамент из вдавлений пальцем. Остальные черепки так же грубы, насыщены шамотом, плохо обожжены, что характерно для всей посуды из Макчи, но орнаментированы по плечикам и венчикам зубчатым штампом или палочкой, обмотанной шнуром.

Характер керамики типично роменский (рис. 38, 1—4). На одном лепном черепке видна первая проба нанесения линейного, в сочетании с волнистым, орнамента, что говорит о первоначальном его применении на керамических изделиях. Этот черепок принадлежит переходной форме от керамики роменского типа к славянской (рис. 38—5), что характерно для Монастырища и других роменских поселений. В землянке была найдена часть какого-то предмета из мергеля, очевидно, пряслица, встречены куски пережженной глины и угли, ребро коровы, бульжнич. Рядом с землянкой тянется на несколько метров слой золы серого цвета толщиной в 4—5 см. В этом месте культурный слой достигает 1 м; наверное здесь и было первоначальное поселение. Найденные куски глиняной обмазки с отпечатками ветвей и плашек указывают на тип тогдашнего жилища. Отсутствие рыболовческих материалов крайне интересно.

В 9 м на юго-запад, между пунктами *В* и *Г* видна вторая, конусообразная (вершиной вниз) землянка, стены которой, очевидно, осели. Она, как и первая, вырыта в супеси, глубиной 60 см, длина по траншее 2 м, пол состоит из ортзанда, в одном месте скопление бульжничков и крупных пе-

¹ МИА, № 8, М.—Л., 1948, стр. 49.

² М. В. Воеводский. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции. КСИИМК, вып. XX, стр. 37.

режженных и закопченных кусков глины. Это остатки печи, очень похожей на печи Большого Боршевского городища.

Культурный слой землянки 25—30 см. Керамика аналогична вышеописанной. Встречены лишь два фрагмента из хорошо вымешанной глины; они

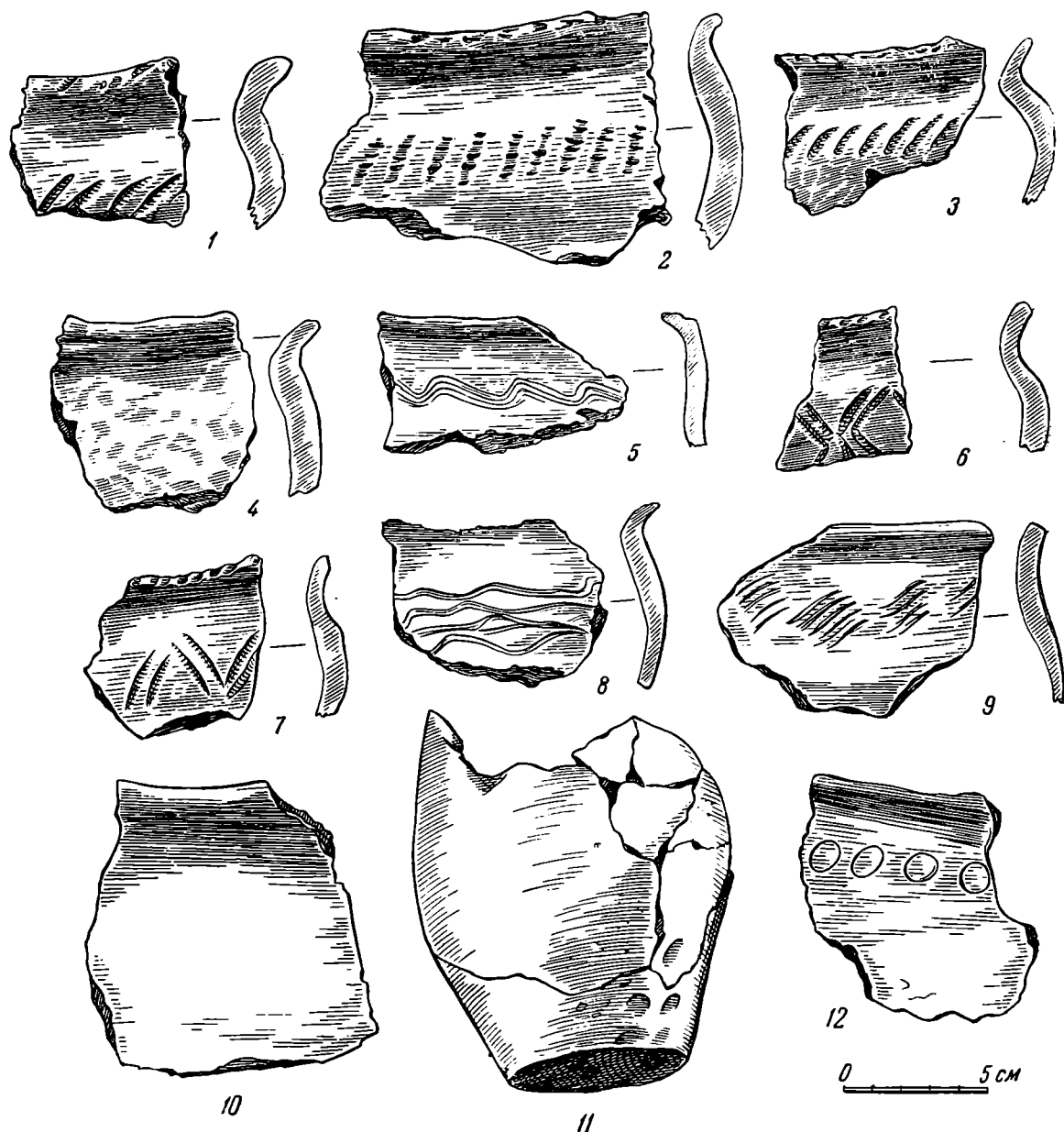

Рис. 38. Керамика роменского поселения близ Трубчевска

красиво орнаментированы по плечикам и венчику ровным зубчатым штампом; стенки тонкие, глина в середине излома — темная, а на корках стенок — светложелтая (рис. 38—6, 7). Найден бугроватый грубый черепок с орнаментом, предшествовавшим волнистому; фрагмент прямостенного горшка с горизонтальными линиями и косыми черточками, нанесенными гребенкой; изгиб венчика незначительный (рис. 38—8, 9). Один черепок (рис. 38—10) не имеет орнамента, принадлежит горшку с высоким горлом и довольно выпуклыми плечиками, глина хорошо вымешана, обжиг сравнительно хороший. Здесь же найден кабаньей клык.

Между пунктами В и Г встречена костяная стрела без черешка, ближе к пункту М найден железный предмет, напоминающий нож. Из Макчи

происходит горшок с широким горлом, являющийся, может быть, прототипом кувшина (рис. 38—11), толщина стенок в верхней части 7 мм, а ближе к днищу — 9 мм; такая же толщина и у днища, диаметр которого 10,5 см, а диаметр широкой части горшка 15 см. На днище снизу отпечатки пальцев. Глина вымешана хорошо; на внутренней и особенно на внешней стороне горшка следы вертикальной штриховки. Этот горшок чем-то напоминает посуду с вертикальным обстругиванием, относимую М. В. Воеводским к дороменским слоям деснинских городищ. Встречен черепок сосуда, сделанного из белой глины. Такие черепки в единичных случаях находятся на трубчевских городищах и, может быть, принадлежат

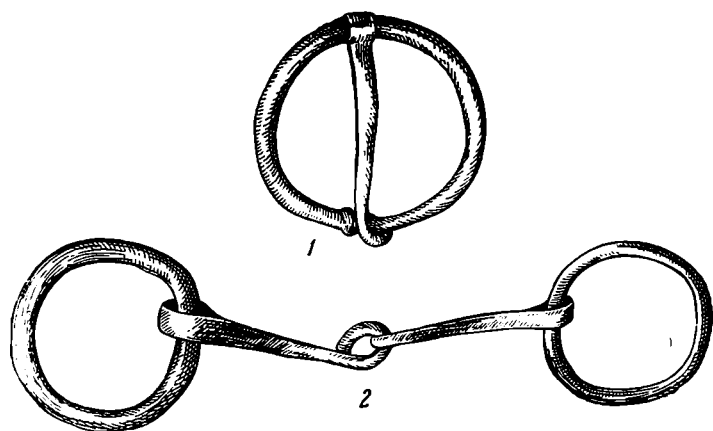

Рис. 39. Железные пряжка и удила

посуде, имевшей культовое назначение. Найдены фрагменты большого, похожего на современный макатер, сосуда, лепного, тонкого (стенки не толще сантиметра), с полосами от вертикального и горизонтального заглаживания. Глина темносерая, плохо обожженная, в то время как на днище видны следы хорошего обжига. Бортик дна для большей устойчивости несколько оттянут. На городище найдены железная поясная пряжка и удила,

кольца которых по размеру разные: одно диаметром 3,5 см, а другое 3 см; они сделаны не из круглого, а из пластинчатого прута и по виду принадлежат разным мастерам (рис. 39—1, 2). Пряжка аналогична древнерусским пряжкам; возможно, и удила относятся к великокняжескому времени, тем более, что и фрагменты славянской посуды хоть и в единичных случаях, но встречаются на городище.

Площадь селища превышает 20 000 м². Культурный слой, достигающий 75 см, насыщен предметами гораздо больше, чем на городище. Керамика такая же, как и на городище, хотя гончарной найдено больше, чем на последнем. Один лепной черепок был орнаментирован колечками, нанесенными тростниковой трубочкой (рис. 38—12). О металлургии можно судить по находке железного шлака. В разрезе канавы обнаружены профили небольших грушеобразных хозяйственных ям, а также землянка с остатками печи в виде кусков докрасна обожженной глины (очевидно, от пода) толщиной в 8—9 см, с одной стороны гладких, а с другой — с отпечатками плаха.

В этой части селища видны следы жилища, углубляющегося на 50 см в светловатую супесь, пол его на ортзанде, длина землянки 4 м. Она заполнена сероватым суглинком с вкраплением кусочков угля. Над полом (в северной части) видна плотная бесформенная прослойка зеленоватой глины, очевидно, заготовка для производства керамики, здесь же обломки лепной кухонной посуды. Кроме того, на селище найдены стеклянные золоченые бусы и обломок стеклянного браслета.

Поселение Макча явно роменское, и в нем нет подстилающих слоев. Б. А. Рыбаков, говоря, что городища роменского типа «тяготеют к лесостепи», оставляет северо-восточную границу области их распространения на Десне близ Новгорода-Северского¹.

¹ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1 (6), стр. 322.

Приведенные же здесь материалы позволяют передвинуть эту границу далеко вверх по Десне, до самого Трубчевска, и если с роменскими городищами связаны северяне, то это расширяет область, где сложился северянский племенной союз. Наличие на Макче лепной посуды «переходной формы» с линейно-волнистым орнаментом и великокняжеских материалов (керамика «курганного типа», шиферное пряслице, стеклянная золоченая бочкообразная бусина, поясная лировидная пряжка, обломок стеклянного браслета), сосуществование их с роменскими устанавливает их непосредственную связь и указывает, что жизнь поселения, начавшаяся в роменское время, в течение многих веков не прерывалась.

П. А. РАППОРТ

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ
В СЕЛЕ СТАРЫЕ БЕЗРАДИЧИ

В с. Старые Безрадичи (Киевской области Обуховского района) на высоком мысу, господствующем над поймой р. Стугны, расположено большое городище. Прекрасная сохранность городища давно уже привлекала к нему внимание как местных жителей, так и археологов. Нет, вероятно, ни одного сочинения по археологии Киевской земли, где в той или иной форме не упоминалось бы это городище. Оно отмечено даже на рукописной карте Киевщины, составленной в 1748 г. и в других случаях совершенно не регистрирующей памятников старины¹.

Особое внимание привлекло к себе это городище во второй половине XIX в. в связи с развернувшейся вокруг него историко-литературной дискуссией. В 1862 г. П. Ревякин записал в с. Старые Безрадичи легенду, связанную с данным городищем, которое местные жители называли Торч². Легенда эта почти буквально совпадала с летописным рассказом о взятии города Торческа половцами в 1093 г. Несколько позднее А. Стоянов попытался сопоставить эту легенду с народной песней, которую он также относил ко взятию Торческа³. Правда, несостоятельность этого предположения была доказана очень быстро. И. Новицкий показал, что приведенная Стояновым песня описывает не взятие Торческа в XI в., а взятие Азова в 1637 г.⁴ Н. Костомаров тогда же высказал очень обоснованное подозрение относительно того, что и легенда о Торческе является не древним сказанием, а простым пересказом печатной книжки по русской истории⁵. Несмотря на то, что ряд археологов и историков (Антонович, Голубовский и др.) соглашались с предположением Ревякина о тождестве городища в Старых Безрадичах с городом Торческом, большинство исследователей решительно настаивало, что Торческ находился значительно южнее, в Поросье⁶.

¹ ЦГБИА ВУА № 22032.

² Киевские губернские ведомости. 1863, № 33—34.

³ А. Стоянов. Южнорусская песня о событии XI в. Киевская старина, 1882, июль.

⁴ И. Новицкий. Еще по поводу народной песни... Киевская старина, 1882, сентябрь.

⁵ Н. Костомаров. Относится ли песня о взятии Азова к событиям XI века. Киевская старина, 1882, август.

⁶ Например, С. М. Середонин. Историческая география. Пг., 1916, стр. 182; К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 128; П. Лебединцев. О местоположении Торческа. Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 2. Киев, 1888, стр. 46 и др.

Как ни странно, само городище, вокруг которого шли такие оживленные споры, не было в это время не только изучено, но даже обследовано, несмотря на то, что на нем были зарегистрированы интересные археологические находки¹. Впервые обследовал это городище в 1902 г. В. В. Хвойка². Осмотрев довольно подробно городище, Хвойка основное внимание уделял прилегающему к нему селищу, где раскопал дубовый колодец и жилище — плуземлянку. На основании данных, полученных при раскопках, изучения подъемного материала и вещей, найденных здесь местными жителями, Хвойка пришел к выводу, что археологический комплекс в Старых Безрадичах (городище, селище и могильник) представляет собой остатки укрепленного русского поселения X—XII вв. Хвойка не утверждал, что это поселение было именно Торческом, однако он отметил, что «не считает это невозможным»³.

Между тем имеются достаточные основания связывать городище в Старых Безрадичах с другим городом, упоминаемым в русских летописях, а именно с городом Тумащ. Город этот упоминается в летописи под 1150 годом в связи с походом князя Изяслава Мстиславича⁴. В том районе, где, согласно летописи, находился Тумащ, т. е. на северном берегу Стугны в нижнем ее течении (между Треполом и Василевым), имеются всего два древнерусских городища — в Старых Безрадичах и у с. Хамбикова. Наиболее вероятно, что путь из Киева на юг в домонгольскую пору шел вдоль края надпойменной террасы Днепра как раз на Старые Безрадичи, приблизительно по линии нынешнего шоссе Киев — Обухов⁵. Расположенное у с. Хамбикова городище «Берков городок» не может быть отождествлено с Тумащем, так как это маленькое городище относится скорее к XI в., чем к XII в., когда Тумащ упоминается в летописи⁶.

Таким образом, именно городище в Старых Безрадичах является наиболее вероятным местом, где находился в древности город Тумащ.

* * *

Городище в Старых Безрадичах расположено на мысу, возвышающемся над поймой р. Стугны приблизительно на 24 м (рис. 40).

Склоны холма крутые, местами круче 45°. От примыкающего плато городище отделено рвом, имеющим огромную ширину — около 50 м. Дорога, ведущая в городище через ров, проходит по узкой насыпи. Форма городища точно соответствует контуру холма, и даже узкий мыс в северной части не срезан, а также огражден валом. Площадка городища около 230 м длиной и до 140 м шириной довольно ровная, слегка повышающаяся к середине и заметно понижающаяся к концу мыса в узкой северной части. В восточной части имеется воронкообразная впадина глубиной около 3 м и диаметром 13 м⁷.

Валы, со всех сторон окружающие городище, сохранились на высоту от 1 до 2 м, однако по обе стороны въезда вал поднимается двумя всхолмлениями, имеющими высоту до 5 м.

¹ Здесь было найдено «воску около фунта» (Архив ИИМК, д. 198, л. 211), «железный топор» (В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 22), «медный наконечник с головкою барана» (Архив ИИМК, ф. 1, дело 85 за 1905 г., л. 13 об.) и др.

² Отчет В. В. Хвойки. Архив ИИМК, ф. 1, дело 194 за 1902 г.

³ Указ. отчет Хвойки, л. 7.

⁴ Ипат. лет. под 6658 г Тумащ упоминается в летописи также и в 6678 г.

⁵ Лежавший между Киевом и Тумащем г. Звенигород есть основания связывать с Китаевским городищем, расположенным в 10 км южнее центра Киева.

⁶ Датировка Беркова городка основана на изучении подъемного материала (разведка автора 1950 г.). Антонович считал, что Тумащ должен был находиться именно около Хамбикова.

⁷ Очень возможно, что эта впадина — следы разрушенного колодца. Еще Похилевич отмечал, что на городище имеется глубокий колодец. См. Л. Похилевич. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864, стр. 39.

Судя по схематическому чертежу Хвойки, на плато южнее городища имелись еще две линии валов¹, в настоящее время распаханных и почти совершенно неразличимых. Поселение, судя по наличию подъемного материала, занимало значительную часть примыкающего плато, а также большую территорию низины к западу от городища. Весь подъемный материал относится к эпохе домонгольской Руси.

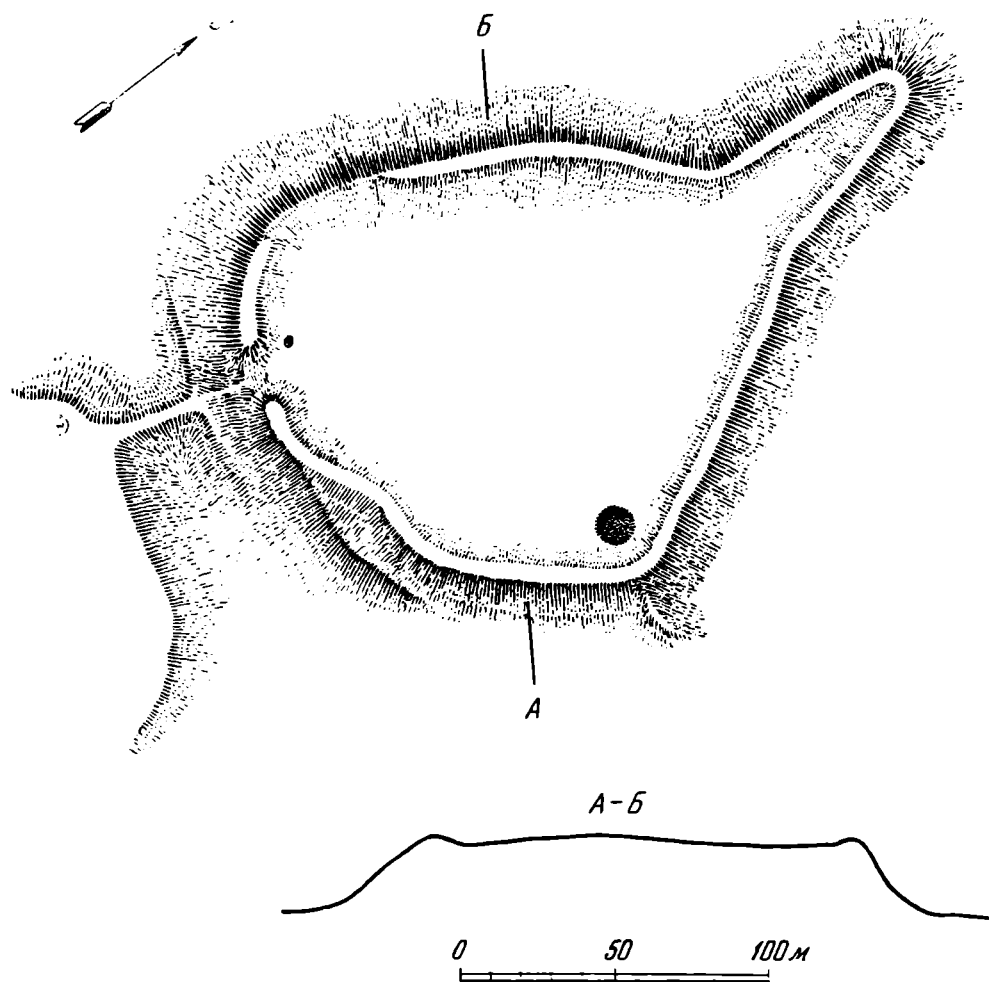

Рис. 40. План и профиль городища у с. Ст. Безрадичи

Разведочные раскопки показали, что культурный слой городища, толщиной около 50 см, относится в основном к XII—XIII вв. и лишь в очень незначительной степени к XI в.²

Одной из интересных особенностей городища в Старых Безрадичах является его оборонительная система. Зачистка стенок многочисленных траншей, оставшихся в результате земляных работ, а также специальные раскопы, заложенные в западной и южной частях вала, показали, что внутри него всюду имеется деревянная конструкция, состоящая из сплошной линии срубов, проходящих по всему периметру городища и плотно забитых землей. Снаружи срубы были засыпаны землей, что и превратило их в валы (рис. 41).

¹ Указ. отчет Хвойки, л. 8.

² На плато перед городищем подъемный материал относится как раз в большей степени к XI в. и в меньшей к XII—XIII вв. В. Хвойка отмечал, что на плато встречается также керамика трипольского типа. Здесь же во время разведки было найдено небольшое количество керамики середины (или первой половины) I тысячелетия н. э.

Повидимому, деревянные срубы в Старых Безрадицах не были жилыми, а служили только конструктивной основой вала. Небольшой размер раскопов не позволяет утверждать этого по отношению ко всему городищу, но во всех местах, где эти срубы были вскрыты, они оказались плотно забитыми землей, не содержащей никаких культурных остатков¹.

Ширина срубов, судя по участку, вскрытому в западной части городища, 5,7 м. При расчистке траншеи, проходящей вдоль восточного края городища, выяснилось, что торцы поперечных бревенчатых стенок находятся

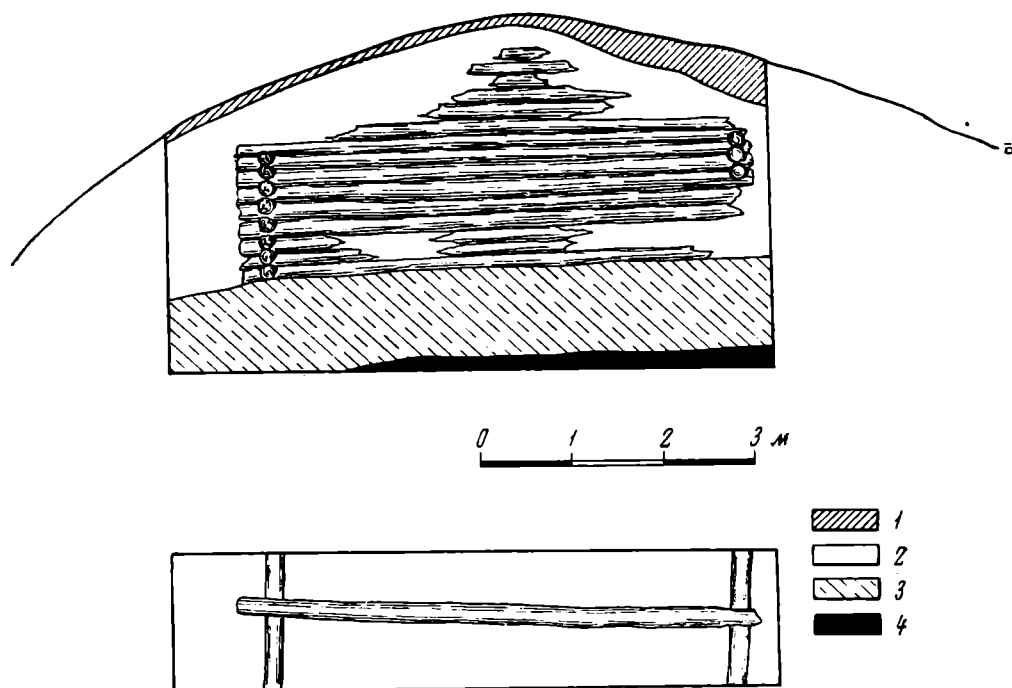

Рис. 41. Профиль вала в западной части городища в с. Ст. Безрадици

1 — дерн и огородная земля; 2 — серый суглинок; 3 — черная земля; 4 — материковый суглинок

на правильно чередующихся расстояниях. В одном участке чередовались размеры 1,4 м и 3,8 м, в другом участке 1,0 м и 3,1 м. Таким образом, длина срубов была, повидимому, различной.

Сложены срубы из бревен, диаметром 17—20 см. Врубki сделаны с длинными остатками — около 30 см. Различная сохранность дерева дает основание предполагать, что в строительстве были использованы разные породы. Наряду с дубовыми бревнами, сохранившимися настолько хорошо, что их удавалось извлекать из земли почти целиком, имеются и такие бревна, от которых в земле сохранилась лишь коричневая труха². Высота срубов неизвестна, но в западной части городища они сохранились на 15 венцов. В южной части, где валы имеют бóльшую высоту, остатки срубов обнаружены также непосредственно под самой поверхностью земли на вершине вала. Возможно, что здесь они были расположены на предварительно сделанной земляной подсыпке. В этой части городища земляная забивка срубов оказалась состоящей не из серого гумусированного суглинка (как на других участках), а из чистого белого лёссовидного суглинка, очевидно, взятого здесь же при рытье рва.

¹ В этом отношении конструкция валов в Старых Безрадицах, повидимому, близка к системе, обнаруженной в Вышгороде. См. В. И. Довженок. Древний Вышгород (Вісник АН УРСР, 1949, № 8, стр. 46).

² По определению В. А. Петрова, сохранившиеся срубы были сделаны из чрезвычайно мелкослойного дуба.

Наружная стенка срубов в настоящее время в нескольких местах видна прямо на откосах вала. Первоначально, однако, стенка была засыпана землей, что явствует из горизонтального расположения слоев земляной засыпки, видимых в раскопе в западной части городища. Таким образом, деревянная конструкция вала не выступала наружу, а была всюду прикрыта слоем земли.

Возможно, что срубы являлись по существу не четырехстенными, а трехстенными, так как внутренняя стенка, как показал раскоп в западной части городища, состояла всего из трех бревен, служивших, повидимому, лишь для придания большей жесткости конструкции.

Оборонительная система городища в Старых Безрадичах достаточно определенно датирована: здесь совершенно отсутствует материал, относящийся ко времени позднее XIII в.¹ Поэтому очевидно, что никаких более поздних переделок в оборонительной системе не было. В то же время материала, относящегося к IX—X вв., также не найдено. Повидимому, какое-то поселение в Старых Безрадичах существовало в XI в., однако весь материал, добытый раскопками, в основном относится к XII—XIII вв. Следовательно, и вся система обороны на этом городище может быть датирована XII—XIII вв.²

Небольшие раскопки 1950 г., имевшие разведочный характер, только лишь выявили конструкцию оборонительной системы. Однако даже и эти данные несомненно представляют интерес, так как русские оборонительные сооружения домонгольского периода настолько мало изучены, что каждый новый памятник заслуживает самого серьезного внимания.

---

¹ В XVI—XVII вв. в Старых Безрадичах существовал замок, однако находился он в середине современного села, где и сейчас имеется место, называемое «замковище». На этом «замковище» встречается типичная для XVI—XVII вв. керамика. Замок был построен, повидимому, в 1580 г. (Л. Похилевич. Уезды Киевский и Радомысльский. Киев, 1887, стр. 113); в 1686 г. он уже заброшен (Архив юго-западной России, ч. 7, г. I, Киев, 1886, стр. 524).

² Крайне немногочисленные и невыразительные фрагменты керамики, относящейся вероятно, к XI в., были обнаружены в зап. части городища в черном слое земли под деревянным срубом вала вместе с фрагментами керамики середины I тысячелетия н. э.

IV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Д. М. ГУРВИЧ

М. В. ЛОМОНОСОВ И АРХЕОЛОГИЯ

Среди той доли необозримого научного наследия М. В. Ломоносова, которая принадлежит истории, главное место занимают исследования, посвященные древнейшему периоду русской истории. Это не удивительно, так как вопросы происхождения русского народа, ранние этапы его истории и варяжская проблема в течение всего XVIII века стояли в центре внимания отечественной исторической науки.

Страстная борьба М. В. Ломоносова против низкопоклонства перед Западом, свившего себе прочное гнездо в петербургской Академии Наук, не могла не привести великого ученого к выводам о необходимости разгрома господствовавшей тогда в исторической науке норманской «теории».

В противовес норманистам, оперировавшим в своих писаниях только сведениями античных и западноевропейских средневековых авторов, часто ничем не отличных, по выражению М. В. Ломоносова, от «бредней исландских старух», М. В. Ломоносов использовал широкий круг разнообразных отечественных, «домашних», источников — письменных (которые, естественно, были для него основными), археологических, лингвистических, этнографических.

Особенно знаменательно привлечение археологических и этнографических материалов для изучения древнейшего периода истории России, в чем М. В. Ломоносов был по сути дела пионером, ибо в его время археологии как самостоятельной науки еще не существовало. Ломоносов, в частности, считал археологию составной частью географии.

Придавая большое научное значение памятникам старины, М. В. Ломоносов приложил много усилий для организации планомерного изучения их и сохранения. Так, еще в 1753 г., он испрашивал у Академической канцелярии разрешение выехать в Новгород и Москву для изучения «сохранившихся мозаичных образов греческой работы».

В октябре 1760 г. М. В. Ломоносов предложил послать художника А. Грекова в древнейшие русские города — Киев, Новгород, Суздаль, Владимир, Муром, Рязань, Смоленск, Псков, Чернигов, Переяславль Залесский, Тверь, Москву, Нижний Новгород, «...чтоб имеющихся в церквах изображений государских иконописною и фресковою работою, на стенах или гробницах состоящих, снять точные копии величиною и подобием, на бумаге водяными красками... А сие учинить бы для того:

1) дабы от съедающего времени отнять лики и память наших владельцев и сохранить для позднейших потомков;

2) чтобы показать и в других государствах российския древности и тщание предков наших: ибо выданныя прежде сего в печать родословныя

грыдорованные листы не токмо весьма недостаточны, но и никакого сходства между собою в лицах не имеют;

3) чтоб Санкт-Петербургская академия художеств имела случай употребить свое искусство, как бы изобразить их надлежащею живописью в различных положениях со старинного манеру, не теряя подлинного подобия, а чтобы учащиеся живописному и резному художеству, смотря на работу мастеров, по таковым переменам к изобретениям привыкали»¹.

Но царское правительство предпочло использовать А. Грекова в качестве учителя рисования для будущего наследника русского престола Павла, и чрезвычайно ценное предложение М. В. Ломоносова не было осуществлено. Многие древнерусские церкви, фрески и мозаики в них погибли, так и оставшись неизвестными для науки. М. В. Ломоносов же предполагал впоследствии издать копии с этих фресок².

По его инициативе, Академия Наук организовала сбор древностей в гораздо больших масштабах, чем это делалось при Петре.

Наряду с тем, М. В. Ломоносов считал целесообразным списать все надгробные надписи на кладбищах и в склепах, скопировать поминальные книги, а сведения «прислать немедленно в Академию Наук»³.

В целях осуществления этого плана Академическая канцелярия, вновь по инициативе М. В. Ломоносова, 26 V 1759 г. затребовала от Синода «список всем синодальным строениям, во всем Российском государстве соборным и приходским церквам, также и всем монастырям по всем городам и селам, и где каменные строения и ограды или деревянные; и монастыри стоят при каких реках и при каких городах, в каком от оных разстоянии и на которую сторону; а сверх того присланы б были из монастырей с исторических описаний о времени построения оных для сочиняющейся российской истории копии».

Но Синод отвечал на этот запрос Академии формальной отпиской о том, что «означенного описания и планов при Св. Синоде не имеется; а что де следует до присылки исторических о монастырях, от коего времени оные построены, описаний, о том, когда от оной Академии будут посланы землеописатели, то де тогда, где такие описания найдутся, о сообщении с оных копий, також и о допущении тех посланных для означенного описания и снятия планов определение учинено будет». Таким образом, Синод фактически отказывался содействовать сбору сведений.

В ответе Синоду Ломоносов настаивал на проведении в жизнь своего плана, будучи убежден, что в монастырях найдется достаточное число сведущих людей, заинтересованных в том, чтобы оказать всяческую поддержку этому важному делу.

Академическая канцелярия просила содействия Сената в получении ответов на вопросы, составленные М. В. Ломоносовым, список которых был разослан по различным губерниям. В числе вопросов были:

«1) Город, чем огражден каменною стеною или деревянною, или земляным валом, палисадником, или рвами?»

2) Много ли приходов внутри и за городом, и которые церкви каменные или деревянные; есть ли каменные новые и старинные казенные строения, и каких они времен от постройки, есть ли каменные дома тамошних обывателей и сколько?»

25) Ежели есть, где какие в городах чертежи оных городов самих и окрестных мест, то оные купно с географическими известиями, присылать, или точные с них копии?»

¹ П. П. Пекарский. История Академии Наук. СПб., 1873, т. II, стр. 692—693.

² П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1863, стр. 465.

³ П. С. Билярский. Указ. соч., стр. 464.

26) Назначить, где есть старых городов развалины или городища, в каких состоят остатках и признаках и как их называют?

27) Также показать, где есть следы старых рек, которые ныне заросли и высохли, в которую сторону простираются и как их ныне называют?

29) В городах буде есть летописи, присылать с них верные копии при географических известиях для истории российской?»¹

Кроме того, в инструкции М. В. Ломоносов говорил, что не следует разбрасываться, сообщая маловажные подробности. Не следует спешить с ответами, давать, по возможности, точные описания. Он конкретно указывал, кого надо спрашивать: «знающих обывателей и лучших крестьян» — то есть местных краеведов, взяв с них «сказки за руками», где «чего не можно опросом дознаться надежно, для того посылать нарочных для усмотрения подлинности»².

Содержание этой инструкции со всей очевидностью указывает на то немаловажное значение, какое М. В. Ломоносов придавал археологическим данным и экспедиционной работе по разысканию, изучению и сохранению памятников старины. Важность работы подчеркивалась и тем, что он считал необходимым для ее успешного выполнения специально готовить людей — участников будущих экспедиций.

Согласно инструкции, составленной Ломоносовым, при проведении сбора сведений специальные экспедиции в разных областях России в числе прочих заданий должны были снимать планы и составлять описания «городов и знатных гор, или положений мест, примечания достойных».

На Западе археологические раскопки еще носили случайный, эпизодический характер. Однако М. В. Ломоносов внимательно следил за результатами этих работ. Они еще раз подтверждали, какие богатые возможности раскрывают археологические исследования перед учеными, изучающими древнейшее прошлое народов.

Так, М. В. Ломоносов замечает в одной из своих работ, что в Италии, в городе Модене, при рытье колодцев было обнаружено много культурных слоев: «В верхнем слое, толщиною на 14 футов, лежат явственные признаки и остатки старого города, который неоднократно разорен и погребен в своих развалинах». Затем идет слой земли без культурных остатков, а еще ниже слой, где находятся примитивные, «к земледельству принадлежащие орудия»³. В другом месте М. В. Ломоносов сообщает, что во время его пребывания во Фрейберге в древнем руднике были найдены человеческие кости и старинные «рудокопные инструменты»⁴.

Задолго до начала систематических, научно поставленных раскопок на Западе, М. В. Ломоносов настаивал на необходимости организации планомерных археологических исследований в столь богатых памятниками старины различных областях России, в древнейших ее городах — Киеве, Новгороде и других, планируя для этого составление специальных карт, на которые были бы нанесены древние городища и курганы, списков населенных мест и сбор необходимых для развертывания археологических работ сведений о древностях.

Однако проектам М. В. Ломоносова не суждено было осуществиться в тех масштабах, на которые он рассчитывал, ибо Сенат и Синод не оказали поддержки, необходимой для успешного проведения обследований.

И все же вскоре ответы на запросы Академии Наук начали приходить в столь значительном количестве, что Академической канцелярии пришлось

¹ Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771, т. I. «Предуведомление».

² В. И. Ламанский, Ломоносов и Петербургская Академия Наук. СПб., 1865, стр. 126—127.

³ М. В. Ломоносов. Сочинения. М.—Л., 1934, т. VII, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 199.

выделить специально для их обработки студента Илью Андреева. К началу 1763 г. ответов было получено более четырех тысяч, что, как указывал Ломоносов, «наполовину государства дало» обстоятельную топографию¹; позднее ими воспользовались для первого топографического описания России, изданного Бакмейстером в 1772—1774 гг. Сведения, собранные Ломоносовым, послужили опорой для новой, грандиозной, охватывающей всю территорию России, экспедиции Академии Наук, организованной уже после смерти Ломоносова. Эта экспедиция, наряду с естественно-научными и этнографическими исследованиями, немало сделала и для развития археологии в России. Использовал эти сведения и М. В. Ломоносов в своих исторических трудах, в первую очередь в «Древней Российской Истории». Так, говоря о том, что предшественник Новгорода — Славенск (?) построен задолго до появления на Руси Рюрика, т. е. до середины IX века, М. В. Ломоносов подчеркивает, что это доказывают «старинные развалины» и то, что Новгород был «дважды строен»². Многочисленные археологические исследования, проведенные в Новгороде в течение последних десятилетий, подтвердили правильность предположения М. В. Ломоносова о возникновении Новгорода на его современном месте не ранее начала X в. Точное расположение более древнего поселения до сего времени не установлено³.

М. В. Ломоносову были хорошо известны находки «Готических серебряных денег» на р. Пинеге; он знал о существовании на месте современного города Холмогоры некогда богатого «торжища»; детально рассказывает он об избе, по всей вероятности лично виденной им, которая была выстроена на Новой Земле потерпевшими кораблекрушение русскими мореплавателями в XVI—XVII веках⁴. Описание М. В. Ломоносовым этой избы существенно дополняет аналогичную картину жизни русских промышленников, заброшенных на острова Фаддея, как это выяснилось после недавних раскопок А. П. Окладникова⁵.

Используя археологические данные в своих трудах, М. В. Ломоносов подкреплял их этнографическими наблюдениями и письменными сведениями. Особенно внимательно изучал он религиозные представления, справедливо видя в них один из важнейших источников для изучения древнейшей истории населения, не сомневаясь, что религиозные воззрения и обряды сохраняются в течение очень длительного времени в виде пережитков, потеряв свое первоначальное значение.

В инструкцию для планировавшейся М. В. Ломоносовым географической экспедиции на север он включил следующий пункт: «следует все, что примечания достойно, прилежно записывать. Паче ж всего описывать, где найдутся жителей вид, нравы, поступки, жилища, язык».

Археологическая и этнографическая науки в России в те времена делали еще только свои первые шаги, но среди источников, которыми пользовался М. В. Ломоносов, работая над созданием истории русского народа, археологические и этнографические материалы заняли видное место.

В отличие от норманистов, у которых языковые данные были единственным и, как правило, ненадежным источником при решении проблем древнейшей истории России, М. В. Ломоносов считал, что для решения сложнейших проблем возникновения народов или ранних этапов их истории,

¹ П. С. Билярский, указ. соч., стр. 744.

² М. В. Ломоносов. Сочинения. СПб., 1902, т. V.

³ А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11. М. К. Каргер. Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода, СА, т. IX.

⁴ М. В. Ломоносов. Сочинения. М.—Л., 1944, т. VII.

⁵ А. П. Окладников. Древнерусские полярные мореходы у берегов Таймыра. М.—Л., 1945.

когда еще отсутствуют письменные материалы, изучение языка может лишь способствовать правильному пониманию неясных вопросов. И потому он указывал, что «некоторые речения Мидские, со Славенскими сходныя, не были бы единородства вероятно, когда бы таковыми важными свидетельствами древних писателей не утверждались»¹, и что, «примечая именованья мест у Птоломея, Плиния и у других, находим от Адриатического моря и Дуная до самых берегов Ледовитого океана многие знаменования с языка Славенского, что не за бессильное доказательство признавать должно, когда на вышеписанных свидетельствах имеет опору и основание»². Стремясь в своих исторических трудах по возможности всесторонне осветить поставленную проблему, М. В. Ломоносов использовал: письменные источники и данные языка, фольклор, топонимику, археологические и этнографические материалы.

Располагая всеми этими материалами и непрерывно пополняя их, М. В. Ломоносов в своем выдающемся труде «Древняя Российская История» пришел к выводам, которые легли в основу нового антинорманистского направления в русской исторической науке и нанесли первый удар по норманизму. М. В. Ломоносов доказал, что русский народ, пройдя длительный путь исторического развития, сложился задолго до появления на Руси Рюрика с его норманской дружиной, не сыгравшей фактически никакой роли в русской истории; доказал, что русский народ всегда жил на своей исконной земле, самостоятельно творил свою историю, свою культуру и определил свое выдающееся место среди европейских народов.

Исследования советских археологов блестяще подтвердили правильность главного вывода М. В. Ломоносова о глубокой древности славянских и балтийских племен в Восточной Европе и вместе с тем они убедительно продемонстрировали то первостепенное значение, которое имеет археологическая наука в изучении древнейшего периода истории нашей Родины.

А. Л. МОНГАЙТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. МОГИЛА ВСАДНИКА у с. АРЦЫБАШЕВА

Осенью 1903 г. Рязанская ученая архивная комиссия получила сведения о том, что в Скопинском уезде Рязанской губ. близ с. Арцыбашева рабочие случайно натолкнулись на богатую могилу с большим количеством украшений и оружия, костями человека и коня. Весной 1904 г. на место находки был командирован В. Крейтон, который получил найденные вещи, выяснил обстоятельства находок и произвел дополнительные раскопки. Отчет Крейтона был напечатан в Трудах Рязанской ученой архивной комиссии¹ без иллюстраций и поэтому не давал представления о подлинном значении находки. К тому же в отчете были описаны лишь золотые вещи, о прочих же почти ничего не сказано. Между тем находка принадлежит к кругу памятников, который в последнее время привлекает все большее внимание, так как дает представление о населении степной полосы юго-восточной Европы в VI—VIII вв. н. э. Поэтому, изучая коллекции Рязанского областного краеведческого музея и познакомившись с хранящимися там вещами из Арцыбашева, я пришел к выводу о необходимости опубликовать эту интереснейшую находку.

Крейтону не удалось точно установить обряд погребения, так как могила была сильно разрушена. Повидимому, она была вырыта в виде продолговатого четырехугольника глубиной около 3 аршин. Покойник, конь и сопровождавшие их вещи были опущены в эту яму. Среди вещей прежде всего следует отметить обломки глиняных сосудов с волнистым и линейным орнаментом, очень близких по типу к серой салтово-маяцкой керамике.

Большой однолезвийный меч относится к типу, который правильно именуется мечом-саблей (рис. 42). Узкий и длинный клинок почти не имеет изгиба. Лезвие одностороннее. Черенок для насадки рукоятки выкован заодно с клинком. Длина меча вместе с черенком 1,04 м. Длина клинка 88 см. Ширина его в части, примыкающей к рукояти, 4 см, у заостренного конца 2,7 см. Наконечники стрел (8 шт.) железные, черешковые, трехлопастные (рис. 43—15, 16). Удила железные, в сечении круглые, состоят из двух частей, подвижно соединенных кольцами (рис. 43—17). Свободный конец каждой из частей заканчивается двумя отверстиями в виде колец; в крайнее продето кольцо, во второе, очевидно, вставлялся псалий. Псалии были костяные. Интересен кочедык — это изогнутый рог с кольцом на конце (рис. 44—1). Среди костяных изделий следует отметить небольшие кружки,

¹ Случайная находка могилы всадника близ с. Арцыбашева в Скопинском уезде Рязанской губернии. ТРУАК, т. XX, вып. I, 1905, стр. 85—89, вып. II, стр. 207—212.

подобные пряслицам (рис. 44—2), и пластину, орнаментированную кружками, по форме напоминающую нож (один конец обломан, рис. 43—1). Пластина, вероятно, служила накладкой на лук.

Характерны и разнообразны пряжки и накладки поясного набора. Серебряные антропоморфные бляшки с оборотной стороны имеют 3 штифта для прикрепления к ремню. На лицевой стороне прорези — орнамент, в котором можно видеть изображение человеческого лица с высокой шапкой над ним (рис. 43—13). В то же время по общему облику пряжка напоминает геральдический щит. Антропоморфные бляшки меньших размеров представлены на рис. 43—8, 9. Серебряная массивная пряжка к поясному ремню в виде прямоугольника, поставленного на трапецию (рис. 43—14). Трапециевидная часть с большой прорезью. Наконечник неизвестного назначения, полая обоймица заканчивается круглой головкой с отверстием и выступом (рис. 43—4). Коромыслообразные пластинки с двумя штифтами (рис. 43—12), застежка четырехугольная, украшенная насечками (рис. 43—5), медная кнопка с насечками по краям (рис. 43—10), кнопка с 3 отверстиями (рис. 43—11), застежки железные четырехугольные с иглой (рис. 43—6), железная пряжка (рис. 43—7), медный наконечник для пояса (рис. 43—2), подковообразная медная бляха (рис. 43—3), небольшой железный нож, медные обломки ножен.

Золотые украшения (рис. 45).

1 — пластинка из листового серебра в форме погончика, служила подкладкой для золотых бляшек; в данном случае бляшка, очевидно, утрачена.

2 — золотая бляшка в форме погончика (29 × 11 мм). Серебряная пластинка, подобная 1, обернута листовым золотом и украшена припаянной зернью в виде пятнадцати пирамидок, обращенных вершинами к закругленному концу погончика. Параллельно краям погончика вытиснена узкая гладкая полоска, опоясанная с внутренней и наружной стороны рядами зерни.

3 — золотая бляшка в форме погончика (38 × 12 мм), подобная 2.

4 — золотая бляшка в форме укороченного погончика (10 × 11 мм) без серебряной подкладки.

5, 6, 8 — золотые бляшки овальной формы (27 × 11 мм). Украшены зернью в виде пирамидок, сходящихся вершинами и симметрично расположенных в обеих половинах бляшки.

7 — две золотые бляшки, соединенные застежкой (15 × 16 мм каждая). Украшены зернью. Орнамент в виде шнура, образующего петлю, тиснёный. Застежка состоит из проволоки, образующей на одной бляшке кольцо, на другой крючок.

9, 10, 11 — золотые бляшки, подобные 7, но без застежки.

12 — золотая серьга в виде кольца (15 мм в диаметре) с приделанной опрокинутой трехгранной пирамидкой (10 мм высоты), украшенной рядами зерни. Пирамида заканчивается тремя крупными шариками, к которым припаян один большой, завершающий всю серьгу. Подобные серьги широко распространены на юго-востоке Европы, и по ним можно довольно точно датировать комплекс. Прототип серег с трехгранной пирамидкой появился еще в скифское время, но вошли они в моду в VII—VIII вв. Нидерле считает их импортными,

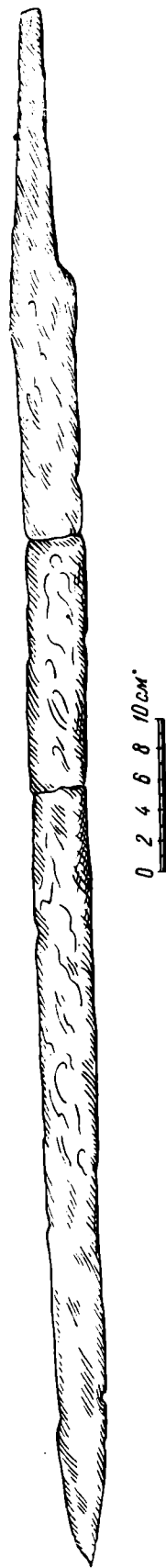

Рис. 42. Меч-сабля из погребения в с. Ардыбашева

Рис. 43. Вещи из погребения близ с. Арцыбашева

византийскими¹. Они широко распространены в славянских землях, встречаются в погребениях далматских, хорватских, словенских, чешско-моравских и южно-русских. Часто встречаются также в венгерских и так называемых аварских древностях. Они сохраняются в славянских землях и позже VIII в., но в IX—XI вв. встречаются в виде имитаций зерни. Серьга из Арцыбашева по типу относится к ранним подобным изделиям и может быть датирована VII веком². Другие вещи из Арцыбашева также относятся к этому времени: удила, стрелы, однолезвийный меч, пряжки и бляхи поясного набора подобного типа широко распространены в степной полосе и обычно связываются с кочевническим населением. Один из наиболее близких к арцыбашевскому комплексов открыт у с. Вознесенки в Запорожье³. Аналогичны однолезвийные мечи (табл. II, рис. 13—14), железные трехлопастные наконечники стрел (табл. II, рис. 1—3), бронзовые пряжки (табл. VI, рис. 2), удила (табл. I, рис. 5), золотые украшенные зернью бляшки (табл. V, рис. 2). Близки к арцыбашевским антропоморфные бронзовые пряжки (табл. VI, рис. 4). В. Гринченко по аналогии с вещами из Кемпийского, Ново-Санджаровского, Перещепинского кладов, датированных византийскими монетами 602—668 гг., относит Вознесенский клад к концу VII—VIII века⁴.

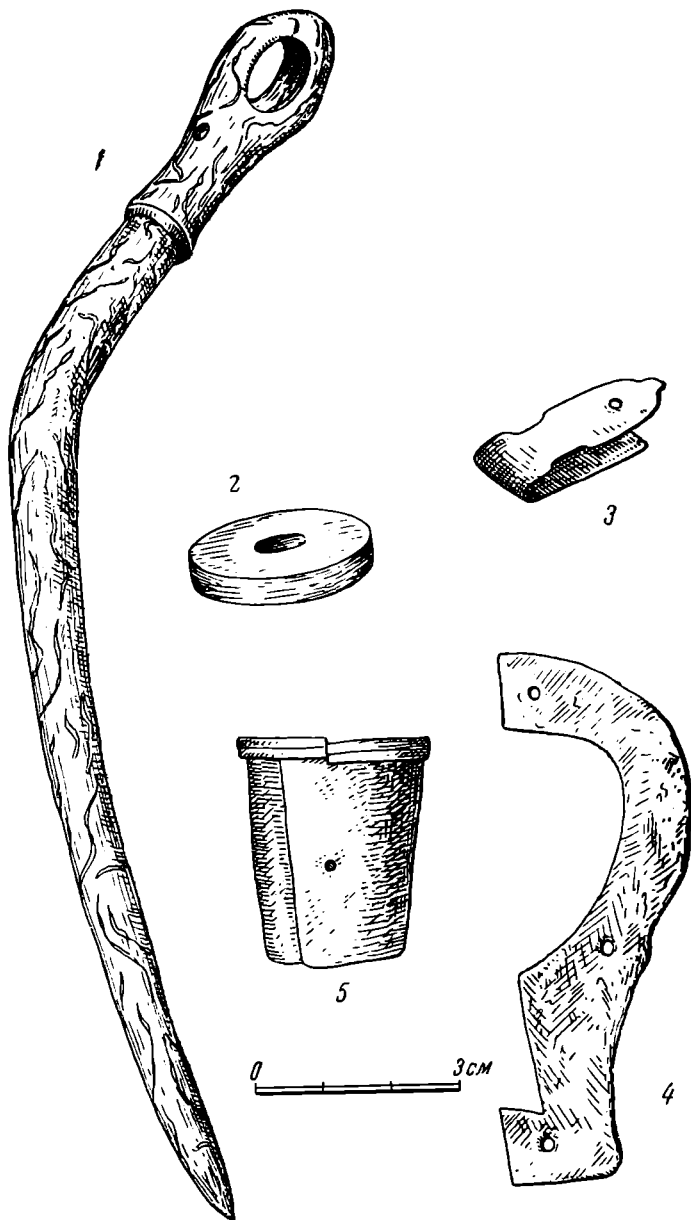

Рис. 44. Вещи из погребения близ с. Арцыбашева

Аналогии арцыбашевским вещам мы находим также среди пряжек, бляшек и оружия третьей группы погребений Борисовского могильника (близ

¹ L. Niederle. *Rukovět Slovanské archeologie*. Praha, 1931, стр. 194, рис. 87, 11.

² Полная аналогия имеется в Венгерском национальном музее. См. J. Hampe. *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn*. Braunschweig, 1905, том III, табл. 286, рис. 9.

³ В. А. Гринченко. *Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. «Археологія»*, т. III, Київ, 1950, стр. 37—63.

⁴ Ю. В. Кухаренко в 1949 г. раскопал могильник в Ново-Покровке на Харьковщине. См. статью в этом вып. КС, стр. 99. Он сопоставляет вещи из Ново-Покровского могильника, а также из комплекса, найденного в 1891 г. близ с. Тополи, Купянского уезда Харьковской губ., с вознесенскими и датирует их тем же временем. Нужно сказать, что вещи из Тополи и Ново-Покровски не дают полных аналогий с вознесенскими и арцыбашевскими.

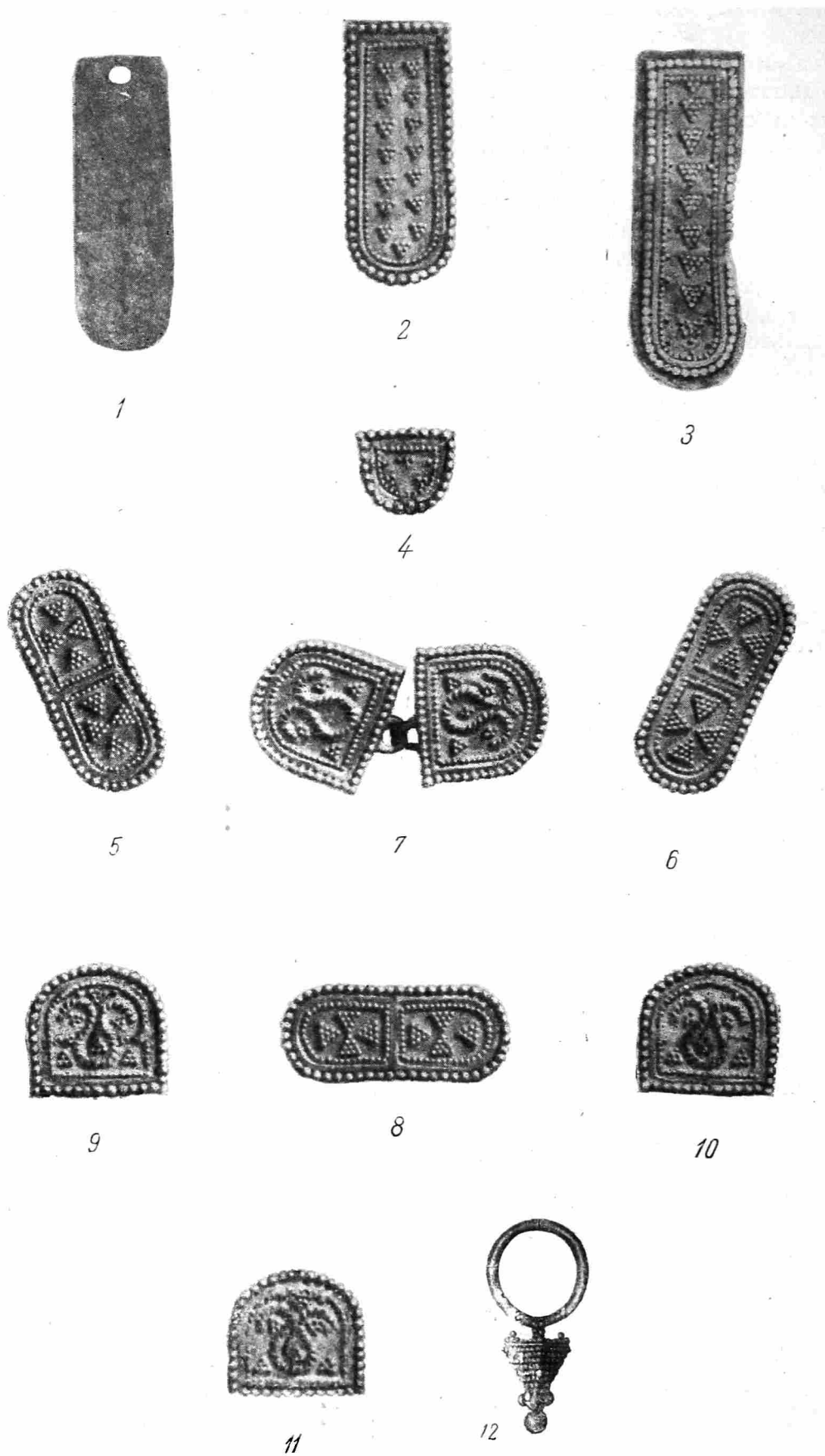

Рис. 45. Золотые украшения из погребения у с. Ардыбашева
 1—11 — нат. вел.; 12— $\frac{3}{4}$ нат. вел.

Геленджика). Абсолютно аналогичны золоченые пластинки из поясного набора с зернью по гладкому полю¹, антропоморфные пряжки и медные кнопки².

Б. А. Рыбаков, сопоставив клад из Вознесеновки с находками в Борисовском могильнике, считает возможным предположить, что эти древности связаны с русами³. Нужно сказать, что основой для такого предположения является главным образом обряд погребения — трупосожжение, так как вещевой инвентарь не дает точных данных для определения этнической принадлежности его владельцев.

Некоторые вещи, подобные арцыбашевским, распространены в степях и в лесостепном пограничье юго-восточной Европы от Дона до Венгрии. Их чаще всего называют аварскими древностями и связывают со степным кочевническим населением. Обычно хорошим этническим признаком служат фибулы, бляшки, браслеты и другие украшения личного или конского убора. Однако антропоморфные и серебряные или золотые зерненные бляшки, подобные арцыбашевским, так широко распространены, что не могут служить для определения местной культуры. Спицыны подобные поясные наборы называет наборами «готского типа». Действительно, антропоморфные бляшки встречены в могильниках в Крыму⁴, в Агойском могильнике на Черноморском побережье Кавказа⁵. Встречаются они очень часто и в Венгрии⁶. Таким образом, ни оружие, ни украшения не дают возможности отнести арцыбашевское погребение к какому-либо точно очерченному территориально или этнически определенному кругу памятников. Единственным ценным в этом отношении указанием является находка в комплексе керамики салтовского типа. Если отдельные вещи широко распространены, то в целом комплексы, подобные арцыбашевскому, вознесеновскому, характерны для полосы соприкосновения лесостепи со степью от Днестра до Дона.

Находка Арцыбашевского погребения важна для истории Окско-Донского междуречья VI—VII вв. В среднем течении Оки в это время распространена группа памятников, известная под названием Рязанских могильников, этнически увязывающаяся с позднейшей мордвой и муромой. До течения Дона Рязанские могильники не доходят. Арцыбашевское погребение свидетельствует о том, что южная часть Рязанского края была занята в VI—VII вв. населением, отличным от населения, оставившего Рязанские могильники. Может ли, однако, одно погребение служить основой для каких бы то ни было выводов? Не является ли арцыбашевская находка погребением кочевника, далеко ушедшего от основных районов расселения своего народа и умершего на чужбине? О том, что это не так, свидетельствует проникновение отдельных предметов типа арцыбашевских в Рязанские могильники. Это результат каких-то внешних отношений и, вероятно, территориальной близости, а не случайности. Не только в южных пограничных со степью районах, но и в могильниках Борковском и Кузьминском встречаются удила, пряжки, бляшки поясного набора, схожие с арцыбашевскими. Таковы в Борковском могильнике вещи из погребений № 14, 42, 28, 5 и других⁷. Антропоморфные бляхи, которые, по мнению Спицына, проникли в бассейн Оки с Дона или Кавказа, встречаются и в

¹ В. Саханев. Раскопки на Сев. Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, рис. 21.

² Указ. соч., табл. I, рис. 20, 22 и 13.

³ Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, М.—Л., 1950, стр. 15.

⁴ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, ч. II.

⁵ А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, стр. 86—95.

⁶ J. Naprel. Указ. соч., т. II.

⁷ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, СПб., 1901, табл. XVI, рис. 5, 6, 7, 9, 11, 14

ранних муромских могильниках¹. Таким образом, Арцыбашевское погребение, вероятно, не случайное в верховьях Дона, а принадлежит населению, соприкасавшемуся с населением, оставившим Рязанские могильники.

Интересно отметить, что Арцыбашевское погребение находится в лесостепной полосе, но на издавна безлесном участке, позже называемом «поволецким полем».

II. БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ

А. А. Спицын издал ряд памятников, сгруппированных им под общим названием «уродливых медных статуэток»². Это найденные в разных местах от Украины до Сибири, всегда случайно, не в раскопках, небольшие фигурки, имевшие какое-то религиозное значение и связываемые с шаманскими культами. Некоторые из этих фигурок могут быть названы «уродливыми» не по исполнению, а вследствие того, что они изображаются авторами преднамеренно с какими-либо недостатками, например однорукие, одноглазые, с уродливыми конечностями и т. п. Статуэтки, собранные для издания Спицыным, не только происходят из разных частей страны, но, очевидно, принадлежат и к разным эпохам. Так как они все не датированы, то трудно говорить о времени изготовления. Облик одних очень архаичен, изображение грубо, условно, другие отличаются тонкой моделировкой деталей, высоким качеством изображения. Спицын делит их на несколько групп: статуэтки рожениц (с изображением акта родов), гермафродиты (двуликие статуэтки, одновременно изображающие мужчину и женщину), трехликие, одноглазые, однорукие и одноногие. Спицын предполагает, что они представляют собой монгольские онгоны, державшиеся у татар до принятия мусульманства, а у некоторых подчиненных им народностей (особенно у шаманистов — башкир и чувашей) и позднее. «Во всяком случае статуэтки этого рода, находимые в Европейской России, относятся именно ко времени Золотой Орды, так как чаще всего попадают в татарских городах и исключительно в пределах Орды»³. С выводом Спицына о связи некоторых статуэток с шаманизмом можно согласиться, хотя нужно указать, что подобные фигурки не встречаются у современных шаманов.

У современных народов воспроизведения онгонов ничего общего с бронзовыми фигурками не имеют и сравнение между ними возможно только в смысле одинаковости или близости связываемых с ними верований.

Очевидно, неправильно отнесение всех статуэток ко времени Золотой Орды. Места их находок — это не собственно золотоордынские города, а широкая территория Восточной Европы. Не все находки были известны Спицыну. Две бронзовые статуэтки из коллекций Харьковского археологического музея были изданы его директором А. С. Федоровским⁴. Одна из них была найдена в насыпи кургана близ с. Круглого, бывш. Старобельского уезда Харьковской губ., вторая у дер. Веровка, бывш. Бахмутского уезда Екатеринославской губ., в пахотном поле⁵. Бронзовые фигурки идолов, хотя и не сходные со старобельским идолом, известны из Черной могилы, из курганов бывш. Полтавской губ., из курганов близ с. Сарогожского и других.

¹ Aspelin. Antiquité du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1880, вып. III, стр. 189, № 878—880.

² А. С. Уродливые медные статуэтки. ИАК, вып. 29, СПб., 1909, стр. 142 сл.

³ А. С. Указ. соч., стр. 152.

⁴ А. С. Федоровский. Две бронзовые статуэтки Харьковского археологического музея. Наука на Украине, орган Научного комитета Укрглавпрофобра, № 4, Харьков, 1922, 286—297.

⁵ И. Леваковский. Заметка об ископаемых медных изделиях, найденных в Бахмутском и Славяносербском уездах. Труды Харьковской комиссии по устройству XIII археологического съезда. Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. XVI, X, 1905, стр. 580.

Большой интерес представляет статуэтка из коллекции Рязанского областного краеведческого музея. Она найдена А. Селивановым при раскопках храма в 1888 г. Отчет о раскопках составлен в настолько неясных выражениях, что трудно себе представить то сооружение, в котором была сделана находка. Ясно следующее: у внешнего края западной стены храма, ниже уровня стен, на уровне рвов фундамента, оставшихся после выемки бута, была обнаружена насыпь (?) из чистой глины. «В центральной части глинистой насыпи в 2 аршина глубины, которая снималась тонкими

Рис. 46. Бронзовая статуэтка из Старой Рязани
1 — вид спереди; 2 — вид сбоку

слоями, обнаружился вертикально стоящий, небольшой обрубок сгнившего дерева, от верхнего конца которого отпала бронзовая женская фигура в виде бюста. Под слоем глины, пространство которого суживалось книзу, оказался слой примятой плотно черной земли, глубиною на 1 аршин. На поверхности этой земли, покрытой остатками от еды (рыбья чешуя, свиные зубы, косточки разных животных и пр.), найдены осколки горшка, витое каменное колечко и бронзовый крестик. Оба разрытых слоя земли заполняли собой четырехугольную яму в материке, аршина в 4 в поперечнике»¹. Очевидно, в отчете слово «насыпь» означает заполнение насыпной глиной ямы. Мы имеем здесь дело не с идолом, стоящим в насыпи наверху кургана, как в Черной могиле, а с изображением, находящимся внутри землянки, заплывшей и заполненной глиной. Бронзовый бюст был прикреплен к деревянному столбу. Это и был идол, у основания которого найдены остатки жертвоприношений — горшок, остатки пищи и т. д.

Что представляет собой старорязанская статуэтка? Это бронзовая литая полая фигурка, составляющая лишь половину четырехликого идола

¹ А. Селиванов. Дневник раскопок в Старой Рязани. ТРУАК, III, стр. 162.

(рис. 46—1, 2). Очевидно, к задней ее стороне приставлялась другая такая же фигурка. Разрез приходится на середину носов на боковых частях идола. Четко моделированы большие треугольные носы, боковые с сильно подчеркнутой горбинкой. Глаза и груди отмечены при помощи циркульных небольших кружков. Левый глаз в центре имеет сквозную дырочку. Губы проведены в виде трех полосок, три пробитых насквозь дырочки как бы показывают оскал зубов. На груди идола изображено добавочное человеческое лицо.

Небрежность раскопок, произведенных Селивановым, лишает нас возможности говорить определенно об этом интереснейшем памятнике. Хотя из отчета не ясен характер сооружения с идолом, но несомненно, что оно было в слое, лежащем ниже основания храма. Последний датируется серединой XII в. Возможно, что идол относится ко времени, предшествующему расширению Старой Рязани за пределы северного городища, когда здесь, у стен русского города, находился какой-то поселок местного мордовского населения. Возможно, однако, и даже наиболее вероятно, другое предположение, что это языческое святилище существовало в довольно позднее время, когда в русской Рязани существовало христианство и когда город вышел за пределы северной древнейшей части и включал уже участок, на котором был найден идол. Об этом свидетельствует находка бронзового крестика в слое, содержавшем остатки жертвоприношений. Пережиточное сохранение древних культов, особенно в поздно христианизировавшейся и долго сопротивлявшейся введению христианства земле вятичей, не вызывает удивления. Смешение языческого с христианским в обрядности удерживалось в течение многих веков.

Возможно также, что языческое святилище было уничтожено и на его месте преднамеренно воздвигнут христианский храм (церковь Спаса, распанная в 1888 г.) в целях борьбы с традицией поклонения языческому божееству, совершавшемуся на этом месте. Еще со времен Владимира пошла традиция «рубить церкви и поставляти по местом идеже стояху кумиры».

Что же представляет собою найденная здесь бронзовая статуэтка, какое божеество она изображает и почему она сходна с шаманскими древностями?

У народов финно-угорских языков в бассейнах Оки и Волги был распространен шаманизм, исчезнувший у них позже и сохранившийся до XIX в. у их зауральских сородичей. Отголоски этих культов могли быть и среди русского населения. Возможно, что медвежий культ, волхование и являются именно такими признаками влияния верований и обычаев поволжских народов на русское население. Влияние было настолько сильным, распространение этих верований в русском народе так широко, что Владимир, воздвигая пантеон богов, счел необходимым включить в него и богиню Мокошь,— вероятно, финского происхождения. Это имя сближается с мордовским Мокша, марийским Мокш, Мока. В Олонецком крае следы подобного древнего языческого культа сохранялись еще в середине XIX в. Мокуша или Макуша — существо, которого боятся женщины и присутствие которого замечают по стершейся шерсти овец и урчанью веретена¹. Это дало основание Б. А. Рыбакову предположить, что богиня-пряжа Мокошь была покровительницей прядения и ткачества, связанной с ремеслом². Во всяком случае, кем бы ни было это до сих пор неразгаданное до конца древнеславянское божеество, наличие его в пантеоне Владимира, вероятно, является свидетельством включения народов финского языка (будем называть их чудью, как это делает летописец) в состав Киевской Руси и тесных их связей со славянством. У нас нет никаких оснований отождеств-

¹ А. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-обличительной литературы. Вып. 3, СПб., 1896, стр. 320.

² История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 69.

лять найденного идола с Мокошью, я остановился на этом божестве лишь как на примере чудско-русских религиозных связей. О том же свидетельствует и такое явление русского язычества, как волхование. Если оно и не заимствовано у чудских народов, то несомненно развилось под их влиянием¹. Летописный рассказ (1071 г.) о «чудском волхове», к которому пришел погадать некий новгородец, рисует нам процесс гадания как шаманское комлание. Иллюстрирующая рассказ миниатюра Кенигсбергской летописи изображает комлание с бубном и упавшего на землю волхва.

Поэтому даже если бы удалось доказать связь статуэток, подобных рязанской, с шаманизмом, то это не противоречило бы нашему предположению, что статуэтка использовалась в качестве идола в славянском языческом святилище. Волхование не исчезло с утверждением христианства, оно стало тайным. Не исчезло и поклонение идолам. В народе «двоеверие» было широко распространено. Церковно-обличительная литература, направленная против пережитков язычества, ярко свидетельствует об этом. Так в «Слове о неделе» XII—XIII вв. обличается поклонение неделе — болвану (т. е. идолу), ставленья трапезы рожаницам и т. д. В «Слове» указано, что болван «спрятан», потому, что духовенство боролось с этим обычаем. Любопытно, что в списке «Слова» XIV в. этого выражения уже нет. Очевидно, перестали поклоняться болванам².

Языческое святилище с четырехликим (как очень часто у славян) идолом могло оставаться в Рязани вплоть до середины XII в., когда оно было разрушено и на его месте воздвигнут Спасский собор. Культ был тайным, поэтому святилище находилось в землянке, а не под открытым небом, как обычно.

III. НОВГОРОДСКИЕ ГИРЬКИ

В VIII—XI вв. в Восточной Европе от Скандинавии и Прибалтики до Волго-Окского междуречья и Каспийского моря распространены восточные монеты и небольшие гирьки, служившие для взвешивания монет и драгоценных металлов. Обилие находок дает возможность проследить торговые связи с Востоком, выяснить пути и время распространения монетных кладов. Эта тема неоднократно привлекала внимание русских и иностранных ученых. С этой темой связан вопрос о происхождении русской системы веса. Общим является правило, что система веса связана с монетной системой. Так как в момент возникновения Русского государства в Восточной Европе были широко распространены восточные монеты, то естественно возникла мысль о заимствовании с Востока и мер веса, легших в основу русской денежной системы, когда она появилась. Развитие международной торговли приводило к тому, что национальные системы мер приспособлялись к требованиям такой торговли, или, чаще, приводило к заимствованию системы мер тех народов, с которыми были наиболее интенсивные связи.

П. Г. Любомиров в своем блестящем исследовании торговых связей древней Руси с Востоком³ доказывает, что прочные сношения, судя по монетнымкладам, возникли во второй половине VIII в. Однако вернее будет отнести начало интенсивного проникновения диргемов только к IX в. Находки диргемов VIII в. относительно редки и преимущественно обнаружены в кладах IX в.⁴ С начала IX в. торговля сразу приобретает большие

¹ См. Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

² Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Зап. МАИ, т. XVIII, 1913, стр. 77.

³ П. Г. Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. Уч. зап. Саратов. ун-та, т. I, вып. 3, 1923.

⁴ Фасмер. Об издании топографии находок куфических монет. Известия АН СССР, вып. 47, 1933.

масштабы. Так продолжается до первой четверти XI в., когда диргемы исчезают из обращения. Не весь восток Европы был в равной степени интенсивно связан торговлей с купцами, привозившими диргемы. Южные славянские государства — придунайские и причерноморские — были преимущественно связаны с западноевропейской и византийской торговлей.

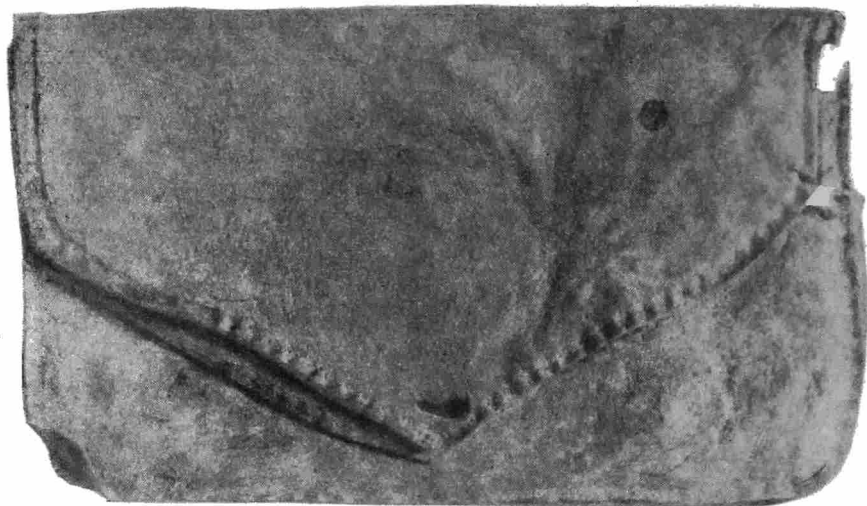

Рис. 47. Кожаный кошелек XI в. из Новгорода

Восточные монеты шли по Волге и Оке в Новгородскую землю, в Прибалтику и Скандинавию. Чем дальше находки идут к югу от Балтийского моря, тем меньше в них восточных монет. «Малочисленность арабских

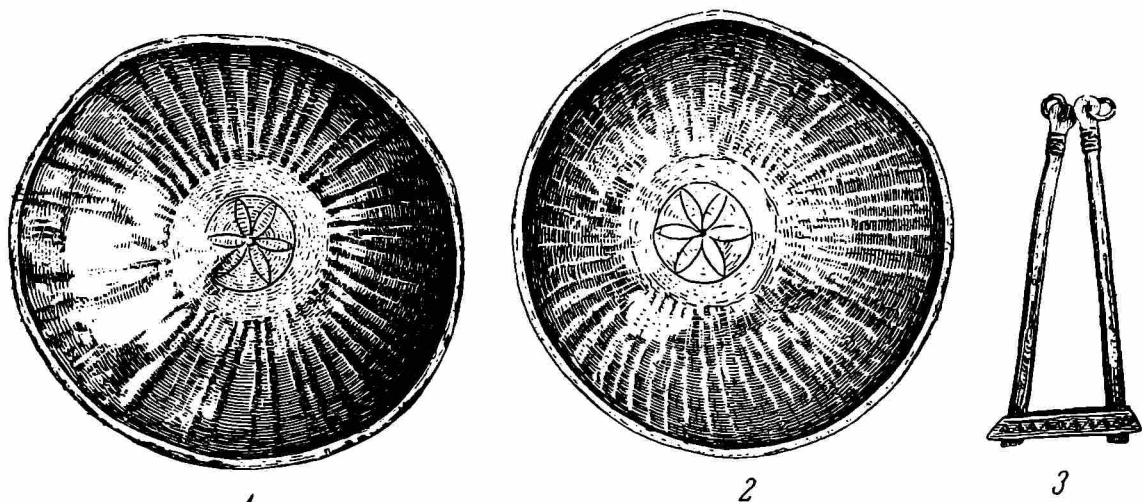

Рис. 48. Бронзовые чашечки и коромысло весов

монет в более южных кладах указывает на то, что они шли не от Черного моря по Дунаю, Пруту, Днепру, Припяти, а через Балтийское море, а сюда Волгой от Каспийского моря»¹. В соответствии с международными торговыми связями предполагается и заимствование мер веса. Для Киева и юга Руси можно предполагать римско-византийское их происхождение, для Волго-Окского междуречья и Новгорода — восточное.

Позже происходит их унификация и они входят в систему денежного

¹ Е. Щепкин. Древнейшие сношения Швеции с Востоком. Исторические известия, 1917, № 1, стр. 23.

счета Русской правды, как общерусские, общие для всего Киевского государства во всяком случае. Надежным средством для выяснения вопросов, связанных с происхождением русского веса, является изучение гирек, часто встречающихся в раскопках и кладах. Несколько лет назад я посвятил статью¹ вопросу о прототипе этих гирек. Доказывая, что они имеют прототипом восточные, в основе которых лежал законный диргем, я не рассмотрел другую сторону вопроса: как эти гири были приспособлены к денежному счету Русской правды и связан ли этот счет с системой веса, лежащей в их основе. Все гирьки, найденные в Восточной Европе, мною рассматривались как принадлежащие к одной системе, и поэтому вызывало удивление колебание единицы веса в них от 3,52 до 5,01 г². Естественно предположение, что резкая разница в весе объясняется не только несовершенством изготовления, как я предполагал, но и тем, что они входят в разные системы веса. Таким образом, моя статья коснулась лишь одной стороны вопроса, не решая проблему в целом.

Рис. 49. Бронзовый диргем с ушксом

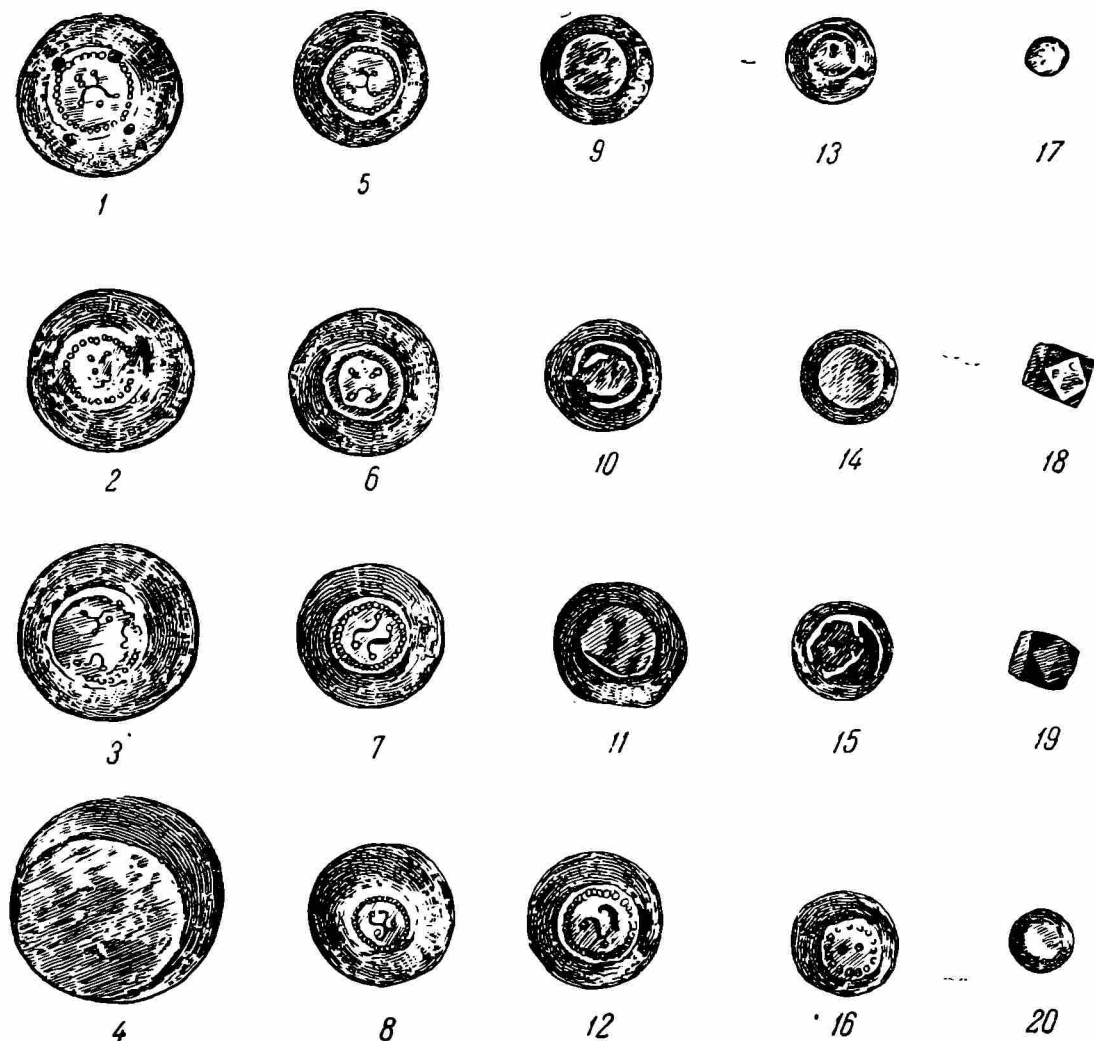

Рис. 50. Бронзовые гирьки-разновески из Новгорода

¹ А. Л. Монгайт. Рязанские гирьки. КСИИМК, вып. XIV, 1947.

² Такое же колебание единицы веса наблюдал Арне на 220 изученных им гирях из находок в Швеции. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 183—191.

В настоящей заметке я не предполагаю решать эти сложные вопросы. Моей задачей является лишь публикация находки, которая, я надеюсь, поможет в решении поставленных вопросов. Хотя находки гирек в Восточной Европе составляют несколько сот штук и, казалось бы, материала для сравнительного изучения достаточно, особый интерес представляют разновесы, обнаруженные в Новгородском кремле во время раскопок 1938 г., так как здесь мы имеем полный комплект гирек от больших до малых.

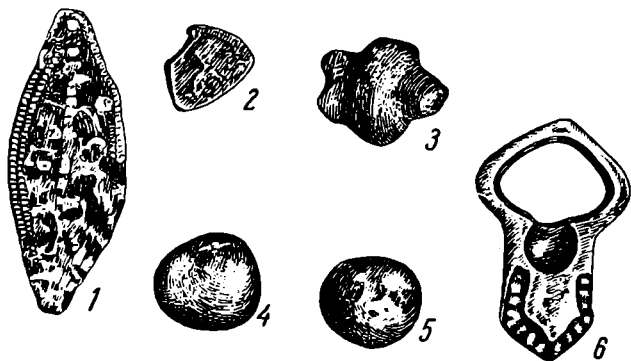

Рис. 51. Предметы из новгородского кошелька

При расчистке XIV настила мостовой на Епископской улице в слое, относящемся к первой половине XI в., найден кожаный купеческий кошелек, размером $17 \times 10,5$ см (рис. 47). Он был тщательно сложен и перевязан в двух местах нитями, которые не сохранились, но следы их сильно врезались в кожу. Внутри находились: две бронзовые чашечки от небольших весов диаметром 4,5 см (рис. 48—1, 2), орнаментированные по внутренней стороне розеткой с шестью лепестками, помещенной в круг, проведенный циркулем, и имеющие по краям по 4 дырочки для креплений, при помощи которых чашечки подвешивались к коромыслу; обломок коромысла весов (рис. 48—3); бронзовый диргем с ушком (подделка под серебряные диргемы X в.; рис. 49); 20 бронзовых разновесок (рис. 50); пять маленьких камешков; часть бронзовой иглы; бронзовая пряжка; бузина; сплюснутый серебряный перстенок (рис. 51) и вишневая косточка¹. В свое время находка не была полностью опубликована, а когда я ознакомился с ней и взвешивал предметы, некоторых вещей уже не доставало. Они были утрачены из Новгородского музея.

В результате взвешивания установлен вес диргема, равный 2,54 г, и разновесок (табл. 1).

Таблица 1

№ п/п	Описание разновесок	Вес, г	№ рисунка
1	Большая медная в виде двух усеченных конусов, сложенных основаниями, без знаков, со следами мелкого орнамента в виде черточек по краю	91,2	50—4
2	Бронзовая в виде шара, усеченного с двух противоположных сторон. Знаки на обеих сторонах неясны. На одной 7 кружков в центре и 20 кружков по кругу	56,08	50—3
3	Такая же, по 5 кружков на каждой стороне . .	40,05	50—2
4	Такая же, по 4 кружка в центре на каждой стороне	32,25	50—1
5	Такая же	31,5	50—7
6	Форма та же, количество кружочков неясно . .	16,88	50—9
7	Форма та же, по 3 кружочка на каждой стороне	23,65	50—12

¹ А. А. Строков, В. А. Богусевич, Б. К. Мантейфель. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. Новгород. исторический сборник, вып. 5. Новгород, 1939, стр. 16.

Таблица 1 (окончание)

№ п/п	Описание разновесок	Вес, г	№ рисунка
8	Форма та же, по 4 кружочка на каждой стороне	40,7	50—6
9	Форма та же, 3 кружочка на одной стороне . .	25,05	50—8
10	Форма та же, по 4 кружочка на каждой стороне	32,00	50—5
11	Форма та же, сильно попорчена	21,5	50—11
12	Форма та же, сильно попорчена, по 2 кружка на каждой стороне	15,78	50—10
13	Форма та же, сильно попорчена	8,42	50—15
14	Форма та же, количество кружков неясно . . .	16,37	50—13
15	Форма та же, сильно попорчена, количество кружков неясно	8,33	50—14
16	Форма та же, на одной стороне 14 кружков по кругу, один в центре, на другой 12 по кругу, два в центре	12,33	50—16
17	Форма та же, по одному кружочку на каждой стороне	8,8	50—20
18	Форма та же, кружков нет	4,77	50—17
19	Форма восьмигранная, на четырех сторонах по 4 кружочка, на двух по 3 кружочка	3,82	50—18
20	Форма та же, несколько попорчена	3,2	50—19

Так как, очевидно, не только разновески, но и другие предметы, найденные в кошельке, соответствовали принятой весовой системе и служили гирьками при взвешивании, вес этих предметов также должен быть принят во внимание при исчислении весовой системы.

Кусочек бронзы (разновеска в виде лепешечки), вес 2,59 (рис. 51—4); кусочек бронзы в виде пятилепестковой розетки, вес 2,47 (рис. 51—3); бронзовая разновеска в виде лепешечки, вес 3,7 (рис. 51—5); кусочек бронзы, вес 1,65 (рис. 51—2); серебряный перстенец, вес 1,33 (рис. 51—1); пряжка бронзовая лировидная, вес 4,74 г. (рис. 51—6). Бронзовая игла, бусина, вишневая косточка, камешки не сохранились.

Считая, как обычно, что количество кружочков в центре означает количество единиц веса в гирьке, вычисляем по наиболее сохранившимся экземплярам единицу веса для шаровидных гирек: она колеблется от 3,93 до 4 г, т. е. близка к единице, вычисленной для рязанских гирек и равной 3,97. Очевидно, к другой весовой системе принадлежат восьмигранные гирьки и остальные предметы из кошелька.

Разновески из новгородского кошелька дают основу для метрологических исследований, которые могут помочь решению проблемы происхождения веса и денежного счета древней Руси.

В. И. ЗУБКОВ

ГАВЕРДОВСКИЙ КЛАД XV ВЕКА

В июне 1947 г. в Рязанский областной краеведческий музей колхозником Гавриловым был доставлен клад древних украшений и монет, обнаруженный вместе с фрагментами раздавленного тяжестью земли глиняного сосуда близ с. Гавердово, Рязанского района.

Обследованием места находки установлено, что клад открыт на краю высокого мыса древней береговой окской террасы, площадь которого в прошлом использовалась человеком для поселения. Крутые склоны ответвлений глубокого оврага, охватывающего мыс с двух сторон, сильно оплывший земляной вал и заросший ров, отделяющие его от наполья, свидетельствуют о существовании здесь древнего укрепленного поселка. Исследование естественных обнажений на площади памятника позволило выявить наличие под дерном культурного слоя, содержащего скопления угля, отдельные кости домашних животных и фрагменты гладкостенной керамики.

Следует отметить, что окрестности с. Гавердово, расположенного на берегу Оки между современной и Старой Рязанью, исключительно интересны в археологическом отношении. В итоге исследовательских работ В. А. Городцова, П. П. Ефименко, О. Н. Бадера, П. Н. Третьякова и др. здесь обнаружены неолитические стоянки, городища и могильники эпохи раннего железа и древнеславянские селища. Вероятно, около современных сел Гавердово и Вышгород существовал древний город Ожск, уничтоженный в 1237 г. полчищами Батыя вместе со столицей Рязанского княжества¹.

Поступивший из Гавердова в Рязанский музей клад состоит из 7 предметов украшений (браслета, трех перстней, двух подвесок и одной серьги) и 163 серебряных монет. Браслет изготовлен из тонкой широкой пластины низкокачественного серебра, с лицевой стороны орнаментирован шестью рядами прерывающихся посередине прямолинейных вдавлений и узором из мелких косых насечек на концах пластины у замка (рис. 52—1).

Три серебряных перстня, литые, массивные, с орнаментированными кольцами и со щитками. У двух щитки гладкие овальных очертаний, у третьего — ромбовидный с четырьмя выступами по углам. На поверхности двух щитков вырезаны углубленные изображения орнаментального характера (рис. 52—2, 3). Эти перстни могли употребляться в качестве печатей. Углубленные части рисунка на поверхности овального щитка третьего перстня заполнены чернью, зашлифованы вместе с поверхностью щитка и преследовали только декоративные цели².

¹ Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 63.

² В 1947 г. этот перстень был похищен с экспозиции Рязанского музея.

Рис. 52. Гавердовский клад 1947 г.

1 — браслет; 2, 3 — перстни; 4 — кольцо-подвеска; 5 — серьга; 6—16 — монеты
Рязанского княжества (XV в.)

Две совершенно одинаковые подвески в форме колец отлиты из серебра и позолочены; один из нисходящих концов каждой изображен в виде стилизованной головы змеи, а остальная часть кольца передает длинное змеиное тело (рис. 52—4).

Серебряная позолоченная серьга с подвесками изображена на рис. 52—5.

Нумизматическая часть клада включает серебряные монеты, три из них татарские (ханов Золотой Орды Джанибека и Тохтамыша) и 160 — Рязанского княжества.

Среди рязанских монет Гавердовского клада нет ни одной с русской надписью, точно указывающей датировку и принадлежность.

Одна подлинная татарская монета заштампована маленькой надчеканкой в виде стержня, оканчивающегося в верхней части двумя завитками, внутри которых не имеется обычно связанных с этим знаком точек (рис. 52—8). По форме надчеканки эта монета близка к монетам Рязанского князя Олега Ивановича (1350—1402 гг.)¹. К сожалению, татарские надписи на ней почти уничтожены надчеканкой и установить ее принадлежность не представляется возможным.

Основная часть Гавердовского клада представлена грубыми подражаниями монетам Золотой Орды времени Тохтамыша, имеющими на одной стороне традиционную надчеканку в виде морды зверя с большим носом и ярко выраженными глазами. При этом на 37 монетах надчеканка сделана на одной из совершенно гладких их сторон, в то время, как небрежно исполненные подражания татарским надписям расположены на другой (рис. 52—11, 15, 16).

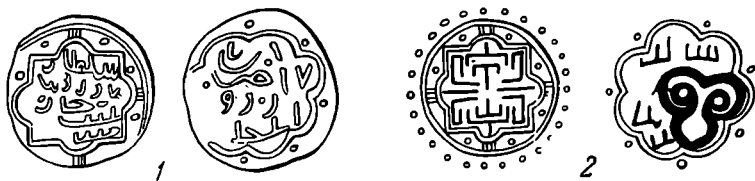

Рис. 53. Подлинная монета Тохтамыша (1) и изображения на рязанских подражаниях этой монете (2)

119 монет представляют двусторонние подражания золотоордынским, и рязанская «кунья мордка» заштамповывает основную центральную часть надписи (рис. 52—9, 12—14).

В числе этих двусторонних подражаний имеется три очень любопытные монеты, на одной из сторон которых исполнен довольно замысловатый орнамент, а другие стороны содержат бессмысленные значки, заштампованные надчеканкой — «мордкой». Эти монеты интересны тем, что в исследовании П. С. Савельева «Тетюшский клад» под № 452 опубликована подлинная монета Тохтамыша, столь близкая к ним по оформлению, что именно в этом типе и можно видеть образец, по которому производилось изготовление определенной серии рязанских подражаний.

Детально сохранив внешнее сходство в оформлении с аверсом оригинала, вместо его легенды: «Султан правосудный Тохтамыш», подражание имеет довольно сложный орнамент, заключенный в тщательно скопированное обрамление, а вместо надписи реверса: «Чекан Орды Новой» на рязанских монетах дан ряд неискусно вырезанных значков, в то время, как орнаментация по их краю также до деталей перенесена с подлинника (рис. 53). И, наконец, одна монета представлена тонкой серебряной пластиной пятиугольных очертаний с неправильными краями, на поверхностях которой абсолютно не прослежено следов каких-либо надписей, кроме рельефно отчеканенной среди гладкого поля ее аверса и реверса «куньей мордки» (рис. 52—10).

Для определения хронологии описываемого клада важнейшей является его нумизматическая часть.

¹ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М., 1896, № 420, рис. 292. Л. А. Ильин. Классификация русских удельных монет. Л., 1940, таб. III, рис. 1, 2.

Отсутствие в Гавердовском кладе именных монет князя Ивана Федоровича, сравнительно часто встречающихся в рязанских кладах, а также монет времени Василия Ивановича, позволяет считать, что весь клад собран в том составе, как он открыт, в начале XV в. и мог попасть в землю в связи с одним из очередных татарских набегов на Рязань в период княжения Федора Ольговича — не позднее первой четверти XV в.

Летописи тех тревожных лет буквально пестрят скупыми, графаретными записями: «Приходиша татарове на Рязанские украины и много зла сотвориша и отъидоша с полоном».

Следует отметить, что в 1918 г. в Рязанский музей был доставлен найденный на Окском берегу, близ города, клад рязанских монет, совершенно синхронных нумизматическому материалу Гавердовского клада. Он также состоит исключительно из монет времени Федора Ольговича в виде подражаний монетам Тохтамыша. Представляется совершенно естественным предположить, что вместе с Гавердовским кладом он является свидетелем одного из грозных событий, пережитых Рязанской землей в начале XV в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А — Археология
АН СССР — Академия Наук СССР
АН УССР — Академия Наук УССР
АН БССР — Академия Наук БССР
АП — Архитектурні пам'ятники
ВАН — Вестник Академии Наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей (в Москве)
ГРМ — Государственный русский музей (в Ленинграде)
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИА АН УССР — Институт археологии Академии Наук УССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
ИИ АН БССР — Институт истории Академии Наук БССР
ИОИФ — Известия Отделения истории и философии Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии Наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МАИ — Московский археологический институт
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МАР — Материалы по археологии России
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
СА — Советская археология
СГГ и Д — Собрание государственных грамот и договоров
СЭ — Советская этнография
ТРУАК — Труды Рязанской ученой архивной комиссии
УАН — Украинская Академия Наук
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СООБЩЕНИЯ

ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Информация	3
Доклады на Пленуме	
<i>Н. Н. Воронин.</i> К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города	5
Тезисы докладов на Пленуме:	
<i>С. А. Тараканова.</i> К вопросу о происхождении города в Псковской земле	30
<i>М. Ю. Брайчевский.</i> К происхождению древнерусских городов	32
<i>В. И. Равдоникас.</i> Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—1950 гг.	34
<i>Л. А. Голубева.</i> Древнее Белоозеро	37
<i>М. И. Артамонов.</i> Белая Вежа — русская колония в степях Подонья	41
<i>М. К. Карьер.</i> Основные итоги и проблемы археологического исследования древнего Киева	45
<i>В. А. Богусевич.</i> Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве	47
<i>В. К. Гончаров.</i> Древний Колодежик	49
<i>А. Л. Монгайт.</i> Археологические исследования Старой Рязани	54
<i>Б. А. Рыбаков.</i> Вщиж — удельный город XII века	56
<i>М. Г. Рабинович.</i> Основные итоги археологического изучения Москвы	59
<i>Б. А. Колчин.</i> Металлообрабатывающее ремесло древней Руси	67
Резолюция Пленума	69

II. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Э. А. Рикман.</i> Обследование городов Тверского княжества	71
<i>В. И. Антонова.</i> Историческое значение изображения Дмитрия Солунского XII века из г. Дмитрова	85

III. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ю. В. Кухаренко.</i> О некоторых археологических находках на Харьковщине	99
<i>В. А. Падин.</i> Роменское поселение в Трубчевском районе	109
<i>П. А. Раппопорт.</i> Оборонительные сооружения на городище в селе Старые Безрадици	114

IV. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>Д. М. Гурвич.</i> М. В. Ломоносов и археология	119
<i>А. Л. Монгайт.</i> Археологические заметки	124
<i>В. И. Зубков.</i> Гавердовский клад XV века	138
Список сокращений	142

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *А. В. Ключарев*

*

РИСО АН СССР № 4895. Т-09817. Издат. № 3354.
Тип. заказ № 1446. Подп. к печ. 29/XI 1951 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 12,33. Бум. л. 4,5.
Уч.-изд. л. 12,1. Тираж 2000.
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
3	17 св.	в Киве	в Киеве
9	17 св.	на стр. 30	на стр. 32
11	13 св.	Райка	Райки
13	29 св.	начал	начался
32	5 св.	городищах	городищ
64	4 колонка 13 св.	Андртньевский	Андроньевский
81	5 св.	до 1847	до 1547
86	5 св.	стеммя	стемма
108	7 св.	разрушения	разрешения